

ХУЛИАН КАРРОН

ЕСТЬ ЛИ НАДЕЖДА?

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ

ХУЛИАН КАРРОН

ЕСТЬ ЛИ НАДЕЖДА?

Увлекательное открытие

Перевод: Александра Шилова

© 2021 Братство «Общения и освобождения»

ВВЕДЕНИЕ

«Жизнь со смертью сразилась в удивительной битве»¹. Такими словами литургия сжато описывает исключительное событие, которое празднуется в Пасху. Исключительность его подчеркивается тем фактом, что в действительности *настоящей* битвы между жизнью и смертью никогда не было. Это лишь поэтическое выражение, ведь мы изначально знаем, кто победит. Может ли быть подлинным поединок, когда заранее известен результат?

Не нужно ждать последнего дня, чтобы понять. Молодые люди отдают себе в этом отчет довольно быстро, в чем я недавно убедился во время онлайн-встречи с группой старшеклассников. В свой выпускной год они уже ощущают первые признаки ничто, нависающие над их повседневностью, как предвестники смерти: «Моя жизнь медленно тускнеет»; «Первоначальный энтузиазм поостыл, во мне больше нет того порыва, что был раньше»; «Я в полной апатии, ничто меня не трогает, ничто не привлекает». И все же они не сдаются. Парадоксально, но именно острое восприятие этих признаков вновь зажигает в них желание жизни. Они несут его, как и мы, в ДНК своей человечности, и в них прорастает вопрос, который им не удастся сдерживать: «Что способно разрушить скуку, апатию, что позволит вновь начать жить?» Несмотря на юность, они, несомненно, уже являются полем битвы между жаждой жизни и страхом, что все обратится в ничто. У нас, взрослых, в отличие от них, длинная история за плеча-

¹ Пасхальная секвенция «Victimae paschali».

ми, подсказывающая: любые наши усилия слишком слабы. Конец возвещен, смерть неизменно выходит победительницей. Поэтому, как я сказал, говорить о битве – значит выражаться эвфемизмами.

В таком контексте мы можем уловить смысл и дерзновение пасхальной литургии. «Это факт: не воскресни Христос, верх неизбежно взяла бы „пустота“». Если мы устраним Христа и Его воскресение, для человека нет никакого спасения, и всякая его надежда остается иллюзией. Но именно сегодня [в день Пасхи] с силою прорывается весть о воскресении Господа, и в ней содержится ответ на часто задаваемый скептиками вопрос, приведенный также в Книге Экклезиаста: „Есть ли что-то, о чем можно сказать: Смотри, вот это новое?“ (Ср. *Еккл.* 1:10). Да, отвечаем мы: в пасхальное утро все стало новым. „Жизнь со смертью сразилась в удивительной битве: Царь жизни распятый жив и правит“ (Пасхальная секвенция). Вот оно, новое! Новое, изменяющее жизнь всех, кто принимает его»².

Без воскресения Христова не было бы настоящей битвы. Нужно ясно понимать: возвещение «факта» не предопределяет битву, разворачивающуюся в каждом из нас. Напротив, оно делает ее возможной, кладет ей начало.

Спросим себя: для современных людей, отстаивающих полноценное использование разума и свободы, весть о воскресении Христа по-прежнему достоверна? Ответ на этот вопрос требует обращения к истории, к нашему личному опыту, потому что только там могут проявиться причины для доверия или недо-

² Бенедикт XVI. *Послание Urbi et Orbi*. 12 апреля 2009 г.

рия вести. Ее достоверность должна подтвердиться в жизни, в конкретном опыте.

Как ни странно, прекрасную возможность такой проверки предоставила нам пандемия. Мы наблюдаем за всепоглощающим поединком между бытием и ничто, единственным в своем роде с точки зрения его важности и размаха. Часть его видна нам лучше, и СМИ постоянно оповещали нас о ней, говоря о статистике смертности, о перегрузках в отделениях интенсивной терапии, об экономических сложностях; есть и более сокрытая часть, более личная, выражающаяся в приступах страха, одиночества, в хрупкости и непрерывно возникающих вопросах, которые пошатнули уверенность, казавшуюся вполне прочной. Последние можно обобщить в одном-единственном, самом распространенном во времена, когда господствует неуверенность, и самом вызывающем: *есть ли надежда?*

Этот вопрос стал темой студенческих духовных упражнений, а потом и упражнений Братства «Общения и освобождения». Многие люди, ощутив его как глубоко личный, внесли вклад в содержание упражнений с помощью писем и свидетельств, как можно видеть, читая текст.

Столкновение с суровой реальностью более отчетливо выявило нашу человеческую нужду. Так или иначе все мы должны считаться с вопросом о надежде: нет ничего важнее для нашей жизни. Если мы не находим на него достойный ответ, смерть и дальше будет грозно нависать дамокловым мечом над любым, даже истинным, нашим опытом и тем более – над особо важным.

Следовательно, из любви к жизни, чтобы не сдаться и не проводить каждое мгновение под гнетом страха смерти и отсутствия смысла, мы решили взглянуть вопросу в лицо как мужчины и женщины, не желающие потерять жизнь живя, не выбирающие коротких путей. Отец Джуссани много лет назад говорил: «Почему мы собираемся вместе? Чтобы сорвать с наших друзей, а если было бы возможно, то и со всего мира, ничто, в котором живет каждый человек»³. Именно такое устремление сопровождает путь, описанный на следующих страницах. Как нам кажется, он помогает не лукавить с самими собой, не отказываться от желания жизни, оставаться распахнутыми перед увлекательным открытием надежного ответа на ожидание, в котором выражается наша человеческая суть.

³ L. Giussani. *Messaggio al Pellegrinaggio a piedi Macerata-Loreto*. 14 giugno 2003 // *Tracce – Litterae communionis*. N. 7. 2003. P. 105.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«ХУЖЕ ЭТОГО КРИЗИСА ТОЛЬКО ДРАМА ПРОЖИТЬ ЕГО ВПУСТУЮ»

«Хуже этого кризиса только драма прожить его впустую»¹. Слова папы Франциска говорят о неотложной необходимости осознать, что с нами произошло, что мы пережили в последний год.

1. Столкновение с реальностью

Чтобы подступиться к вызову, который никому не позволил остаться безразличным, мы с самого начала приняли за рабочую гипотезу² фразу отца Джуссани: «В человеке, который редко сталкивался с реальностью, например потому, что ему мало приходилось трудиться, скудным окажется ощущение собственного сознания, он в меньшей степени будет воспринимать силу и трепет своего разума». Следуя за отцом Джуссани, мы призвали друг друга «всегда насыщенно жить реальностью»³, ничего не отвергая, ничего не замалчивая. Одно дело – когда ты не мо-

¹ Франциск. *Проповедь в торжество Пятидесятницы*, 31 мая 2020 г.

² См. Х. Каррон. *Пробуждение человечности. Размышление о головокружительных временах*. E-book. Milano: Bur, 2020.

³ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 117, 126.

жешь игнорировать напор обстоятельств, уклониться от него, другое – переживать его, видя заключенную в нем провокацию.

Благодаря этой гипотезе, требовавшей проверки, даже коварная ситуация, сложившаяся из-за коронавируса, парадоксальным образом превратилась в возможность укрепить наше самосознание, часто такое затуманенное, в возможность яснее ощутить силу и трепет нашего разума. Иначе говоря, она превратилась в возможность для пробуждения человечности как сознания, разума и привязанности.

Что же случилось? Что мы увидели в нас и вокруг нас за этот год с небольшим?

Многие отметили две фазы, две стороны нашего опыта перед лицом пандемии, соответствующие двум волнам распространения вируса. Вторая волна, подчеркивает ученый и писатель Антонио Скурати, «застала нас не менее неподготовленными и не менее незрелыми, чем первая, но притом более уставшими, удрученными, склочными и жалкими»⁴. Мы как будто не сумели вынести уроки из того, что случилось в первую фазу, чтобы вырасти, чтобы укрепить нашу сознательность и достичь более зрелого, более глубокого внутреннего содержания. Такое ощущение складывается, когда видишь обострившееся в ходе второй волны чувство хрупкости, умножившуюся неуверенность и тревогу – знаки, свидетельствующие, как сказал психоаналитик Массимо Рекалькати, что «настоящая травма не в прошлом, а в будущем». Вторая волна, «развевая иллюзию возвращения

⁴ A. Scurati. *Un Natale severo (e di speranza) // Corriere della Sera*. 20 novembre 2020. P. 11.

к прежней жизни, в которую мы все верили... раздвинула горизонт кошмара. Второй раз травма травматичнее, чем в первый, поскольку она показывает, что зло не исчерпало себя и по-прежнему живо среди нас. Надежды, вскормленные летом, разбились вдребезги. На первый план сегодня вышло разочарование»⁵.

Мы привыкли жить в состоянии кажущейся безопасности, в заблуждении, будто реальность нам подконтрольна. Вторжение вируса нанесло по этому заблуждению удар. Однако, стоило окончиться первой волне, мы с легкостью убедили себя в том, что вновь взяли ситуацию в наши руки, а значит, не за горами и возвращение к нормальной жизни. Так мы – кто-то больше, кто-то меньше – насладились летом. «Но человек ведь не знает, что он знает или хотя бы желает знать, пока ему не брошен вызов»⁶.

Вторая волна в очередной раз разгромила нашу мечту или самонадеянность, напомнив, что реальность в конечном итоге контролировать нельзя. «Мы думали, – заметил психиатр Чезаре Корнаджа, – смерть – всего лишь эпизодическое явление, как опухоль или несчастный случай, а над инфекционными заболеваниями одержана победа. В действительности же невидимое нам неизвестное, на которое у нас нет ответа, убивает нас. Отсюда рождается неуверенность»⁷.

Пропорционально «ощущению неизвестного» выросла и «неуверенность в будущем». В начале второй волны французский философ Эдгар Морен «запечат-

⁵ M. Recalcati. *Il trauma della seconda ondata. Se cresce la paura del futuro* // *la Repubblica*. 31 ottobre 2020. P. 28.

⁶ Т. Уайлдер. *Мартовские иды*. VIII.

⁷ С. М. Cornaggia. *Ansia, paura, insicurezza: ecco quel che ancora non sappiamo* / A cura di P. Vites // *ilsussidiario.net*. 8 novembre 2020.

лел» конец иллюзии с помощью слова «неопределенность». «Мы вступили в эпоху великой неопределенности... – написал он, – [подчеркнув] многоуровневый характер кризиса, затрагивающего жизнь каждого отдельного человека, всех наций и целой планеты. <...> Мы все причастны к этой аванюре, полной неведения, неизвестности, безумия, рассудка, тайны, мечтаний, радости, боли. И неопределенности»⁸. Несмотря на уверения, звучавшие в некоторых речах, на оптимизм, сопровождавший научные открытия и инициативы фармацевтической индустрии, в нас до сих пор коренится зловещая тревога.

Чуть больше года спустя мы все еще плаваем наугад, не зная, сколько времени это продлится, хотя, к счастью, становятся все более конкретными знаки, указывающие на выход из ситуации. Посмотрим, что дальше. Как и все, мы желаем себе, чтобы проблемы поскорее разрешились. Сложившиеся обстоятельства, так широко затронувшие жизни людей, сообществ и всего мира, извлекли из самых недр нашей жизни вопрос, сопровождающий человеческое существование: «Есть ли надежда?»

«Есть ли надежда?» Тема наших духовных упражнений нашла отклик в нас и в других людях, которым было предложено размышлять над ней, как случилось в декабре на упражнениях студентов. «Вы всегда подмечаете что-то, что затрагивает меня изнутри! Это решающая тема!» – сказала одна студентка тем, кто ее пригласил. «Предложенное название, – говорил другой человек, – отозвалось во мне, оно сопровождало меня в последнее время».

⁸ E. Morin. *Il potere dell'incertezza // la Repubblica*. 1 ottobre 2020. P. 27.

Этот насущный вопрос обращен к нам из глубины повседневных тягот. Одна подруга пишет мне: «С прошлого октября на фоне пандемии, которая в очередной раз начала ухудшаться, и повсеместно растущего ожесточения, которым все больше были отмечены новости, во мне засел вопрос: „А надеюсь ли я на то, что у вещей есть благая судьба?“ Увы, мой ответ был: „Не знаю“. Многие люди умерли и продолжают умирать от коронавируса и сегодня, спустя год. По разным друзьям – моим и моего мужа, по близким нам людям сильно ударил экономический кризис. Кроме того, ряд печальных известий и серьезных затруднений, которые я переживаю (в особенности на работе), заставили меня сказать: „Я не уверена, что у вещей есть благая судьба, все вокруг говорит мне об обратном“. Я увидела, как этот мой вопрос обнажает в том числе страх, что от наиболее дорогих для меня вещей, отношений и людей ничего не останется. Поначалу я не признавалась в этом самой себе. Если честно, мне было очень стыдно. Потом я вспомнила, что в моей жизни самые важные шаги я сделала благодаря неудобным вопросам, непривычным и серьезным. Главным „стимулом“, побуждавшим меня смотреть на мой вопрос, стал ты. Когда я узнала, что ты выбрал в качестве темы упражнений вопрос о том, есть ли надежда, я увидела в тебе глубочайшего друга. Я подумала: „Смотри, вот человек, которому не страшно не только задаваться этим вопросом, но и задавать его всем“. Одновременно я ощутила тебя и отцом, потому что ты помог мне не бояться смотреть на себя и любить мои вопросы. С течением времени мой вопрос разгорался все сильнее, но, к сожалению, вынуждена признать, что я до сих пор не знаю

на него ответ. Хочу спросить тебя: что поможет мне его заметить?»

Первая помощь – скажу сразу – заключена в самом вопросе, как написали многие из вас. «Вопрос о надежде поражает меня своей силой. В очередной раз он освобождает нас от нашего частичного взгляда и открывает перед чем-то иным. Нам выбирать, последовать ли за произведенным им эффектом или же заглушить его. Вопрос кажется мне как никогда актуальным, и я не хочу упускать эту возможность». Другой человек замечает: «Я сознаю, что уже сейчас работа над предложенным вопросом сказывается на моей повседневности, делая меня более внимательной и открытой перед лицом происходящего». Еще один из вас пишет: «Нужно неустанно позволять вопросу вставать, устанавливаться наилучшим образом. Есть ли надежда? Это борьба – впустить вопрос, борьба – не устранять его из моей повседневности, борьба – не лгать и не говорить самому себе, что в конце концов надежды нет, но ради собственного удобства делать вид, будто она есть».

2. Разные подходы к случившемуся

Каждый из нас призван лично ответить на заданный вопрос, смотря на свои действия, учитывая свой взгляд на жизнь и свой подход к ней, а жизнь никому не делает скидок. Поэтому попробуем прежде всего вспомнить, какое поведение перед произошедшим мы заметили в себе или в других (но и в этом случае оно отчасти было и нашим). Это

поможет нам яснее осознать поднятый вопрос, увидеть его неотрывную связь с жизнью и путь, позволяющий ответить на него.

А. Испытание устранить данность

В декабре знаменитый американский журнал *Time* посвятил обложку 2020 году, напечатав цифры крупным черным шрифтом и перечеркнув их жирными красными линиями. Внизу мелкая подпись: «Худший год в истории». На прошедшем году поставили символический крест, словно желая стереть его. Но, как всем нам известно, три миллиона смертей и вызванный пандемией кризис, чьи наиболее тяжелые последствия мы, вероятно, еще не ощутили, удалить невозможно! «Это история года, который вы никогда не захотите повторить», – так начинается редакторская колонка Стефани Захарек⁹.

Испытание вычеркнуть то, что припирает нас к стенке и заставляет спрашивать, благодаря чему жизнь обретает смысл, вечно подстерегает нас, как пишет один студент: «Есть надежда в моей жизни или нет? Я спрашиваю себя об этом вот уже три недели каждый вечер перед сном, с тех пор как началась моя изоляция из-за коронавируса. Это были тяжелые дни. Заболел я достаточно серьезно, и потому на первых порах мой ответ на вопрос был сухим: „Нет, надежды нет“. Этот период можно только вычеркнуть. Я жил, выживая, просыпался, ел, мылся и работал, чтобы вернуться в постель и повторить все то же

⁹ S. Zacharek. 2020. *The Worst Year Ever // Time*. December 14, 2020.

самое на следующий день. Завтра наступит свобода, но – есть огромное „но“ – я спрашиваю себя, не свели ли последние три недели на нет то, кем я являюсь». Опыт многих людей был отмечен такой склонностью выживать, а потом, как только худшее позади, удалить пережитый момент, вследствие чего ослабляется самовосприятие и закрадывается сомнение в собственном будущем.

Другие, напротив, не хотели закрывать глаза, не пытались забыть и желали не переживать ситуацию впустую. «Сразу скажу тебе, что этот год стал для меня возможностью заметить, как никогда со мной не случалось, насколько я слаба и ограничена. Но я не могу говорить, что эти мои ощущения были чем-то плохим. Наоборот, они позволили мне понять, насколько я нуждалась и нуждаюсь, чтобы моя жизнь опиралась на что-то отличное от меня, на полноту, которую созидаю не я, которая не зависит от обстоятельств, не зависит от меня и держит удар!»

Б. Печаль и страх

Многие чувства, в которых мы, вероятно, никогда не признавались самим себе и о которых мало задумывались, пока все шло благополучно, в последнее время проявлялись настойчивым образом, их сложно было сдерживать. Испанский журналист Сальвадор Сострес пишет: «Впервые я заговорил с другом о разочаровании, о печали, и впервые мы не знаем, что сказать, что поделаться, мы очень устали, поскольку мало спали, и сознаем, что до сего дня никогда

совершенно не сомневались в нашей способности действовать своими силами»¹⁰.

На поверхность всплывает затруднение, на самом деле уже бывшее в нас, прикрытое завесой, защищенное определенной формой жизни, социальными ритмами, которые вдруг затихли и тем самым выявили его. Во многих проступило, пустив корни, мрачное восприятие самих себя и своей судьбы, ощущение никчемности, своего рода проецирование на будущее гнетущей тени, точно описанной в словах испанского поэта Кармело Ирибаррена: «Я думаю, глядя / сквозь открытое окошко / на автостраду, видя, / как сигналият машины / на последнем участке / перед туннелем. Думаю, / что это и есть жизнь, / и другого не дано. Слабое, / легкое подмигивание света в сторону тьмы / на большей или меньшей скорости»¹¹. Так значит, жизнь – не что иное как путешествие во мрак и отличается лишь скоростью?

Страх за себя, за свое будущее, связанный с ощущением угрозы и вынужденным открытием собственной уязвимости, часто проникал в пространство, очерченное домашними стенами, затрагивая самые близкие отношения, как признался писатель и сценарист Франческо Пикколо: «До пандемии если кто кого дома и боялся, то мои дети – меня. <...> Теперь же... инстинкт заставляет меня держаться вдали от них. Иногда мой сын приглашает одноклассника за-

¹⁰ S. Sostres. *La próxima vez que me muera* // ABC. 24 de septiembre de 2020.

¹¹ «Lo pienso ahora que miro / por la ventana abierta / la autopista, viendo / cómo los coches parpadean / en el último tramo, / antes de túnel. Pienso / que así es la vida, / y que no hay más. Un leve / guiño de luz hacia la sombra / a mayor o menor velocidad» (К. С. Iribarren. *Hacia la sombra* // *Seguro que esta historia te suena*. Salamanca: Renacimiento, 2015. P. 42).

ниматься вместе. Я почти всегда стараюсь вернуться домой после ухода одноклассника. <...> Моя дочь в Болонье... и никогда мне не звонит: мой страх ее весьма впечатлил, и она боится, как бы я не решил, что, позвонив мне, она меня заразит. <...> Порой мне кажется, что я живу в сериале. <...> Ребенок, который бегает по дому, кричит и ежедневно бывает на улице, не вселяет в меня никакой уверенности. Вот какой клубок искаженных и противоестественных чувств скрутил коронавирус: ты боишься собственных детей больше, чем всех остальных людей в мире»¹².

В. Ужас перед смертью

О каком страхе мы говорим? Не только о заражении, но и о страхе умереть, учитывая, что заражение может иметь летальный исход. Смерть, тщательно нами спрятанная и вытесненная, вновь сделалась видимой. Она обширно заняла сцену реальности и средств массовой информации, и коллективное подсознание перестало считать ее несчастным случаем, отдельной неполадкой, какие еще случаются, но в скором времени будут искоренены или по меньшей мере ограничены. Журнал *L'Espresso* обратил на это внимание, выбрав «персонами» 2020 года «жизнь и смерть». Под фотографией на обложке, на которой под свинцовым небом Смерть в плаще играет в шахматы с новорожденным, написано: «Страх конца подрвал экономические и политические системы и наше по-

¹² F. Piccolo. *Maledetto virus mi hai insegnato ad avere paura dei miei figli // la Repubblica*. 1 febbraio 2021. P. 12–13.

вседневное существование». В редакционной статье внутри номера мы читаем, что «год пандемии вернул смерть, устраненную из культуры, на центральную позицию». Чуть дальше говорится о том, что страх конца парадоксальным образом должен бы вызывать странное предчувствие: «Бояться умереть – значит знать, что есть нечто превосходящее наше индивидуальное существование. Конечная цель. И наследники»¹³. Философ и политик Массимо Каччари в своей статье подчеркивает: «Нас этому учит Леопарди... Если жизнь и правда обладает ценностью и устремлена к достижению чего-то, что неизменно превосходит конечное существование, то тогда ты не боишься смерти, ты ее проживаешь»¹⁴. И в этом проживании пробуждаются глубинные вопросы.

Г. Пробуждение глубинных вопросов

Абрам Иешуа Хешель замечает: «Первый ответ на вопрос: „Кто такой человек?“ – следующий: человек есть существо, задающееся вопросами о самом себе. Задаваясь подобными вопросами, человек узнает, что он личность, а их глубина выявляет его положение»¹⁵. Человек – тот уровень природы, на котором природа вопрошает о самой себе, о своем смысле, о своих истоках и своей судьбе. «Почему я здесь? Что поставлено на кон в моем существовании? Этот

¹³ *Personne dell'anno. La morte e la vita*. Обложка изд. *L'Espresso*. 20 dicembre 2020.

¹⁴ M. Cacciari. *Per amore della Vita // L'Espresso*. 20 dicembre 2020. P. 17.

¹⁵ A. J. Heschel. *Chi è l'uomo?* Milano: SE, 2005. P. 42.

вопрос не вытекает из какой-либо предпосылки: он дан вместе с существованием»¹⁶. Но вопрос о смысле собственной жизни невозможно отделить от вопроса о смысле собственной смерти.

Те, кто принял удар огромного вызова, вставшего перед нами в этот драматичный год, неизбежно увидели, как в них, в их сознании проступили вопросы, без которых обычно, в «нормальные» – определим их так – времена, они могли обойтись. Но в этот раз из-за глобального характера опасности уязвимость, одиночество, страдания, смерть более настойчивым и прямым образом коснулись нашей плоти или плоти людей рядом с нами. Ситуация всех вывела из повседневного оцепенения, которое часто уплощает экзистенциальные вопросы, представляя их как преувеличение со стороны тех, кто хочет испортить другим праздник жизни. Этот мыльный пузырь лопнул, особенно ощутимо – с началом второй волны: «Страдание есть агрессия, призывающая нас к сознательности»¹⁷, – напоминает Клодель.

Игнасио Карбахоса провел пять недель как капеллан в ковидной больнице в Мадриде и отразил в дневнике опыт «привилегированного свидетеля» жизни и смерти огромного числа людей. Он пишет: «Увиденное завязало внутри меня борьбу. Ранило меня». Что же он увидел? Среди многих других – девочку двадцати четырех часов от роду и скончавшуюся женщину по имени Елена. Он спрашивает: «Елена? Где ты, Елена? Два края жизни: рождение и смерть с разницей

¹⁶ *Ibidem*. P. 25.

¹⁷ P. Claudel. *Tre figure sante per il tempo moderno*. Alba (Cn): Paoline, 1997. P. 46.

меньше чем в час. Какое же искушение – устранить один из двух полюсов! И какой это вызов для разума, какое мужество требуется от него, чтобы удерживать оба и открыться вопросу: „Что есть человек, что Ты помнишь его?“». Спустя месяц, в течение которого он сопровождал пациентов с коронавирусом, отец Игнасио отмечает в дневнике: «В этот период мои разум и привязанность столкнулись с проблемой познания: что такое боль, что такое смерть? И как следствие: что такое жизнь? Каждый день я должен смотреть в лицо этим вопросам, предстоя перед больными людьми, страдающими и умирающими»¹⁸.

Те, кто в это время не замкнулся в своей скорлупе, должны были ощутить, как зазвучали их глубочайшие струны, о существовании которых они скорее всего и не догадывались. Возможно, кто-то тут же заглушил их в попытке вернуться к нормальной жизни. Но даже в таком случае произведенный эффект не остался незамеченным, пусть даже всего на мгновение. Это было начало пробуждения человечности, подобное крошечному семени, почти ничто: «Как раз в силу трудностей, которые меня не миновали, 2020 год совпал с неожиданным пробуждением моего „я“». Кто знает, сколько людей заметили то же самое и сколько времени потребуется, чтобы семя смогло прорасти!

Я понимаю, может показаться, что этого слишком мало, учитывая масштаб драмы, но это своего рода обещание. Трепет наших сокровенных глубин – признак ожидания, укорененного внутри нас, совпадающего с нами, ожидания чего-то на высоте жизни

¹⁸ I. Carbajosa. *Testimone privilegiato*. Castel Bolognese (Ra): Itaca, 2020. P. 16, 66, 96.

и смерти, ожидания чего-то непредвиденного, что породит всплеск привязанности к самим себе и позволит пробудиться и исполниться нашему желанию. Трепет нашего разума, острая потребность в смысле, которую мы ясно ощутили в определенный момент, ставит нас в наиболее благоприятные условия для того, чтобы заметить ответ, если он осуществляется, там, где он осуществляется. Джуссани часто повторял фразу Рейнгольда Нибура: «Нет ничего невероятнее ответа на незаданный вопрос»¹⁹. Что это значит? Сегодня, вероятно, нам проще понять эти слова как раз в силу опыта, пережитого за последний год: чем яснее я замечаю проблему, чем насущнее моя внутренняя нужда, тем внимательнее я к любому отголоску ответа, и любой намек на него вызывает мое любопытство²⁰.

Несмотря на всю его неотложность и неизбежность, от вопроса о смысле существования всегда можно отмахнуться (важно об этом не забывать), отчего становится слабее осознание вопроса, вплоть до того, что он исчезает. «Вопрос встает очевидным образом, но не внимание к вопросу. И многие называют его праздным... В результате вопрос о смысле существования притупляется и в конце концов исчезает. Доходит до того, что, как говорил Жид, „в-том-не-чув-

¹⁹ R. Niebuhr. *The Nature and Destiny of Man. A Christian Interpretation*. Vol. II. London-New York, 1943. P. 6.

²⁰ Луиджи Мария Эпикоко замечает: «Цель в настоящий момент заключается не в том, чтобы не заразиться, а, скорее, чтобы понять, что, пусть даже в свете такого опыта, мы не можем больше откладывать огромный вопрос о смысле жизни, на который пандемия вновь настойчиво обращает наше внимание» (L. M. Epicoco, S. Gaeta. *La speranza non è morta. Parole di fede in tempo di crisi*. Cinisello Balsamo-Mi: San Paolo, 2020. P. 40).

ствуешь-больше-нужды»²¹. Те же, кто не бежит от вопроса, видят его познавательное значение, его способность пробуждать: «В этот „неслыханный год“ со мной случилась настоящая революция: мне больше не нужно поскорее „завершить партию“, дав самой себе идеальные, безукоризненные, но притом заранее составленные ответы; более того, мне нужно прямо противоположное: поддерживать вопрос живым, принимать его драматизм, поскольку в такой нищете, ничем не обладающей и не опирающейся на схемы, на ритуалы, на приобретенную надежность, я переживаю огромную возможность замечать то, что есть».

3. Критерий суждения

Принимать всерьез неотложную человеческую нужду – значит иметь в руках критерий, позволяющий судить обо всем, что попадает в наше поле зрения, о любых позициях, наших и других людей, обличая обман, заблуждения, и признавая то, что действительно ценно. Конечные, образующие нас вопросы, «переживания, полные понимания и драматизма»²², сосредоточенные в глубине нашего «я», представляют собой точку, с которой мы сравниваем любое предложение, любую перспективу, любую встречу.

Унгаретти в одном своем стихотворении пишет: «Мое сердце / сегодня / не что иное / как биение но-

²¹ F. Varillon. *L'umiltà di Dio*. Magnano (Bi): Qiqajon – Comunità di Bose, 1999. P. 30.

²² Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 52.

стальгии»²³. Ему вторит Этти Хиллесум: «Я всегда ощущала болезненное, неутолимое желание, тоску, стремление к чему-то недостижимому»²⁴. Мы носим в себе таинственную и неугасимую тоску, подобную некому фону, невидимому, непознаваемому, с которым, однако, мы соотносим всю жизнь и все отношения. Святой Августин называет ее беспокойством: «Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе»²⁵. Такое беспокойство становится критерием суждения, позволяющим заметить то, ради чего сотворено наше сердце. И оно не может ошибиться, поскольку совершает проверку в опыте: когда обретает покой. Ответ на беспокойство сердца, на его ожидание, распознается по покою, который оно испытывает при встрече с ним, по покою, который оберегает и превозносит ожидание²⁶.

Каждый человек, где бы он ни родился, к какой бы культуре ни принадлежал, приходит в мир с острой потребностью в смысле, в судьбе, в абсолюте; однажды она проявляется в нем, и, хочет он того или нет, ему приходится считаться с ней, независимо от его позиции. Эта потребность может быть погребена под толщей невнимательности, но определенные события (например, пандемия) пробивают брешь в корке, выводят из оцепенения и выявляют нашу нужду,

²³ G. Ungaretti. *Oggi // Poesie e prose liriche. 1915–1920*. Milano: Mondadori, 1989. P. 40.

²⁴ Ср. Э. Хиллесум. *Я никогда и нигде не умру*. Белгород: Клуб семейного досуга, 2016. Запись от 16 марта 1941 г.

²⁵ «*Fecisti nos ad te [Domine] et irrequietum est cor nostrum, donec requiescat in te*» (Августин Аврелий. *Исповедь*. I, 1, 1. Пер. М. Е. Сергеевко).

²⁶ Такое «беспокойство, – пишет Гвардини, – есть нечто гораздо большее, нежели простое бездействие; это полнота в самой себе» (R. Guardini. *Lettere sull'autoformazione*. Brescia: Morcelliana, 1994. P. 136).

не позволяя нам довольствоваться первым попавшимся ответом. Чем острее становится под давлением происходящего потребность, тем очевиднее то, что ей под стать, что ей соответствует.

Рассмотрим различные позиции, которые на наших глазах сменяли друг друга или пересекались перед лицом вставшего перед нами вызова и которые мы могли полностью или частично разделять, и попробуем понять, насколько они состоятельны.

А. «Все будет хорошо»

Вспомним самый популярный слоган первого карантина: «Все будет хорошо». Все мы обнаруживаем в себе своего рода естественную надежду, с которой подступаемся к жизни. Мы видели, как она проявилась в самом начале санитарного кризиса. Пока медики не щадили себя, великодушно рискуя собственным здоровьем, многие люди выходили на балконы, чтобы продемонстрировать свою веру в лучшее. Мы часто слышали рефрен: «Все будет хорошо». Выстояла ли эта надежда, этот оптимизм, перед затянувшимся суровым вызовом? Вторая волна вывела ее на чистую воду, показав всю ее хрупкость, неспособность сопротивляться цунами, что на нас обрушилось²⁷.

²⁷ Жан Даниелу замечает: «Надежда не оптимизм. Оптимизм – легкий подход, в силу которого мы думаем, что все в конце концов неизменно устроится само по себе. В более осмысленной своей форме он видит в зле всего лишь беспорядок, который однажды самоустранился, или же кризис роста. Нивелируя таким образом трагичность зла, оптимизм выступает худшим врагом надежды» (J. Daniélou. *Saggio sul mistero della storia*. Brescia: Morcelliana, 2012. P. 370).

То же самое происходит перед лицом различных противоречий, сопровождающих наше существование. Об этом блестяще сказал Леопарди: «Но пусть слух поразит малейший диссонанс, / И этот рай в одно мгновенье исчезает»²⁸. Достаточно мелочи, малейшего диссонанса, и рай, который мы себе выстроили, оказывается под угрозой. Представим, что случается, когда речь не о мелочи, а о COVID-19 со всеми хорошо известными нам последствиями.

Столкновение с противоречивыми обстоятельствами, с жестокой реальностью подвергает испытанию состоятельность нашей надежды. Одна студентка пишет мне: «Я всегда была уверена в присутствии надежды и в важности ситуации, которую мы переживаем. Все это мне было ясно в первый карантин и особенно летом, когда я вынуждена была наверстывать стажировку. Тем не менее в последние дни сердцу все тяжелее. Мои дни проходят не под знаком надежды, а под знаком одной только огромной усталости, я живу во власти тысячи повседневных мыслей и искушений. Как такое возможно?»

Б. Солидарность

Когда событие становится «общим делом», как рассказывает Альбер Камю в «Чуме», каждый пытается переживать его по мере возможности, и рано или поздно одна за другой рушатся иллюзии, в которых мы ищем убежища. Жестокость определенных собы-

²⁸ Дж. Леопарди. *К портрету красавицы, изваянному на ее надгробии*. Пер. В. Ф. Помяна.

тий сотрясает нас так сильно, что расшатывает даже самую основательную уверенность, как случилось с отцом Панлю в романе: смерть невинного ребенка знаменует для него крах идеи ретрибутивной справедливости. «Что же делать? Тут-то слова отца [Панлю], – пишет Массимо Рекалькати, – проливают свет на предпосылку любого человеческого опыта заботы. Он рассказывает, что во времена великой марсельской чумы из восьмидесяти одного монаха обители Мерси только четверо выжили. И из этих четверых трое бежали, спасая собственную жизнь. Но один остался. Таково последнее слово, которое преподобный отец передал своим верным: надо быть среди тех, кто остается. Уметь остаться – поистине первое определение любой заботы. Это значит отвечать на призыв того, кто упал. В библейских терминах именно об этом слова: „Вот я!“ – благодаря которым становится человеческой человеческая забота и ты никого не бросаешь на произвол неприемлемого неистовства зла. Ты не обосновываешь зло, а остаешься рядом с тем, кого оно поразило»²⁹.

Как сказал папа Франциск, коронавирус позволил нам яснее осознать, что все мы находимся в одной лодке, и это побудило многих закатать рукава и по мере сил оказывать помощь. Никто не отрицает несравненную ценность подобной самоотдачи, но в то же время никто не может утверждать, что проявленная забота, увенчавшаяся успехом или не увенчавшаяся, достаточна, чтобы взглянуть в лицо вопросу, возникающему в чрезвычайных обстоятельствах. Мы нуждаемся не только в поддержке и медицинском

²⁹ M. Recalcati. *Ed io avrò cura di te // la Repubblica*. 15 ottobre 2020. P. 27.

лечении, нам также нужно то, что позволит смотреть на страдание и смерть и не падать духом. Именно на этом уровне обнаруживается ограниченность любых, даже самых необходимых, усилий, направленных на солидарность, близость к другим и заботу. Природа нужды, которая в сложившейся ситуации обнаружилась в тех, кто дал происходящему ранить себя, гораздо глубже, чем солидарный ответ³⁰.

В. Вакцина как панацея

Да здравствует вакцина! Как тут не радоваться после стольких страданий, страха, растерянности и смертей, которые мы увидели? Нельзя, однако, оставить без внимания момент, о котором писала Сусанна Тамаро в «Письме Младенцу Иисусу», опубликованном в газете *Corriere della Sera* 22 декабря прошлого года: «Прости нас за убежденность в том, что спасение – в вакцине. Да, вакцина станет чудесной, обязательной помощью, как чудесна и обязательна наука на службе у человека, но она не сможет рассеять туман нашего несчастья. Для этого нам нужен будет новый взгляд и очищенное сердце, которое ведет диалог

³⁰ То же самое происходит, когда мы беремся отвечать на нужды других людей: «Становится понятно: именно потому, что мы их любим, не *мы* делаем их довольными, и даже самое совершенное общество, самая цельная с точки зрения законов, самая благоразумная организация, самое огромное богатство, самое железное здоровье, самая чистая красота, самая цивилизованная культура никогда не смогут сделать их довольными» (L. Giussani. *Il senso della caritativa*. Milano: Societa' Cooperativa editoriale Nuovo Mondo, 2006. P. 10).

с этим взглядом».³¹ Эти слова обнажают неизбежную проблему: хватит ли вакцины, чтобы ответить на все вопросы, спровоцированные пандемией? Нам нужно лишь искоренить болезнь и ничего больше?

А когда от болезни нет лекарства? Мама ребенка с очень тяжелым синдромом пишет: «В этот особо трудный период моего сына положили в реанимацию, где он находился под наркозом на искусственной вентиляции легких. В такие моменты я хватаюсь за любое напоминание о том, что кто-то смотрит на меня и меня любит: созваниваюсь и переписываюсь с друзьями, читаю и перечитываю некоторые тексты в поисках сил. В педиатрическом отделении, куда мы попали, очень плохой сигнал и у интернета, и у телефона, а из-за коронавируса ни с кем нельзя видиться. Поэтому того, за что я обычно цепляюсь первым делом, там нет. Помню, я прочитала фразу, одну из многих, напечатанных в газетах: «Прошлый год нужно забыть, давайте смотреть вперед, близка надежда на вакцину». Как можно возлагать всю надежду на вакцину? Я думаю о моем сыне: наша надежда в том, чтобы быть здоровыми? В таком случае он обречен, тогда как на самом деле часто именно он является свидетелем неизмеримо большей надежды. Глядя на него, на его тело, я возвращаюсь к желанию блага, заложенному в каждом из нас, к желанию быть счастливыми и любимыми, несмотря на наши изъязнения. Наши изъязнения – драма, заставляющая нас задавать вопросы, они позволяют нам просить и желать большего».

³¹ S. Tamaro. *Sotto l'albero vorrei ritrovare l'innocenza // Corriere della Sera*. 22 dicembre 2020. P. 29.

Как ответить на пропасть, разверзшуюся под влиянием санитарной ситуации (но не созданную ей)? И еще прежде: о какой пропасти речь? О пропасти наших человеческих потребностей, жажды жизни, которую мы ощущаем. А также о пропасти страха, становящегося все более постоянным, о пропасти смерти и боли, тревоги, что потеряешь жизнь или что жизнь в конечном итоге не достигнет свершения. Хватит ли упомянутых «ответов», чтобы заполнить эту пропасть?

4. Бегство от самих себя

Одна молодая врач пишет мне: «Поначалу мой подход к каждому дню заключался в том, чтобы надеяться, что все пойдет более или менее по моему плану. Я медик, в ноябре окончила специализацию, а в январе переехала в другой город, чтобы начать новую работу. Я была полна ожиданий и желания наконец-то после стольких лет учебы осуществить мое врачебное призвание. В марте прошлого года случился первый карантин. Руководство больницы оказалось в критической ситуации, мой контракт потерял какой-либо приоритет, и я больше не могла там оставаться. Я даже не могла остаться, чтобы помогать. Беспольный врач в разгар пандемии! По телевизору в то время постоянно говорили о том, как требуются медицинские работники. Я послала по крайней мере десять резюме, отвечая на запросы рядом с домом или в отдаленных местах, но у меня не было необходимых характеристик. Беспольный врач. Представь мою злость и мое разочарование. Я всегда соглашалась, когда мне гово-

рили о ценности непредвиденных событий. Но на самом деле в глубине души я думала, что непредвиденное должно вписаться в рамки плана, сложившегося в моей голове. И потому я ощутила себя оставленной, отбракованной, отброшенной в сторону. Я спрашивала себя: „И где же твой Бог? Если Он и есть, то забыл обо мне. Возможно, и нет Его“. Одним словом, трудности тех месяцев наложили на меня отпечаток. Но мне не хочется, чтобы мой „ковидный кризис“ прошел впустую. Мне не хочется упустить возможность дойти до глубины сомнения в существовании Бога или, наоборот, вероятности, что Он есть и что Ему действительно дорога моя жизнь. Возможно ли с уверенностью, основанной на опыте, утверждать, что „и волосы на нашей голове все сочтены“? Возможно ли быть в этом уверенными настолько, чтобы обосновать это и перед теми, кто не верит, или, еще проще, перед самой собой, когда я сомневаюсь?»

Если мы не хотим, чтобы кризис, который мы переживаем, прошел впустую, как говорил папа Франциск, мы не должны упускать возможность, нужно позволить вопросам, настойчиво звучащим внутри, провоцировать нас. Не проживать кризис впустую – значит стараться ответить на сомнение, так часто пронизывающее нас до самого сердца. Не встречая его грудью и не находя ответ на уровне вопроса, мы вынуждены бежать от самих себя, потому что не в силах предстоять перед драмой.

Бегство от самих себя – наиболее распространенный путь, до тех пор, пока мы можем себе позволить держаться в стороне от пропасти, разверстой в сердце, от потребностей, которые «невозможно» удовлетворить, приручить, которые не дают нам покоя.

Если в первую волну на первом плане так или иначе были страх и солидарность, во вторую, как мы уже говорили, преобладала неуверенность в завтрашнем дне, более острое осознание потребности в смысле и того, как трудно предстоять перед будущим. Именно это и подталкивает к бегству. Мы бежим, потому что нам невыносима жизнь, вопиющая о потребности в смысле. И потому мы пытаемся уйти как можно дальше от самих себя, «словно мы почитаем себя самих менее важными, чем все остальное»³². За это приходится платить жизнью вполсилы, игрой на понижение. Как недавно написал Алессандро Барикко: «А об этой другой смерти когда мы поговорим? О смерти крадущейся, невидимой. Она не учтена ни в каком министерском декрете, по ней нет ежедневных графиков, официально она не существует. Но каждый день вот уже год она там: во всей той жизни, которой мы не живем»³³.

Убегая от самих себя, мы лишь усугубляем ситуацию, поскольку в этом случае ничто более не является нашим, все становится чуждым. Джуссани описал это незабываемым образом: «Главное препятствие на человеческом пути – „пренебрежение“ нашим „я“. Противоположность такого „пренебрежения“, то есть интерес к собственному „я“ – первый шаг

³² Николай Кавасила пишет: «То, что мы делаем, то, что нам привычно, что кажется нам правильным, – все это для нас весьма важно. Лишь вещи, которые действительно являются нашими, мы ценим менее всего остального, не размышляя, каким образом сберечь их и обеспечить с их помощью наши права, словно мы почитаем себя самих менее важными, чем все остальное. Станем же обращаться по крайней мере в силу той новизны, которая перевернула и преобразила все» (N. Cabasilas. *La vita in Cristo*. Roma: Città Nuova, 1994. P. 291).

³³ A. Baricco. *Mai più, prima puntata* // www.ilpost.it. 9 marzo 2021.

на истинно человеческом пути». И далее: «Казалось бы, наличие такого интереса естественно, на самом же деле вовсе нет: достаточно взглянуть, какие зияющие пустоты обнаруживаются в повседневной ткани нашего сознания, какие провалы в памяти». Если эти слова звучат так, будто они написаны сегодня для нас (хотя в действительности датируются 1995 годом), то потому, что пандемия выявила динамику опыта, который ей предшествует и продолжается после. Джуссани помогает нам отдать себе отчет в постоянно существующем для человеческой души риске, в искушении, сопровождающем нас ежедневно: в пренебрежении нашим «я». «Сегодня со словом „я“ возникает большая путаница, и все же... если я пренебрегаю собственным „я“, отношения с жизнью не могут стать моими, сама жизнь (небо, женщина, друг, музыка) не может стать моей. <...> Чтобы всерьез сказать *мое*, нужно ясно понимать устройство собственного „я“. Нет ничего более захватывающего, чем открытие подлинных масштабов собственного „я“, нет ничего более удивительного, чем открытие собственного человеческого лица»³⁴.

Распространение такой неясности вызвано отчасти влиянием, оказываемым на нашу личность извне. Ослабление чувства собственного «я» – признак направления, выбранного нашей культурой и застоя, в котором она пребывает: «Цивилизация развивается в той мере, в какой она благоприятствует проявлению и прояснению ценности отдельно взятого „я“». Вот парадоксальный исход пути, проделанного

³⁴ Ср. Л. Джуссани. *В поисках человеческого лица*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 3–4.

Новым временем, когда «я» посягнуло на центральное место, возомнило себя господином себе самому и вещам, а разум был возведен в меру реальности. Бог – Тайна, к которой в конечном итоге неизбежно отсылает реальность, – был изъят из представлений о жизни и мире. Это привело не к более тесному и непосредственному отношению с реальностью, а напротив, к бегству от нее, от ее смысла, к низведению человеческого существования всего лишь до фактических данных. «В путанице по поводу окончательного облика собственного „я“ и реальности вызревают отчаянные попытки и дальше бежать от отношения с бесконечной Тайной, хотя любой разумный человек видит ее на горизонте и у истоков всякого человеческого опыта; для этого необходимо отрицать какую-либо конечную содержательность жизни. Если реальность словно ускользает от властных притязаний человека, последним прибежищем гордыни становится отрицание какой-либо ее содержательности и своевольное отношение ко всему как к иллюзии или игре. Мы можем назвать нигилизмом то, что царит сейчас в образе мыслей и взглядов»³⁵.

О таком же бегстве, пусть и совсем иначе, Библия рассказывает в первой главе Книги пророка Ионы. Мы знаем сюжет. Два раза в главе повторяется фраза: «Иона бежал от лица Господня»³⁶. Но такое бегство от Бога, по словам Джуссани, совпадает с «бегством от нашей ответственности, то есть с бегством от „цельной“ жизни, от единства со всеми вещами, с бегством от полноты, с бегством от смысла и от полноты». По-

³⁵ Ср. Там же. С. 5, 7–8.

³⁶ Ср. *Ион.* 1:10.

этому, хотя мы «решительно посвятили себя католическому движению» – говорил он в 1963 году группе ответственных – и отдаем ему все наше свободное время, бегство от отношения с Тайной есть «та пустота, которую мы впускаем в каждый наш день»³⁷. Это бегство от себя, которое может принимать разные формы.

А. Активизм

Вопль, поднимающийся из самого нутра нашей человечности, можно подавить, если лихорадочно удариться в деятельность, погрузиться в нее настолько, чтобы не было времени на раздумья о наших истинных потребностях. Активность превращается в своего рода наркотик. Мы увидели, как активизм наводняет нашу жизнь, когда во время карантина нам пришлось остановиться: сидя взаперти, мы вдруг обнаружили, что должны считаться с самими собой. И в скольких из нас обнажились пустота, замешательство, нетерпимость в собственном отношении! Активизм – действие, не подкрепленное адекватными причинами, а потому оно не открывает нас, не делает более зрелыми. Поэтому, когда в жизни наступает вынужденный перерыв, мы замечаем, что полны неуверенности, и ощущаем самих себя как бремя, словно у нас на плечах – целая гора. Одна молодая женщина пишет мне: «В эти сложные и бесплодные месяцы я заметила, что мне не удается смо-

³⁷ Fraternità di Comunione e Liberazione. *Documentazione audiovisiva*. Esercizi Incaricati di GS. Varigotti, 6–9 dicembre 1963.

треть в лицо определенным вопросам, и, когда они возникают (а возникают они очень часто), я пытаюсь похоронить их под списком дел, поскольку у меня нет ответа, и это меня убивает. Когда друзья спрашивают, как у меня дела, я не знаю, что отвечать: у меня двое потрясающих здоровых детей, у нас все хорошо, пандемия не сказалась на нашем финансовом положении, у меня нет поводов для жалоб, но я постоянно чувствую явную пустоту и огромное одиночество, я всегда озлоблена и во всем вижу лишь негативные стороны. С друзьями я почти никогда не свободна, потому как боюсь, что, если вытащить на свет мою пустоту, повиснет неловкое молчание, единственный выход из которого – быстрая смена темы».

У активизма, о котором я говорю, множество способов и сфер проявления: обычно это работа, но может быть и партия, культурная или волонтерская ассоциация или, как говорил отец Джуссани, католическое движение. Мы первые ведем себя так, компенсируя деланием отсутствие серьезного отношения к нашей человечности. Даже «занятие делами Движения» может быть формой бегства от самих себя.

Джуссани неоднократно предостерегал нас от такого поведения, предупреждая о том, что скрывается у его корней. Действительно, в активизме настоящий смысл жизни, подлинный предмет уважения составляют вещи, которые делаем мы: не Бог, не Христос, не отношение с воплощенной Тайной. «По факту, с экзистенциальной точки зрения, мы ценим не Христа, а прочее». Мы привязаны к Движению не в силу Тайны, которую оно несет, а из-за дел, которые мы делаем. И в таком случае «опыт нашей жизни не раз-

вивается»³⁸. Пусть слова Джуссани не кажутся преувеличением. Если нас объединяет лишь то, что мы делаем, рано или поздно Движение утратит для нас интерес: «Я оставил Движение тридцать лет назад, в конце университета: мои дни были полны разных занятий и отношений, но смысл всего этого потерялся, стал самоочевидным, и жизнь очерствела».

Б. Попытки отвлечься, чтобы заполнить пустоту гулом

Когда мы вынуждены почти неизбежно осознавать нашу хрупкость, как случилось в этот период с его вызовом и испытаниями, когда осязаем нашу случайность, эфемерность нашего бытия, мы с легкостью берем на вооружение рассеянность. Поскольку в нас поднимаются вопросы, которые заставляют задуматься о самих себе, тревожат нас и на которые у нас нет ответов, мы заполняем пустоту ответа гулом. В свободное время мы гонимся за стимулами и новостями, бродим по интернету и соцсетям, постоянно обзаводимся новыми интересами, быстро переходим от одного к другому, ни во что не вникая: наша цель, признаемся мы в этом или нет, – увильнуть от вопроса о судьбе, от неотложной нужды, попробовать не считаться с самими собой³⁹. Нам известно: это затупленное оружие, в конечном итоге не выдержи-

³⁸ L. Giussani. *La convenienza umana della fede*. Milano: Bur, 2018. P. 104, 107.

³⁹ «Рассеянность, – подчеркивает Романо Гвардини, – состояние, в котором у человека нет ни центра, ни цельности, его мысли блуждают от одного объекта к другому, его чувство неопределенно, а его воля не властна над его возможностями» (R. Guardini. *Introduzione alla preghiera*. Brescia: Morcelliana, 1973. P. 23).

вающее натиск, но мы довольствуемся передышкой, которое хотя бы на какое-то время оно нам дает.

Рассеянность и отсутствие рефлексии могут определять многие наши дни и даже длинные отрезки жизни. В определенном смысле они представляют собой обратную сторону цинизма: когда не помогает рассеянность, подключается цинизм – еще один способ захлопнуть дверь перед неотложной нуждой, поставив на всем клеймо несостоятельности и плавая «вдоль берега ощущения ничто»⁴⁰.

«Никогда не думал, – признается Бернанос, – что за банальным словом „рассеянность“ может таиться такая степень распада, раздрызга»⁴¹. Наша личность погрязает в отстраненности, в механическом; мы все меньше сознаем самих себя: отвлекаться – значит отрываться от сути жизни.

В. Возвращение к норме с целью перевернуть страницу

«Что нас ждет? Действительно ли игра закончена? Возможно ли вернуться к жизни, которой ты когда-то жил, или та жизнь уходит навсегда?»⁴² – спрашивал Оруэлл в 1939 году. Вопрос этот не потерял свою остроту. Поскорее перевернуть страницу, оставить за плечами случившееся, забыть! Кажется, это закольцованный императив: вести себя, словно ничего и не стряслось, словно в нас не проснулись никакие

⁴⁰ L. Giussani. *La familiarità con Cristo*. Cinisello Balsamo: (Mi) San Paolo, 2008. P. 147.

⁴¹ Ж. Бернанос. *Дневник сельского священника*. III.

⁴² Ср. Дж. Оруэлл. *Глотнуть воздуха*. Ч. IV, 6.

вопросы, словно не было смертей, а потерянность – всего лишь инцидент, устранимый одним взмахом ластика. Такое искушение всегда подстерегает нас, как писал Василий Гроссман в конце жизни: «Пусть все станет как было, не нужно нестерпимого изменения, пусть останется обычное, знакомое, а не освобождающая, ломающая кости, раздирающая в кровь новизна»⁴³. Такой подход никогда ничего не добавит нашему опыту, даже наоборот, очевидно противоположное.

⁴³ В. Гроссман. *Добро вам!* Гл. 7.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МЫ ЯВЛЯЕМСЯ ОЖИДАНИЕМ

Активизм, рассеянность, императивное возвращение к нормальности (поясним: имеется в виду не понятная потребность в преодолении трудностей и восстановление более стабильной санитарной и экономической ситуации, а лихорадочное стремление забыть, замолчать человеческие вопросы) – все это способы бегства от самих себя и от реальности. Для большинства людей они в порядке вещей и позволяют не считаться с глубиной собственного «я», которое мы можем описать одним уже использованным ранее словом: «ожидание», ожидание жизни, смысла, ожидание со всеми его последствиями, которые, пусть даже на короткие моменты, вырывают из рассеянности, поворачивают вспять наше бегство и вновь ставят нас перед самими собой.

Почему наши попытки самореализации или бегства от себя провальны? Потому что «душа превосходит мир, не довольствуется видимым глазу, известным. Она плачет от тоски»¹. Сколь бы усердными и настойчивыми ни были наши попытки, ни одна из них не способна обеспечить нам свершение, которого, скрытно или явно, мы ищем, когда просыпаемся по утрам, когда вновь принимаемся за дела или организуем наши «побеги». Из-за структурной

¹ P. Van der Meer. *Diario di un convertito*. Alba (Cn): Paoline, 1967. P. 34.

недостаточности наших сил и даже успехов, которых нам удастся добиться, у нас не получается найти то, чего мы по-настоящему ожидаем. Вот почему Симона Вейль тонко подмечает: «Самые драгоценные блага не нужно искать, их нужно ждать. Действительно, человек не может обрести их своими силами, и, взявшись за их поиски, он найдет вместо них ложные блага, ложность которых не сумеет даже распознать»².

1. Неустраняемая данность

Ожидание, следовательно, – это то, что всегда остается, когда наши попытки, в том числе и удачные (скажу больше: прежде всего удачные), оказываются недостаточными для достижения цели, то есть для нашего свершения, для полноты здесь и сейчас, в каждое мгновение, не завтра и не в потустороннем мире.

Адам Загаевский, один из наиболее выдающихся поэтов современности, скончавшийся на днях, в таких словах запечатлел масштаб нашего ожидания:

Эти краткие мгновения,
 Которые бывают так редко, –
 Это и есть жизнь?
 Эти немногие дни,
 Когда возвращается ясность, –
 Это и есть жизнь?
 Эти моменты, когда музыка
 Вновь обретает свое достоинство, –

² S. Weil. *Attesa i Dio*. Milano: Rusconi, 1972. P. 76.

Это и есть жизнь?
 Эти редкие часы,
 Когда любовь побеждает, –
 Это и есть жизнь?³

В стихотворении ясно звучит голос чего-то, что имеет отношение к опыту всех людей. И хотя культура, в рамках которой мы живем, пытается подавить это ожидание, сломить его или исказить, любое ее усилие натывается на нечто неизбежное: на нашу человеческую природу. Бертольд Брехт признает это в следующих строках:

Не воплотить желанья свои, но о них позабыть.
 Вот что считается мудрым.
 На все это я неспособен.
 Право, я живу в мрачные времена⁴.

Даже темные времена не в состоянии выкорчевать из сердца желание, ожидание того, что утоляет нашу жажду жизни. «Господствующая культура [которой в определенной степени может быть выгодно выхощивание смысла жизни и поощрение тем самым экзистенциального нигилизма], хоть она и способна охватывать умы отдельных людей, а значит и масс, вынуждена остановиться перед последним пределом – человеческой природой, которую определяет религиозное чувство». Природа эта, утверждает Джуссани, «не только никогда не сможет полностью

³ А. Zagajewski. *Krótkie chwile*. Пер. К. Каменщикова.

⁴ Б. Брехт. *К потомкам*. Пер. Е. Эткинда.

атрофироваться, но всегда более или менее ощутимо будет пребывать в позиции ожидания»⁵.

Такое ожидание – неустранимая данность, с которой каждый из нас вынужден считаться в любой момент жизни, даже когда бежит от нее. «Разве кто-то нам что-то обещал? Почему же мы ждем?»⁶ Этими словами Павезе описал центр своего и нашего «я», нечто характерное для всех нас: ожидание. Оно есть часть нашего исконного существа: мы сотворены как «ожидание чего-то». Мы не просто ждем: мы являемся ожиданием!

Одна подруга пишет мне: «Я замечаю, как в самой своей глубине мое „я“ ждет чего-то, что даст надежду, ждет, когда сможет сказать: „Да, надежда есть“». В момент, когда я бы ответила: „Не очень-то я в этом уверена“, – я замечаю, что сотворена как ожидание конечной положительности всего, чем я живу; иначе говоря, я сотворена ради надежды. Я знаю, что и Джуссани, и ты много раз утверждали и доказывали, что, если есть подобное ожидание, уже это свидетельствует о существовании ответа. Но, по-моему, я умею повторять это лишь на словах».

Никто, даже те, кому, казалось бы, чуждо такое ожидание, кто не придает ему значения или не принимает его всерьез, пребывая в рассеянности или замалчивая собственную человечность, при столкновении с присутствием, исполненным обещания, смысла, связанного с этим обещанием, не остается

⁵ L. Giussani. *Un avvenimento di vita, cioè una storia* / A cura di C. Di Martino. Roma: EDIT, 1993. P. 41.

⁶ C. Pavese. *Il mestiere di vivere. Diario 1935–1950 con Il Taccuino segreto*. Milano: Bur, 2021. P. 400.

безразличным. Люди видят, как в них вновь вспыхивает надежда, им приходится признаться самим себе, что и они втайне ожидают. Так случилось со студентами, которые в период между карантинами, в атмосфере практически полной апатии, получили от некоторых однокурсников листовку с названием «Университет не закрыт, пока мы живем»⁷. У них переменились лица, в них вновь проявилось ожидание.

Ожидание – это данность. Бенедикт XVI напомнил нам: «Вся наша личная, семейная и социальная жизнь пронизана измерением ожидания. Ожидание присутствует в тысячах ситуаций, от самых малых и тривиальных до самых важных, которые требуют нашего полного и глубокого участия. Это ожидание ребенка супружеской парой; ожидание родственника или друга, который едет навестить нас издалека; это ожидание юноши или девушки, сдавших решающий экзамен или прошедших собеседование при устройстве на работу; в близких отношениях это ожидание встречи с любимым человеком, ожидание ответа на письмо или получения прощения... Можно сказать, что человек жив пока ждет, пока в его сердце жива надежда. И человек познается по его надеждам: нашу духовную и моральную „стать“ можно измерить тем, чего мы ожидаем, на что надеемся»⁸.

Ожидание настолько неотрывно от нашего «я», что даже самые тяжелые, самые выстрадавшие, самые противоречивые ситуации не в состоянии

⁷ <https://www.ateneostudenti.it/2020/11/01/luniversita-non-e-chiusa-finche-noi-viviamo/>

⁸ Бенедикт XVI. *Ангел Господень*, 28 ноября 2010 г.

устранить его с концами. Даже когда, кажется, есть все причины, чтобы больше не ждать, мы находим подтверждение ожиданию: «Время постоянно чем-то заполнено, но все это на фоне каждодневного – с утра до ночи – ожидания»⁹, – писал Дитрих Бонхеффер из берлинской тюрьмы Тегель, где он был заключен с 1943 по 1945 год и потом повешен за оппозицию нацистскому режиму. Он не терял ни минуты, на фоне всего остального росло ожидание.

Ничто не победит эту простейшую и нерушимую очевидность: мы являемся «ожиданием чего-то». Ссылаясь на один рассказ Кафки, испанский писатель Густаво Мартин Гарсо говорит о нашем ожидающем сердце как о «животном, которое просит того, что мы не в состоянии совершить, и все же оно настаивает, чтобы мы это совершали»¹⁰. А Ирибаррен, размышляя в том же ключе, пишет: «И как может быть, / – говорю я себе, глядя на жизнь, / проходящую в сторону побережья, – что, несмотря / на суровое опустошение, которое несет нам время, ни на йоту не ослабевает, / не оставляет нас в покое / ни на секунду это непрестанное мечтание о невозможном»¹¹.

⁹ Д. Бонхеффер. *Сопrotивление и покорность*. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2020.

¹⁰ G. M. Garzo. *Estimado Franz Kafka // El País*. 25 octubre 2020.

¹¹ «Y cómo puede ser / —me digo, viendo pasar la vida / hacia la playa—, que, pese / a las devastaciones inclementes / que el tiempo / nos inflige, / no se amortigüe un ápice / siquiera, no nos dé tregua / un segundo, / este incesante / soñar con lo imposible» (К. С. Iribarren. *Verano cruel // Seguro que esta historia te suena*. P. 330–331).

2. Любовь к себе

Будьте внимательны, данностью ожидания, каким бы внушительным оно ни было, все не заканчивается. Иначе говоря, его требуется признать, принять, наделить весом. И потому оно бросает вызов нашему разуму и нашей свободе. Вот наше человеческое величие: ожидание свойственно нашей природе, но мы можем, как уже говорилось, по-разному пытаться жить так, будто его нет, отвлекаясь, притворяясь, будто его не существует. Оно есть, но не выходит на первый план механически.

Кто-то разглядит очередное несчастье в том факте, что очевидность ожидания, которым мы являемся, не выходит на первый план механически, что мы должны его признать. Точно так же можно смотреть и на то, что мы не в состоянии не только удовлетворить его собственными силами, но и изъять его из себя. Однако, оставаясь верными нашему опыту, мы понимаем: вовсе не в наших интересах вырвать его из ткани нашего существа, и, на наше счастье, попытки задушить ожидание в конечном итоге нельзя воплотить в жизнь. Тут Павезе вновь попадает в точку: «Ждать – это еще какое-то занятие. Не ждать ничего – вот что ужасно»¹². Каждый может проверить верность его слов, когда встает утром и ничего не ждет. В такие моменты мы можем признаться самим себе, что лучше: просыпаться, чего-то ожидая, или же открывать глаза в начале дня и не ждать ничего.

¹² С. Pavese. *Il mestiere di vivere*. P. 421.

Ожидание, которое никто не в силах вырвать с корнем из собственного сердца, каждое утро ставит нас перед альтернативой, затрагивающей то, чем определяется наше человеческое величие, – свободу. Что это за альтернатива? Принять ожидание всерьез или махнуть на него рукой. Решение никогда не само собой разумеется. Поэтому мы и свободны. Одна подруга пишет мне: «Впервые я пробую ответить на вопросы, которые ты задаешь перед упражнениями или собраниями, потому что впервые я посмотрела на себя настолько серьезно, чтобы сказать, что вопрос, есть ли надежда, про меня, он обращен именно ко мне и на него не должны отвечать лишь „другие“. Я поняла, что в моей жизни главный герой – я сама».

Драма нашей свободы, разворачивающаяся ежедневно, прекрасно описана в стихотворении «Джордж Грэй» из сборника «Антология Спун-Ривер»:

«Как часто рассматривал я
 Этот высеченный в мраморе образ
 Моего предназначения:
 Корабль со спущенными парусами,
 Ждущий выхода в море
 В тихой гавани.
 Поистине, он стал символом всей моей жизни.
 Любовь улыбнулась мне, – я опасался разочарования.
 Печаль постучалась в мою дверь,
 но страх был сильнее.
 Честолюбие звало меня, – а я испугался риска.
 А ведь я так жаждал жизни, полной значенья!
 Теперь я знаю: надо смело поднимать паруса
 И ловить ветер судьбы,

Куда бы он ни погнал наш корабль.
 Стремясь оправдать свою жизнь,
 можно кончить безумием,
 Но жизнь без цели и смысла — это мученье
 От вечного непокоя и смутных желаний.
 Она – как корабль, влекущийся к морю,
 Но скованный страхом»¹³.

Мы подобны кораблю, который влечет в море, он не может не ждать его, потому что соткан из этой жажды, и все же море его страшит. Тут-то и начинается борьба: можно пойти за жаждой моря, за голодом, за желанием жизни, исполненной смысла, а можно отступить, удовольствоваться меньшим, не рисковать из страха перед непредвиденным.

О таком искушении отступить от собственной человечности, избавить себя от пугающих непредвиденных событий, остаться в безопасности на корабле «со спущенными парусами... в тихой гавани» Иисус говорит в евангельской притче о талантах.

«Ибо Он поступит, как человек, который, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое: и одному дал он пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов; точно так же и получивший два таланта приобрел другие два; получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего. По долгом времени, при-

¹³ Э. Ли Мастерс. *Джордж Грэй* / Пер. Э. Ананиашвили // *Поэзия США*. М.: Художественная литература, 1981.

ходит господин рабов тех и требует у них отчета. И, подойдя, получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: господин! пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел также и получивший два таланта и сказал: господин! два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них. Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего. Подошел и получивший один талант и сказал: господин! я знал тебя, что ты человек жестокий, жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал, и, убоившись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое. Господин же его сказал ему в ответ: лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью; итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов, ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; а негодного раба выбросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов»¹⁴.

Господин упрекает раба, который из страха решил не рисковать. Только тот, кто рискует, говорит Иисус, может приобрести жизнь. Неслучайно притча заканчивается так: «Всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то,

¹⁴ Мф. 25:14–30.

что имеет». Иисус прекрасно знал человеческую природу и свойственное ей искушение не рисковать, вытащить весла из воды и удобно устроиться в гавани. Но тот, кто в жизни не рискует, не ставит на кон самого себя, чтобы получить в награду смысл, останется ни с чем, с пустотой.

Серьезное отношение к своей нужде, к жажде полной жизни – первый признак любви к себе, и нет ничего менее самоочевидного. Действительно, мы замечаем наши нужды и потребности «вынужденно, и жалуемся, кричим от боли... когда они не удовлетворяются, но обычно мы не принимаем их всерьез»¹⁵, не верим в них так, как следовало бы, не идем в направлении, которое они указывают.

Что нужно для такой любви к себе? «Любовь к себе требует нищеты, – говорил отец Джуссани студентам в 1983 году. – Поэтому-то Христос сказал: „Блаженны нищие духом“ или „Блаженны алчущие и жаждущие правды“, – ибо [любовь к себе] – привязанность не к чему-то, что определили мы, а к тому, что определяет нас; это признание чего-то, что нас определяет, и притом у нас не было возможности вмешаться и обусловить вопрос. Таким образом, потребность в любви, или потребность в личном свершении, или потребность в компании есть нечто несравненно более великое и глубокое, к чему нужно прислушиваться, относиться с серьезностью и вниманием, есть нечто, не идущее ни в какое сравнение со всеми нашими ожесточенными усилиями,

¹⁵ L. Giussani. *Uomini senza patria* (1982–1983). Milano: Bur, 2008. P. 295.

обращенными к объекту нашего желания, который помыслили, вообразили или избрали мы»¹⁶.

Следовательно, любовь к себе не имеет никакого отношения к самолюбию, она распаивает нас к открытию образующих потребностей, исконных нужд в их неприкрытости и широте. И правда, кто такой нищий духом? «Человек, у которого нет ничего, кроме того, ради чего и из чего он сделан, то есть кроме бесконечного чаяния... безграничного ожидания. Ожидание безгранично не потому, что нет конца нагромождению вещей, которых ожидаешь; нет, [нищий] не ждет ничего [ничего конкретного, что в конечном счете разочаровывает], но живет в безграничной открытости... [кажется даже, что тут есть противоречие]. Как говорится в стихотворении Клемента Реборы: „Я никого не жду...“ и все же... я весь... внимание»¹⁷. Такова самобытность человека»: быть целиком и полностью устремленным к чему-то, что еще ему не известно, но уже захватывает его с ног до головы.

Человек есть ожидание – такова наша природа. Но ожидание чего? Человеческое сердце есть ожидание бесконечного, безграничного ожидания. Нищий – человек, совпадающий с этим ожиданием, устремленный к чему-то, чего он не знает, не может измерить, но что его образует и непреодолимо влечет.

Нелегко встретить людей, умеющих видеть человечность в ее полноте, без редуций. Я до сих пор помню свои впечатления, когда я слушал Джуссани: он смотрел на человека с такой способностью обнимать все, из чего тот соткан, что у меня возникало жела-

¹⁶ *Ibidem*. P. 296.

¹⁷ *Ibidem*. P. 298.

ние точно так же обнимать самого себя. Меня переполняла благодарность за то, что есть кто-то, кто так «радикально» обнимает мою человечность. Когда мы находим человека, способного на подобный взгляд, наступает освобождение. Отец Джуссани писал: «Серьезность в отношении любви к себе есть восприятие собственной безграничной нужды, но я настаиваю: у нужды нет границ не потому, что ты хочешь сто тысяч вещей, а потом желаешь сто тысяч и одну! Она безгранична, поскольку не принимает во внимание никакие образы вещей, в которых ты нуждаешься: это нужда!»¹⁸ Это ожидание! Какой опыт нужно пережить, чтобы дойти до такого утверждения! Каждый из нас есть нужда, безграничная нужда, заявляющая о себе до и помимо любых возможных образов.

3. «О, если бы Ты расторг небеса и сошел!»

Серьезное отношение к ожиданию не ослабляет трепет перед тем, что его исполнит. Трепет этот пронизывает нашу личность и историю: в нас заключено единственное в своем роде непоколебимое ожидание, не имеющее границ, и не в наших силах вообразить, как оно исполнится. Это тайна. Ожидание обращено к «чему-то», с чем мы не знакомы, что превосходит любые определения, любую меру. Это сложно принять, но в этом-то и состоит все величие человека.

Однажды прочитав, я уже не мог забыть слова Леопарди: «Неспособность удовлетвориться чем бы то ни

¹⁸ L. Giussani. *Uomini senza patria*. P. 299.

было земным»¹⁹ – высшее проявление человеческого величия. Такой взгляд на человека встречается редко. Для многих неспособность удовлетвориться чем бы то ни было земным – несчастье, и они все бы отдали, чтобы сузить ожидание, чтобы удовольствоваться чем-то достижимым. Напротив, пишет Мигель Унамуно, «преходящее меня не удовлетворяет... я жажду вечности... без нее все мне безразлично. Я в ней нуждаюсь, я в ней нуждаюсь! Без нее нет больше радости жизни, а радость жизни ни о чем мне больше не говорит. Слишком легко утверждать: „Нужно жить, нужно довольствоваться жизнью“. А что с теми, которые не довольствуются?»²⁰

Неудовлетворенность отсылает к чему-то настолько великому, что его невозможно и вообразить. «Настоящая ситуация человека – чистое ожидание события, которое он никоим образом не может подготовить и появление которого совершенно непредвиденно»²¹.

¹⁹ Приведу полностью знаменитую мысль Леопарди: ««Эта неспособность удовлетворяться чем бы то ни было земным и даже, так сказать, самой жизнью на земле, это умение охватить взглядом необозримое пространство космоса и сказочное множество миров и найти все это бесконечно малым по сравнению с необъятностью собственной души, этот дар воображения, позволяющий представить себе бесконечность мироздания и при этом ощущать, что наш дух и наши желания еще неизмеримей, чем вселенная, эти постоянные жалобы на пошлость и ничтожество и страдание от чувства пустоты – одним словом, такая скука кажется мне высшим проявлением величия и благородства, на какое только способна человеческая природа» (Дж. Леопарди. *Мысли. LXVIII // Нравственные очерки. Дневник размышлений. Мысли.* М.: Республика, 2000. С. 364).

²⁰ M. de Unamuno. *Cartas inéditas de Miguel de Unamuno y Pedro Jiménez Ilandain* // A cura di H. Benítez. *Revista de la Universidad de Buenos Aires.* 3 (9/1949). P. 135, 150. Упоминается о. Раньеро Канталамессой: *Vi annunciamo la vita eterna (1Gv. 1, 2).* Seconda Predica di Avvento, 11 dicembre 2020.

²¹ J. Daniélou. *Saggio sul mistero della storia.* P. 216.

Мы не знаем, что это будет и как произойдет, но мы ждем. Более того, в первую очередь, превыше всего, в глубине всех вещей мы ждем именно этого. Сейчас, как и две тысячи лет назад.

Это хорошо подметил Эрнест Элло, говорят о временах Иисуса: «Пребывая в ожидании, ветхий римский мир сотворил необычайные мерзости; противостояние тщеславий вылилось в войну, земля склонилась под скипетром Цезаря Августа. Земля еще не осознала важность того, что совершалось в ней. Оторопевшая от шума... войн и раздоров, она не заметила, как происходило нечто важное: молчание тех, кто ожидал в глубокой торжественности желания. Земля об этом не знала ничего. И начнись все заново сегодня, она знала бы не больше, чем тогда. Если бы ее заставили заметить, она оставила бы его без внимания с той же невнимательностью, пренебрегла бы с тем же пренебрежением. Молчание – говорю я – было тем истинным, что *совершалось* на лице земли без ее ведома. Молчание было подлинным действием. Оно не было отрицательным молчанием, отсутствием слов; это было положительное молчание, более действенное, нежели любое действие. Пока Октавиан и Антоний оспаривали друг у друга мировую империю, Симеон и Анна ждали. И кто из них был более деятельным»²².

Бенедикт XVI так описал тайну этого ожидания: «В период, предшествовавший рождению Иисуса, в Израиле очень сильно было ожидание Мессии, Помазанника, потомка царя Давида, который дол-

²² E. Hello. *Fisionomie di Santi*. Torino: La Torre d'avorio – Fogola, 1977. P. 58–59.

жен был наконец освободить народ [Израиля] от всякого рабства... и установить Царство Божие. Но никто и вообразить не мог, что Мессия родится от скромной девушки, какой была Мария, обрученная с праведным Иосифом. Да и она о таком не подумала бы, но ожидание Спасителя в ее сердце было столь огромным, а ее вера и надежда столь пламенными, что Он обрел в ней достойную мать. Кроме того, Сам Бог подготовил ее прежде всех веков. Существует таинственное соответствие между Божиим ожиданием и ожиданием Марии... абсолютно прозрачной перед исполненным любви замыслом Всевышнего»²³.

Ожидание Симеона, Анны, Марии – это не только факт прошлого. Нет, потому что в том же молчании, что и тогда, вдали от света софитов, как и тогда, ожидание по-прежнему обитает в сокровенных глубинах нашей человечности, в тишине нашего сердца, в недрах нашего «я». И оно продолжает гореть. Одна студентка пишет: «Моя человечность непрерывно пребывает в ожидании Присутствия, которое ведет ее к свершению». О том же говорит и великий немецкий поэт Рильке: «Уж не слишком ли был ты рассеян / От ожидания? Все предвещало как будто / Близость любимой»²⁴. Ожидание – изначальная ткань нашего сердца – есть ожидание присутствия, которое отвечает нашей человечности, спасает ее, сохраняет и приводит к свершению.

В своем последнем, автобиографическом романе Даниеле Менкарелли пишет: «Я бы хотел сказать моей матери, что мне действительно нужно: всегда

²³ Бенедикт XVI. *Ангел Господень*, 28 ноября 2010 г.

²⁴ Р. М. Рильке. *Первая элегия*. Ст. 31–32 // *Дуинские элегии*. Пер. В. Микушевича.

одно и то же с тех пор, как новорожденным я впервые закричал в лицо мира. То, что я хочу уже давно, нелегко было высказать, я пытался объяснить это с помощью сложных понятий, я провел первые двадцать лет жизни, изучая слова, наилучшим образом это описывающие. Я использовал много слов, слишком много, а потом понял, что должен двигаться в противоположном направлении. День за днем я начал вычеркивать по слову, наименее необходимому, лишнему. Потихоньку я сокращал, урезал, пока не осталось одно-единственное слово. Слово, говорящее, чего я действительно хочу, что я ношу в себе с рождения, до рождения, что преследует меня, как тень, вечно простертая рядом со мной. Спасение. Это слово я не говорю никому, кроме себя. Но вот оно, слово, а вместе с ним – его смысл, превосходящий смерть. Спасение. Для меня. Для моей матери на другом конце телефонной линии. Для всех детей и всех матерей. И для отцов. И для всех братьев всех времен, минувших и будущих. Моя болезнь зовется спасением. Как так? Кому я могу сказать об этом?»²⁵

В высшей точке сознания о существовании, выстрадавшего, страстного, вырывается крик нашей человечности как просьба, возносящаяся из глубин сердца человека в любые времена, как мольба, обращенная к непостижимой Тайне: «О, если бы Ты расторг небеса и сошел!»²⁶ Эта просьба содержится в каждом нашем пробуждении и в каждом действии в течение дня, даже когда люди не знают, кто стоит за «Ты», которое они тем не менее ждут. «О, если бы Ты

²⁵ D. Mencarelli. *Tutto chiede salvezza*. Milano: Mondadori, 2020. P. 22–23.

²⁶ Ис. 64:1.

расторг небеса и сошел!» Это просьба разума и привязанности человека, который не хочет прожить жизнь напрасно. Вот почему Монтале, по-своему знакомый с человечностью, пишет: «Радость ожидания – полнее»²⁷.

Мы ждем чего-то, не зная, как оно явится, а значит, это проблема не ума, а внимания. Именно о нем и надо просить, как подчеркнул папа Франциск, цитируя святого Августина: «„*Timeo Iesum transeuntem*“ (Sermones, 88, 14, 13) – „Боюсь, что Иисус пройдет мимо, а я не замечу“. Увлеченные нашими интересами... отвлекающиеся на всякого рода суету, мы рискуем упустить самое важное. Поэтому-то сегодня Господь повторяет всем: „Бодрствуйте“ (Мк. 13:37). Бодрствуйте, будьте внимательны»²⁸.

²⁷ Э. Монтале. *Полдня ореол в разгаре лета*. Пер. Е. Солоновича.

²⁸ Франциск. *Проповедь на святой мессе с новыми кардиналами*, 29 ноября 2020 г.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НЕОЖИДАННЫЙ ТРЕПЕТ

Настоящее с его потрясениями обнажило аспекты жизни, которые мы воспринимали как само собой разумеющиеся. «Но так всегда было с фактами. Они взрывали мыльные пузыри идей, опровергали теории, уничтожали убеждения»¹. Для большого числа людей внезапно стала острой, пусть даже на короткие мгновения, потребность в конечном смысле перед лицом жизни и смерти, которые нам никогда не удастся полностью держать под контролем. Ни для кого не секрет, что многие очевидные вещи перестали быть таковыми и больше не составляют наш отправной культурный багаж. И если, как говорил Морен, отличительная черта нашего времени – неопределенность, пандемия, тяжелая и продолжительная, только усугубила ее. Стало сложно, вне зависимости от нашей исходной позиции, и дальше держаться уже известного, по инерции полагаться на иллюзию, что жизнь в наших руках. Но, возможно, как ни парадоксально, когда мы видим, как распадаются некоторые наши монолитные самонадеянные представления, как образуется трещина в стене нашей уверенности,

¹ И. Башевис-Зингер. *Враги. История любви*. Гл. 6.

это нам помогает. Леонард Коэн поет: «Во всем есть трещина всегда, / Так проникает свет туда»².

1. «Непредвиденное – единственная надежда. Но мне твердят, что говорить так – безрассудство»

Поединок вновь начинается каждое утро. Все мы можем увидеть это, когда просыпаемся, когда готовимся вступить на путь нового дня, всем существом ожидая собственного свершения. Эта драма ярко описана в знаменитом стихотворении Монтале «Перед путешествием»:

Перед путешествием выверяют расписания,
пересадки, остановки, ночевки
и бронирования (номеров с ванной
или душем, с одной кроватью или двумя,
а то и сьютов);
обращаются
к путеводителям *Hachette* и к музейным гидам,
меняют валюту, отделяют
франки от эскудо, рубли от копеек;
перед путешествием извещают
друзей или родственников, проверяют
чемоданы и паспорта, комплектуют
экипировку, покупают дополнительные
лезвия к бритве, на всякий случай

² «There is a crack, a crack in everything / That's how the light gets in» (*Anthem*. Слова и музыка Леонарда Коэна. Альбом *The Future*, 1992. © Columbia Records).

просматривают завещания – чистое
 суеверие, ведь авиакатастрофы
 в процентном отношении ничтожны;
 перед
 путешествием пребывают в спокойствии,
 но подозревают, что
 мудрый сидит на месте и что за удовольствие
 от возвращения нужно платить колоссальную цену.
 А потом едут, и все окей, и все
 к лучшему, и все напрасно.

.....
 И что же теперь будет
 с моим путешествием?

Слишком тщательно я изучил его,
 ничего о нем не зная. Непредвиденное –
 единственная надежда. Но мне твердят,
 что говорить так – безрассудство»³.

Можно подготовить все, чтобы отправиться в путешествие по жизни, по каждому дню, по каждому часу, со всеми предусмотренными встречами. И тем не менее, еще не зная, как оно пройдет, мы можем признаться самим себе: «Все к лучшему, и все напрасно». Несмотря на всю нашу несознательность и рассеянность, у нас есть предчувствие касательно масштабов нашего ожидания, и мы заранее уверены, что любая подготовка не послужит цели, не обеспечит нам то, чего мы ждем, не исполнит ожидание, с которым мы просыпаемся по утрам и начинаем путь. Пережитый опыт научил нас этому. И тогда мы понимаем, почему

³ E. Montale. *Prima del viaggio*. Da *Satura II // Tutte le poesie*. P. 390. Пер. наш.

«непредвиденное – единственная надежда»: должно случиться что-то, не вписанное в наши планы, превосходящее наши подготовительные действия, наши намерения. «Во всем – только то, что приходит к нам извне, ни за что и неожиданно, как дар судьбы, не будучи искомым нами, только это – чистая радость. Точно так же настоящее благо может возникнуть лишь извне и никогда – из нашего усилия. Мы ни в коем случае не можем создать ничего, что было бы лучше нас самих»⁴.

Ожидание достигает вершины, когда человек допускает, что непредвиденное может произойти. «Но мне твердят, что говорить так – безрассудство», – заключает Монтале. С одной стороны, он отстаивает непредвиденное как «единственную надежду», а с другой, отрицает его возможность. Люди «знающие» заявляют, что это по-детски, что это удел лишь наивных людей, простачков – думать, будто непредвиденное действительно может случиться. Часто мы и сами чувствуем на себе хватку подобного искушения и соглашаемся: «Да, говорить так – безрассудство». Но правда ли это? Если мы подчиним разум опыту, то осознаем: единственное настоящее безрассудство – загонять реальность в узкий горизонт «уже известного», считать, что мы уже все знаем, диктуя границы возможного, а значит, ничего не ожидая.

«Мне кажется, – говорит Мишель Уэльбек устами удрученного главного героя своего последнего романа, – что, даже увязая в настоящей ночи, полярной ночи, которая длится шесть месяцев кряду, человек не утрачивает представления и воспоминаний

⁴ С. Вейль. *Тяжесть и благодать*. М.: Русский путь, 2008. С. 53.

о солнце. Я вступил в *ночь без конца*, но все же во мне, в глубине моего существа теплилось нечто – не надежда, нет-нет, а, скажем так, неуверенность. Иначе говоря, сделав последний отчаянный ход и проиграв партию, некоторые... продолжают уповать на то, что *нечто на небесах* возобновит игру... даже если сами эти люди никогда, ни разу в жизни не ощутили ни вмешательства, ни просто присутствия какого бы то ни было божества, даже если они сознают, что не особенно-то и заслуживают вмешательства благожелательного божества и отдают себе отчет, учитывая нагромождение ошибок и прегрешений, из которых и состоит их жизнь, что заслуживают этого меньше, чем кто-либо»⁵.

Единственное несомненное безрассудство – отрицать возможность события. Джуссани говорит о самом настоящем «преступлении против высшей категории разума, категории возможности»⁶. Хотя скептическая позиция и кажется самой разумной, на самом деле она есть преступление против разума. Никто не в силах утверждать (вот это уж точно безрассудно), что знает все, что всем управляет, что в состоянии все предусмотреть, тем самым исключая возможность непредвиденного события, о котором говорит Монтале. Категория возможного неотъемлема от природы разума. И поэтому единственная действительно разумная позиция – оставить открытой возможность, и не только в начале, но всегда, сейчас, в любой момент жизни.

⁵ М. Уэльбек. *Серотонин*. М.: Corpus : АСТ, 2019.

⁶ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. М.: Христианская Россия, 2010. С. 40.

Допускать, что может произойти что-то превосходящее нашу способность предвидеть, – значит не отказываться от разума, а использовать его в полную силу, согласно его природе и его изначальной динамике: быть окном, распахнутым в реальность, а не ее мериллом. Априорный скептицизм по отношению ко всему, что превосходит нашу меру, – препятствие для разума, а не его вершина, и он касается и нас, больше, чем мы думаем, он проникает в нас, а мы даже не замечаем⁷.

Один молодой друг пишет мне: «Хочу коротко рассказать тебе, как я жил в последний период, прочитав вопрос, заданный к упражнениям: „Есть ли надежда?“ Лучше всего эти месяцы описывает песня Кьеффо „Amare ancoга“: „Как горько, любовь моя, / видеть вещи, как вижу их я“. Я замечаю, что больше нет той свежести, какая была в первые годы университета, в моем взгляде нет прежней простоты: скептицизм, захватывающий мир, захватывает и меня. Часто я замечаю, как изо всех сил сопротивляюсь и не могу сказать, что все мне дается Богом и все является даром. Я смотрю на красивый пейзаж и обнаруживаю в себе едва различимое недоверие к опыту соответствия, который переживаю перед этой красотой, недоверие, причиняющее мне боль, делающее меня очень печальным: как *горько* видеть вещи таким образом! Я ощущаю горечь, потому что

⁷ Василий Гроссман устами одного из персонажей своего великого романа замечает: «Мне начинает казаться, что от людей ничего здесь не остается, одно недоверие». (У Гроссмана использовано слово «бдительность», которое в итальянском переводе звучит как «недоверие», «подозрение», «сомнение». Здесь цитата изменена для большей связи с текстом Х. Каррона. – *Примеч. перев.*). См.: В. Гроссман. *Жизнь и судьба*. Ч. 1, 74.

когда-то от первого лица переживал другой взгляд на реальность и свидетельствовал о нем. Музыка, которую я изучаю, небо, море, горы, деревья – во всем я признавал знак Того, Кто оказывает мне предпочтение, Кто утверждает меня как единственное в своем роде существо, исключительное и неповторимое в масштабе целой вселенной. Такой же скептицизм я, к великому сожалению, чувствую и в отношении Христа, хотя я и признал Его присутствие в этой компании. Песня Кьеффо продолжается: „Достаточно лишь вновь стать как дети и вспомнить... / что все дано, / что все обновлено и освобождено“. Я жил так в первые годы участия в CLU [«Студенты „Общения и освобождения“». – *Примеч. перев.*], и это поистине был рай на земле». Отсюда у него рождается вопрос: «Есть ли надежда на то, что я вновь уподоблюсь детям, буду смотреть, как раньше? Возможно ли перевоспитать засоренный взгляд?»

Нас захватывает скептицизм, а вместе с ним – недоверие, разрушающее любой намек на красоту, что возникает на нашем пути⁸. Тень, которую это недоверие отбрасывает на все прекрасное, предстающее нашему взору, – своего рода проклятье. И из его следствия – печали, из самого ее нутра поднимается вопрос: «Есть ли надежда на то, что я вновь уподоблюсь детям, буду смотреть, как раньше? Возможно ли перевоспитать засоренный взгляд?» О том же спрашивал фарисей и законник Никодим: «Могу ли я родиться заново, бу-

⁸ Жан Даниэлу подчеркивает: «Вот человеческая драма нынешних людей. Сегодня мы живем во вселенной подозрительности, в мире, где мы претерпели столько лжи, что больше не верим в истинное слово, и такой мир страшен» (J. Daniélou. *La culture trahie par les siens*. Paris: EPI, 1972. P. 27).

дучи стар?»⁹ Какая благодать – повторять этот вопрос не риторически, не как одну среди многих других цитат, словно прикрывая нашу бедность «порцией» культуры, а с удивлением, замечая, как он пробивается из наших сокровенных глубин во всей своей истинности! «Можно ли родиться заново, будучи старыми?»

Мы часто обнаруживаем, что не готовы к открытости перед категорией возможного, с легкостью захлопываем, запираем дверь перед происходящим. Одна студентка пишет: «Сколько моментов было растрчено впустую в месяцы, предшествовавшие второй волне! Ничто, казалось, не имело ко мне отношения. Потом, в ноябре, случилось много событий, пробивших брешь. Прежде всего, мне пришел положительный тест на коронавирус, и начались двадцать пять дней изоляции в моей комнате. Парадоксально, но в тот период я больше всего чувствовала поддержку как близких, так и новых для меня лиц. Как раз месяц изоляции я вовлеклась в организацию университетских выборов, и эти дни получились очень насыщенными. Компания, которую разные люди составляли мне в ноябре, была для меня чем-то исключительным, особенно если я думаю, в каких необычных обстоятельствах все происходило. На последние дни карантина выпал мой день рождения. В полной изоляции, вдалеке от друзей и семьи, мне представилась возможность вновь ощутить на себе огромную и безвозмездную любовь со стороны важных для меня людей, которые нашли весьма креативные способы побыть со мной в течение дня. Я испытываю насто-

⁹ «Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» (Ин. 3:4).

ящую благодарность, чувствую, что мне повезло. Азурменди¹⁰ встретил Движение, слушая радио, я же вновь „нашлась“, когда сидела в одиночестве в своей комнате: через видеозвонки и выборы. Нужно было заболеть коронавирусом, чтобы вернуться к жизни? Действительно, нет ничего предсказуемого и заурядного в том, каким образом Тайна достигает нас. А значит, основополагающая задача – просить об открытости. Но именно это порой и кажется мне драматичным, и, чем больше моим временем овладевает ничто, тем труднее просить».

Осознать, насколько первостепенна такая открытость, такая готовность, – уже большой шаг. Часто как будто ничего не стоит оставаться открытыми, готовыми, и тем не менее это основополагающий момент. Неслучайно Иисус говорит: «Блаженны нищие духом, ибо [только] их есть Царство Небесное»¹¹. Иными словами, то, что способно утолить ожидание сердца, должно найти в нас открытость, готовность впустить его, «трещину», через которую проникнет свет¹².

¹⁰ Микель Азурменди, баскский антрополог и философ, в течение долгой карьеры занимался наиболее острыми темами современного общества, такими как иммиграция, национализм, джихад и общественная ценность религиозного опыта. О своей встрече с «Общением и освобождением» он рассказал в книге *El abrazo. Hacia una cultura del encuentro / L'Abbraccio. Verso una cultura dell'incontro*, опубликованной в Испании (Editorial Almuzara, 2018) и Италии (BUR : Rizzoli, 2020). См. здесь. С. 69.

¹¹ Мф. 5:3.

¹² Льюис пишет: «Я не способен прямым нравственным усилием пробудить в себе новые стимулы. Сделав всего несколько шагов по дороге христианства, мы начинаем понимать, что все необходимые перемены внутри наших душ может произвести только Бог. <...> Мы в лучшем случае не противимся тем переменам, которые Он производит в нас». (К. С. Льюис. *Просто христианство*. М.: Fazenda «Дом надежды», 2005. С. 164).

Как я сказал, такое кажется нам невозможным. Но что, если это произойдет? Что, если мы с этим встретимся? Что, если оно выйдет искать нас? Что, если, как написал Мануэль Вилас в газете *El País*, «красота небес снизойдет на всех мужчин и женщин на планете»?¹³ Если случится непредвиденное, потребуется последняя готовность, честность, которая тесно связана с использованием разума и ни в коей мере и ни при каких обстоятельствах не является самоочевидной. «Слово „разумный“ означает того, кто подчиняет собственный разум опыту»¹⁴. Я никогда не перестану повторять себе эту фразу Жана Гитона – настолько решающую роль она играет для жизни. Когда случается нечто непредвиденное, каждый проверяет, испытывает свою готовность подчинить разум опыту. Такая готовность – знак зрелости, которой человек, если он не обладает сердцем ребенка, достигает, только проделав долгий путь¹⁵.

Мы замечаем, какую позицию занимаем, в самых разных ситуациях. «Я работаю медсестрой операционного зала, и в ноябре меня в буквальном смысле забросило в интенсивную терапию для больных коронавирусом. Я думала, что справлюсь, ведь я хотела помогать. Огромная ошибка! Реальность, с которой я столкнулась, была невыносимо суровой, все, чем

¹³ M. Vilas. *La poesía* // *El País*. 29 diciembre 2020.

¹⁴ J. Guitton. *Nouvel art de penser* // *Œuvres Complètes*. Sagesse. Paris: Desclée de Brouwer, 1971. P. 97.

¹⁵ «Христос, – замечает Льюис, – вовсе не имел в виду, чтобы мы оставались детьми по разуму. Совсем наоборот: Он призывал нас быть не только „кроткими, как голуби“, но и „мудрыми, как змии“. Он хочет сердце ребенка, но голову взрослого» (Ср. К. С. Льюис. *Просто христианство*. С. 74).

я была, чем, как мне казалось, я являлась, вся моя уверенность – все испарялось, когда я переступала порог отделения. Я начала думать, что это выше моих сил и попросила перевести меня в другое место. Но на ранящие нас вопросы требуется ответ, а не смена обстоятельств, и потому вопросы оставались. Возвращаясь в ковидное отделение, я заметила очень молодых коллег, которых приняли на работу в связи с чрезвычайной ситуацией и которые работали с радостью и увлеченностью, поражавшими меня и вновь возрождавшими во мне желание быть там. Нужно следовать за кем-то, у кого на лице ясно прописана надежда. Нужно, чтобы кто-то вновь открыл нам горизонт».

2. Есть те, кто утверждает, что непредвиденное произошло

«Мы нашли Мессию»¹⁶. Эта весть пронизывает историю: то, чего ожидает наше сердце, стало присутствием, непредвиденное, о котором говорил Монтале, случилось в определенном месте в определенное время. Эта весть охватывает историю с того дня, когда Иоанн и Андрей встретили Иисуса из Назарета на берегу Иордана чуть больше двух тысяч лет назад.

Перед нами, людьми, которых достигла эта весть, стоит проблема ее достоверности: действительно ли Иисус из Назарета – тот, кем Он, по Его словам, является? Действительно ли Он Бог, ставший человеком? Рассмотрим содержание вестей. Что же произошло?

¹⁶ *Ин.* 1:41.

Неведомая цель нашего ожидания, бесконечность, которой жаждет наше сердце, «безграничность» стала человеком, стала присутствием: «Слово стало плотью»¹⁷.

Наши календари до сих пор ведут отсчет от момента свершения того факта, того события. Мы живем в 2021 году *от* Рождества Христова. Однако недостаточно передавать весть на словах, чтобы придать ей достоверности в наших глазах. Мало найти запись о ней в книге по религии или истории и каждый год видеть дату в календаре. Как можно проверить содержание, которое она несет в себе? Что позволяет человеку, приходящему в мир через день или через две тысячи лет (тут нет разницы) после Его исчезновения с земного горизонта, «осознать, действительно ли Он соответствует той истине, какой, по Его словам, Он является?»¹⁸

Прежде всего, раз это факт, имевший место в истории, то и сегодня необходимо замечать его как факт, чтобы признавать в нем осуществление нашего ожидания. Должны сохраняться отличительные, самобытные черты христианской весты: «божественное стало человеком», человеком, которого можно было встретить на улице, целостным человеческим присутствием, подразумевающим метод встречи¹⁹.

Если две тысячи лет назад именно факт исполнил бесконечное желание человека, значит, и сегодня его исполняют не речи и не правила; мало прочитав

¹⁷ *Ин.* 1:14.

¹⁸ Ср. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 13.

¹⁹ *Там же*. С. 25.

рассказ в книге, пусть даже и важной. Сердце человека не изменилось, потребность в полноте осталась той же самой и соответствует ей только факт. Это как с вакциной от коронавируса: она должна быть реальной, доступной всем, чтобы все могли проверить ее эффективность. Недостаточно знать, что ее изобрели, каждому необходимо увидеть ее, соприкоснуться с ней, ощутить на себе ее положительное действие.

Следовательно, мы должны замечать «факт» двухтысячелетней давности сегодня, как заметили его те, кто первым встретил Иисуса. Но каким образом встретить это присутствие мне и тебе, современным людям две тысячи лет спустя? Какое у него лицо, какой облик? «Иисус Христос, Человек, живший две тысячи лет назад, таится, становится присутствием под покровом, под видом иной человечности. Мы встречаемся, сталкиваемся с иной человечностью, соответствующей структурным потребностям нашего сердца больше, чем любые наши мысли и фантазии: мы этого не ожидали, мы о таком и мечтать бы не могли, это было невозможным, такого нет нигде»²⁰.

Так случилось с Микелем Азурменди: лежа в больнице в тяжелом состоянии, он столкнулся с человеческой инаковостью, с новым оттенком в сравнении со всем, что с ним происходило ранее. Он услышал по радио журналиста, который рассуждал о событиях иначе, чем все остальные, и Азурменди распознал в его суждении нечто наконец-то откликавшееся в нем. Выйдя из больницы, он встретил другого человека из той же компании, который посмотрел на

²⁰ L. Giussani. *Un avvenimento nella vita dell'uomo*. Milano: Bur, 2020. P. 201.

него настолько по-человечески, что позволил ему испытать ни с чем не сопоставимое соответствие его исходному опыту, а затем – еще одного, и еще одного, и увидел во всех тот же самый оттенок, тот же самый взгляд. Они пребывали в реальности иначе, чем остальные, более человеческим образом, и это притягивало его, наполняя восхищением и бросая вызов глубинам его сердца²¹.

Такая же динамика может, точнее, должна иметь место, когда с человеком уже произошла определенная встреча и он живет погруженным в христианский опыт, а иначе после встречи он скатывается в скептицизм, описанный Монтале.

Один студент пишет мне: «Всего несколько дней назад казалось, что жизнь утратила лоск: я начал блекнуть. Потом моему папе позвонили с работы и сказали на всякий случай сдать мазок после контакта с клиентом, у которого при отсутствии симптомов подтвердился коронавирус. Через два дня он получил положительный результат, и мы все оказались на карантине. Прошла неделя, опасность миновала, а я продолжил жить почти по инерции. У меня не было сил даже на то, чтобы созваниваться с друзьями, я не видел дома пространства для того, что ты называешь событием. Спустя несколько дней, устав от такого постоянного выживания, я бросил все силы на дела (помогал маме по дому, готовил для моей семьи), чтобы обнаружить проблеск настоящей жизни. Все впустую, и более того, ограниченность загоняла

²¹ См. Х. Каррон. *Видишь только то, чем восхищаешься*. День начала года для взрослых и студентов из «Общения и освобождения». Видеоконференция, 26 сентября 2020 г.

меня во все более глубокую яму. Тогда я переключился на книги. Шло время, я взглянул на часы: половина седьмого вечера. Я вспомнил о твоей встрече со студентами. Две минуты колебаний: участвовать, не участвовать. В конце концов подключаюсь. В определенный момент слышу, как кто-то говорит: „Пережив во время университетских выборов опыт полноты, тем более что они завершились неожиданным и весьма удовлетворительным результатом, я заметил странное беспокойство. Как и дальше переживать опыт полноты сейчас, когда я вернулся к повседневным делам?“ Ты начинаешь отвечать: „Детали, вызывающие в нас странное беспокойство, играют решающую роль...“ Что-то щелкнуло, и я провожу остаток встречи, уткнувшись в экран, ожидая другие слова, которые вернули бы мне жизнь. Закрываю программу, возвращаюсь к „настоящей жизни“. Ужинаю, убираю со стола, сажусь ненадолго перед телевизором. Все кажется обычным, но, когда я ложусь, мне не удается уснуть. Прокручиваю в голове твои слова, и, отбросив гордость, начинаю молиться настолько по-человечески, что и теперь, думая об этом, прихожу в волнение. На следующий день я не я! Я замечаю в себе „абсурдное“ спокойствие, и оно таинственным образом выливается в то, что я отношусь к моей семье, готовлю и учусь с невообразимой радостью. А ведь я не хотел подключаться! Меня переполняет благодарность. Как здорово жить так!»

Мы можем признать истинность достигающей нас сегодня вести, только сталкиваясь с событием новой человечности, переживая на опыте изменение, которое оно в нас порождает. «Абсурдное спокойствие» – такими словами современные молодые люди обозначают

что-то удивительно великое, «невообразимую радость», которую человек не в состоянии дать себе сам. Речь идет, пишет Николай Кавасила, о «новой жизни, ибо она не имеет ничего общего с жизнью ветхой; о непостижимо лучшей жизни, ибо, хотя она и свойственна на человеческой природе, это жизнь Бога»²².

3. Нередуцируемость христианского факта

Всмотримся внимательнее в природу «факта», порождающего новую человечность. Все мы погружены в историю, которая в большей или меньшей степени несет христианскую весть, вызывая разные реакции. Я опять вспоминаю об Азурменди. Признанный антрополог и социолог, он знал о христианстве, был знаком с его учением, с его моралью, ценностями, но интерес к христианству в нем, уже пожилom человеке, вновь пробудили не знания. Напротив, он на долгие годы отдалился от него, как говорится, поставил на нем крест. От чего же несколько лет назад вспыхнула искра, разжегшая в нем любопытство и желание заново открыть для себя христианство, сломать стену, выстроенную из прежних знаний? Что бросило вызов его позиции, его установкам? «Факт», не поддающийся редукции, несводимый до объяснений с точки зрения ученого и человека, не вписывающийся в категории, через призму которых он до того момента смотрел на реальность, включая и христианство.

²² N. Cabasilas. *La vita in Cristo*. P. 126.

Этот «факт» нельзя было обобщить, подвести под какую-либо категорию, объяснить в рамках привычной для него мировоззренческой картины, его мыслительных шаблонов. Азурменди не удалось «подогнать», то есть подвести, обобщив, под одну из своих концепций, под универсальные абстракции, как говорит Джуссани²³, ту радиопередачу, а потом и другие встречи, случившиеся с ним после выписки из больницы. Не удалось как раз в силу инаковости, которую они несли в себе. Инаковость была настолько разительной, что покорила его: тот факт привлек его, заинтересовал, привязал к себе, Азурменди с удивлением заметил, что прилепился к нему. В результате в его жизни возникло новое познание, новое отношение ко всему, он переродился, стал в большей степени самим собой. Об этом говорил друг, которого я цитировал выше: «На следующий день я не я!» Он был в большей степени самим собой.

Не все можно вместить в наши устоявшиеся представления, в шаблоны, в которые мы привыкли загонять происходящее. Есть факты, не поддающиеся редукциям, заключающие в себе что-то, что сопротивляется существующей мировоззренческой картине, опрокидывает, превосходит ее. Такие «факты», говорили мы часто, – *«люди или моменты в людях»*²⁴, которые несут нечто новое, глубоко желанную истину о человеке, несравненную и, кажется, невозможную. Недаром святой Павел говорит о «новой твари».

²³ «Окружающий нас менталитет... чтобы вынести суждение, всегда пытается обобщить частности до универсальных абстракций» (Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. М.: Духовная библиотека : Новое небо, 2019. С. 91).

²⁴ L. Giussani. *Un avvenimento di vita, cioè una storia*. P. 459.

«Быть новым человеком – значит быть тем, кто всей своей жизнью возвещает – посредством того, что уже в нем присутствует, – Грядущего»²⁵. Тот, кто сталкивается с этими фактами, с этими людьми и позволяет им себя привлечь, сам начинает по-новому переживать реальность и первым удивляется: «Как здорово жить так!»

«Дорогой Хулиан, в последние полгода случилось событие, наложившее глубокий отпечаток на мой подход ко всему: в мою жизнь жестоким образом проникло ничто, о котором мы так много говорим. В один июньский день мы узнали, что парень моей сестры неожиданно совершил самоубийство. Наступили дни великой скорби и растерянности. Я осталась дома с сестрой, чтобы поддержать ее. Было очевидно, что никакие разговоры, религиозные и нерелигиозные, не избавляли от драмы, которая развернулась в нас, открыв непрестанно кровоточившую рану: что остается для меня сегодня? Что значит в настоящий момент, что Христос победил смерть две тысячи лет назад? Что значит, что смерть не последнее слово обо всем, особенно когда кто-то добровольно выбирает ее? Как жизнь может быть в большей степени жизнью? Как я могу переживать здесь и сейчас „во сто крат“?» Все, что она получила в качестве христианского обетования, пошатнулось под ударом: действительно ли это правда? «А моя сестра? Одним словом, есть ли надежда? Благодаря компании некоторых друзей во мне сразу же стало возрастать сознание, что Христос воплотился ради меня, чтобы я могла ис-

²⁵ P. Evdokimov. *L'amore folle di Dio*. Cinisello Balsamo (Mi): San Paolo, 2015. P. 69.

пытать близость и конкретность отношения с Ним. Я пережила то, о чем ты писал в книге „Сияние в глазах“: „Присутствие Христа современно нам. Чтобы это заметить, нужен тот же опыт, что и две тысячи лет назад... – столкновение с инаковым человеческим присутствием, пробуждающим новое предчувствие жизни и поражающим нас тем, насколько оно, как ничто другое, соответствует нашей врожденной жажде смысла и полноты. Сегодня тоже нужна... встреча, заключающая в себе „весь смысл, всю ценность, все желанное, все справедливое, все прекрасное и все достойное любви“. Христос побеждал во мне, во всех моих ранах, во всех возражениях, связанных с последними месяцами, побеждал Своей современностью, которая в те дни передавалась через человеческие черты моих друзей. Его взгляд породил во мне надежду, что ничего не будет утрачено из той, на первый взгляд, выброшенной жизни, переплетенной с жизнью моей сестры и моей. Я говорю это не в приступе безумия: это мой опыт, я не могу оторвать вопрос о том, есть ли надежда, от Его плоти, присутствующей здесь и сейчас».

Новая тварь – плод этого события. Мы видим изначальное событие сегодня по его биению в новой личности, которую оно порождает. Вернемся еще раз к словам отца Джуссани: новая тварь «обретает... способность познания, отличную от той, что имеется у других людей. Она возникает из присоединения к событию, из любви (*affectus*) к событию, к которому человек прилепляется, которому говорит да. Это событие – частность истории: у него вселенские притязания, но оно – отдельный ее момент. Думать, опираясь на событие, – значит прежде всего согла-

шаться с тем, что не я определяю событие, а скорее, оно определяет меня. Именно в нем обнаруживается, чем я на самом деле являюсь и каковы мои представления о мире. Это вызов для окружающего нас менталитета, который, чтобы вынести суждение, всегда пытается обобщить частности до универсальных абстракций»²⁶.

Событие вносит в жизнь новизну, и ею-то и проверяется, подтверждается истинность изначальной встречи. Действительно, по каким признакам я могу понять, является ли частность, с которой я сталкиваюсь, событием Христа сегодня? По наличию в ней «вселенских притязаний», как в только что процитированных свидетельствах, по ее способности озарить любое обстоятельство и любую ситуацию, в том числе и самую ужасную: смерть.

«Все с бóльшим изумлением я понимаю: истоки надежды – в непрестанном осуществлении присутствия, не поддающегося редукциям и всецело соответствующего сердцу. Я заметил, что мне даны факты, которые поддерживают меня, и их нельзя списать на филантропию или темперамент. В начале декабря один мой близкий друг поступил в монастырь. Полноценная человечность, влюбленность в жизнь, о которых он мне свидетельствовал, уверенность во встрече с Богом и в том, что в силу Его любви у него „уже все есть“, а потому можно все оставить, поскольку „ничто не утрачивается“, – все это до сих пор ежедневно является для меня точкой невозврата. Самим фактом нахождения в монастыре и формой жизни

²⁶ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 91.

он напоминает мне, что всеобъемлющий ответ на ожидание моего сердца есть и я могу его найти. Для меня это важнейший момент памяти: я подступаю к каждому дню и к вещам с волнующим ожиданием, благодаря которому вхожу в диалог со всем. Но как связаны его „полностью покоренное“ присутствие и надежда? Один мой друг несколько месяцев назад узнал, что у него боковой амиотрофический склероз. В этих драматических обстоятельствах у меня из головы не выходит его лицо, когда он по вечерам неизменно говорит: „И сегодня в силу того, что произошло на моих глазах, я иду спать радостным и благодарным: Господь исполняет Свое обещание“. Болезнь становится все тяжелее, а он благодарен. Что делает возможным такое всеохватное счастье его сердца, даже если он не в состоянии что-либо делать? Я не вижу того, что видит он, но я вижу его, данного мне. В конце года я предложил ребятам-скаутам, с которыми занимаюсь, провести вечер по первой главе „Религиозного чувства“. Я хотел рассказать им о том, что мне в жизни, как я вижу, помогает больше всего, – о сердце. Я попросил их поделиться самым прекрасным за прошедший год (а в год пандемии можно было слышать разговоры, сосредоточенные исключительно на трудностях, негативе и страданиях), и одна девушка сказала: „Каждый раз, когда на встречах или собраниях речь заходит о сердце, я спрашиваю себя, слушаю ли я свое сердце, удастся ли мне за ним следовать. Это самое ценное открытие за весь год!“ Несколько недель назад снова закрыли школы (я учитель), и в первый момент досады у меня возник вопрос: а может, мне еще раз дается возможность научиться любить учеников, которые

сегодня есть, а завтра нет? С таким вопросом я пошел на мессу, и меня растрогало осознание, что даже в красной зоне, даже с закрытыми школами Христос продолжает давать мне Себя. „Радуется сердце мое, ибо Ты живешь, Христе“. Вот она, надежда! Где Ты живешь? В невозможном, но реальном присутствии друга из монастыря, в радостном лице друга, идущего навстречу судьбе через болезнь, в Движении, порождающем меня, позволяющем замечать все это, так что я могу сделать ставку на сердце ребят, живущих „во власти“ мира. Сколько фактов я вижу ежедневно, фактов, которые помогают мне переживать опыт соответствия и напоминают: Христос жив, Он все во всем! Только это поддерживает меня. На днях я в рамках каритативы отнес продукты одной семье. Они предложили мне кофе. Имея перед глазами все перечисленные факты, я впервые решил остаться. В гостинной собралась с соблюдением необходимой дистанции вся семья. Одна из дочерей молча смотрела на меня, и видно было, что про себя она спрашивала: „Почему ты здесь? Почему мы тебе интересны?“ Когда Христос живет в сердце, вся реальность, даже чужая, становится обитаемым домом. Я на коленях благодарю Движение – хранителя такого живого человеческого взгляда, исполненного надежды, потому что это Он Сам, присутствующий, воплощающийся в моей жизни».

Чтобы бросить вызов всеобщему менталитету, «факт» необязательно должен ошеломлять. Сила факта, частности не зависит от ошеломительности. Это может быть всего лишь дуновение, но такое, в котором есть притягательная инаковость. Сила факта, его уникальность – в заключенной в нем ина-

ковости. Азурменди отчетливо уловил ее в журналисте, выступавшем на радио. Отец Джуссани в беседе с Джованни Тестори, состоявшейся в 1980 году, говорил о людях, которые являются «присутствием»²⁷.

Мы неоднократно становились свидетелями подобных фактов, но часто, вместо того чтобы следовать за ними в простоте, как Азурменди, мы загоняем их в нашу систему мышления, в рамки уже известного. В результате они не сообщают нам ничего нового. Можно быть причастными к христианской истории, которая полна таких фактов, и продолжать сводить христианство к этике, к обряду, к стереотипам, созданным коллективным воображением. Однако ни одна из урезанных его форм не в состоянии пробудить надежду.

В момент, когда христианство осуществляется и принимается как событие, мы сознаем, какую инаковость оно приносит в жизнь. Те, кто участвует в христианстве как в событии, выводят на чистую воду любые редуцированные представления о нем. Об этом рассказывает одна молодая подруга, написавшая мне: «Несколько дней назад случилось событие, которое помогло мне понять, что произошло в моей жизни. Я говорила с моей матерью о Рождестве, и вдруг она в шутку сказала мне, что в глубине души хотела бы верить в Деда Мороза, поскольку чувствует потребность в существовании фигуры, несущей надежду, лица, о котором можно думать и го-

²⁷ «Мне не удастся найти никакого другого признака надежды, кроме растущего числа таких людей, являющихся присутствием. Рост числа таких людей и неизбежная симпатия... между этими людьми» (L. Giussani, G. Testori. *Il senso della nascita*. Milano: Bur, 2013. P. 116).

ворить: „Он все может, на него я возлагаю надежду, что все будет хорошо“. Слова моей матери позволили мне осознать, какое предпочтение мне было оказано во встрече с Движением. Моя мать – верующая женщина, она каждое воскресенье ходит на мессу и все же возлагает надежды на Деда Мороза, потому что он для нее обладает конкретным лицом! Для меня это было доказательством того, как порой мы превращаем Бога в отвлеченное понятие, в идею. Я же встречаю Его каждый день, Он присутствует в жизни, и я могу признавать Его благодаря принадлежности к определенной истории. Я открыла Его во встрече с этой частной историей, и так во мне родилась надежда».

Сталкиваясь с присутствием, не поддающимся нашим редукциям, мы освобождаемся из неизбежного плена представлений, свойственных всеобщему менталитету. Только такое присутствие несет в себе основание для надежды, прочно укорененное в самой его глубине.

«Есть ли надежда? Этот вопрос ставит меня в затруднительное положение. В такие времена, как сейчас (я изучаю медицину, и санитарная ситуация затрагивает меня непосредственно), отвечать теоретическими фразами можно очень недолго. В конце дня вопросы лишают сна и сил. Непременно должен существовать истинный ответ, выдерживающий драму повседневности, а теоретические ответы делают все еще более тяжелым [и в конечном итоге усугубляется нигилизм – добавляю я]. Когда я пытаюсь ответить на вопрос: „Есть ли надежда в болезни моего папы?“ – единственный способ ответить – смотреть на моего папу. Есть ли надежда перед лицом пандемии? Первое, что приходит в голову [кажет-

ся, это лишь дуновение] – воодушевленный взгляд моей подруги, которая при всей ее тяжелой работе в больнице не сдается. И так далее. Если задуматься обо всех трудных для меня ситуациях, только одно позволяет мне говорить, что есть какая-то надежда: лица людей, для которых она существует. Но тут драма накаляется, не утихает: наблюдая за ними, я чувствую огромное желание быть такой же и предстоять перед жизнью с их взглядом [то же самое случилось с Азурменди, сказавшим себе: «Как бы мне хотелось смотреть на мир, как смотрит на него этот журналист!»]. Но я понимаю, что для этого мало моих усилий, а иначе вечером я ложусь спать, устав от подсчета успехов и неудач [в таком случае мы вновь сводим все к этике]. И я спрашиваю себя: „Какой в этом смысл?“ Каждый день я с удивлением замечаю, как кто-то живет истинным образом, привлекающим меня и приводящим в движение, потому что я завидую иному взгляду на вещи, которые мне надоедают уже в восемь утра. Эта привлекательность пропадает через пару часов, но иногда по-настоящему заставляет вступать в игру. Отсюда вопрос: достаточно следовать за такими людьми? Достаточно оставаться в отношении с реальным присутствием таких людей, которыми усеяна моя повседневность и с которыми я чувствую, пусть даже на мгновение, что меня понимают со всеми моими трудностями и драмами?»

Ответ на этот вопрос поднимает проблему свободы. Перед присутствием людей, несущих в себе основания для надежды, каждый должен прежде всего решить, идти за желанием быть как они, оставаться в их компании или нет.

4. Опыт и критерии сердца

Как распознать такое присутствие, распознать, чем оно является, что несет в себе, распознать его подлинную ценность, дойти до истоков его инаковости? Этот вопрос касается и апостолов, даже они не были от него избавлены. Более того, именно им первым пришлось отвечать на него.

Когда присутствие Иисуса стало заявлять о себе, а слух о Нем, о том, что Он говорил и делал, – разноситься повсюду, начали возникать и различные истолкования Его фигуры, особенно со стороны тех, кто ощутил посягательства на свою власть, на свой «авторитет», – книжников, фарисеев, интеллектуалов, старейшин народа. Как первым ученикам, пошедшим за Ним, удалось понять, что стоило следовать за тем Человеком, стоило прилепиться к Нему, поставить всю жизнь на Него?

Как распознать среди множества схожих человеческих лиц *то самое лицо*? Какой критерий можно для этого использовать? Он должен бы быть нам уже хорошо знаком, мы должны были усвоить его из опыта. Единственный адекватный критерий, позволяющий распознать присутствие, несущее в себе смысл, соразмерный жизни, – тот, который дает нам наша природа, подталкивающая к всеобъемлющему сопоставлению с тем, с чем мы встречаемся на своем пути. Критерий этот – сердце, совокупность очевидностей и потребностей (в истине, красоте, справедливости, счастье), которые проявляются в нас, когда мы всерьез относимся к тому, что испытываем. «В опыте реальность... которая... тебя поражает, шокирует (*affectus*), – говорит Джуссани, – выявляет кри-

терии сердца, пробуждает сердце, до этого растерянное и спавшее, а значит, пробуждает тебя для самого себя. И тогда начинается твой путь, потому что ты пробужден, мыслишь критически»²⁸.

В нас действуют – наперекор нам самим – объективные и безошибочные критерии, не дающие нам поблажек. Об этом драматично свидетельствует Павезе. Четырнадцатого июля 1950 года, получив премию «Стрега», он пишет: «Вернулся из Рима, уже давно. В Риме апофеоз. И что с того?»²⁹ Как будто осуществилась запись, которую он сделал в дневнике многими годами ранее: «Есть что-то печальнее провала собственных идеалов, – их достижение»³⁰. Меньше чем за год до смерти он признается: «Сколько раз в этих последних заметках ты писал: „А дальше?“ Начинает смахивать на клетку, нет?»³¹ Двадцать второго июня 1950 года, узнав о большом успехе, он прокомментировал: «Блаженство. Без сомнения. Но сколько раз я еще вкушу его? А дальше?»³² Чего недоставало его жизни, такой успешной в глазах мира? Семнадцатое августа 1950-го: «Титулы не важны. Разве они не случайны: не одни, так другие? Факт остается фактом: я знаю свой самый громкий триумф, и триумфу этому не хватает плоти, не хватает крови, не хватает жизни»³³. Под бременем этой нехватки десять дней спустя он лишит себя жизни!

²⁸ L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* Milano: Bur, 2011. P. 83.

²⁹ C. Pavese. 14 luglio 1950 // *Il mestiere di vivere*. P. 516.

³⁰ C. Pavese. 18 dicembre 1937 // *Ibidem*. P. 108.

³¹ C. Pavese. 16 ottobre 1949 // *Ibidem*. P. 488.

³² C. Pavese. 22 giugno 1950 // *Ibidem*. P. 515.

³³ C. Pavese. 17 agosto 1950 // *Ibidem*. P. 518.

Подобный опыт отмечает Камю в «Записных книжках» в день собственного большого успеха: «*Семнадцатое октября. Нобель. Странное ощущение подавленности и тоски*»³⁴.

Мы не можем обойти образующие критерии сердца, потребность в смысле, в справедливости, в счастье, в любви. До некоторых пор их можно заглушать или замалчивать, но искоренить их нельзя. Они являются неотъемлемой частью опыта. Джуссани открыто говорит о том, как трудно нам признавать, что «начало суждения об опыте заключено в самом опыте». «Если бы, – подчеркивает он, – принципы, позволяющие судить о собственном опыте, не содержались бы в самом этом опыте, человек был бы отчужден от самого себя, потому что ему пришлось бы зависеть от чего-то другого, чтобы судить о себе»³⁵. Описанные потребности не возникают из того, что человек испытывает, а «рождаются в нем перед лицом того, что он испытывает, рождаются в нем, когда он вовлечен в то, что испытывает»³⁶, и становятся критерием суждения о том, что он испытывает.

Критерий суждения должен быть «присущ изначальной структуре личности». Речь об «объективном критерии, с помощью которого природа подталкивает человека ко всеобъемлющему сопоставлению, наделяя его изначальными потребностями, тем исходным опытом, каким все матери *одинаково* наделяют своих детей. Только такое идентичное для всех

³⁴ A. Camus. *Carnets III. Mars 1951 – Décembre 1959*. Paris: Gallimard, 1989. P. 214.

³⁵ L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* P. 83–84.

³⁶ *Ibidem*. P. 82.

глубинное сознание преодолевает анархию»³⁷, субъективизм.

Нельзя говорить об опыте (порой такой соблазн существует), отождествляя его просто с тем или иным переживанием. «Категория *опыта*, как мы ее понимаем, обладает абсолютным критическим значением», – утверждает Джуссани. Ее следует понимать не как «непосредственное чувство», а как «место, где столкновение с реальностью пробуждает образующие потребности человеческого сердца, запуская поиск ответа на вызовы, исходящие от реальности». Отсюда следствие: «*Опыт*, таким образом, есть среда, в которой личность призвана проверять, действительно ли факт Христа – подлинная, великая рабочая гипотеза – в состоянии ответить на возникшие вопросы достоверным и полным образом, с учетом всех факторов, как не отвечают никакие другие предложения». Он тут же добавляет: «Поэтому „Общение и освобождение“ стремится лишь к одному: вновь открывать и переживать по-настоящему тот факт, что христианская вера, как она сохранилась в русле ортодоксальности, отвечает на глубинные человеческие потребности лучше, чем любое другое предложение»³⁸.

Вот почему подлинная катастрофа наших дней заключается в ослаблении сознания об этих потребностях, в помутнении понимания собственной идентичности. В самом деле, Христос пришел, чтобы ответить людям, а не «омертвевшим существам на-

³⁷ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 9, 13.

³⁸ L. Giussani. *Il ragionevole ossequio della fede*. / A cura di A. Metalli // *30Giorni*. N. 5. 1988. P. 40–41.

подобие роботов». Как говорит в уже процитированной фразе Рейнгольд Нибур, «нет ничего невероятнее ответа на незаданный вопрос». И потому «единственная цель СЛ» – «свидетельствовать о разумности веры, о вере как о *разумном послушании*, где под разумностью понимается, согласно представлениям святого Фомы, опыт соответствия между предложением веры и структурными потребностями человеческого сознания»³⁹.

Инаковость христианского события целиком сосредоточена в опыте, который оно порождает. Факт встречи с Иисусом пробуждает в учениках опыт несравненного соответствия: «Мы нашли Мессию». Все прочие благоприятные события, на которые мы надеемся в жизни, включая и успехи, которых нам удается добиться, не удовлетворяют ожидание, не исполняют обещание и в конечном итоге становятся причиной глубокого разочарования. Глядя на них, мы вслед за Павезе спрашиваем: «И что с того?»

Вернемся к главному. Опыт в истинном смысле как место познания и проверки нельзя отождествлять всего лишь с субъективными впечатлениями или с сентиментальной реакцией. Опыт есть «цельное, свойственное жизни действие, вытекающее из тройственного фактора: *встречи с объективным событием... не зависящим от человека, переживающего опыт; способности должным образом воспринять значение этой встречи...; сознание о соответствии между значением события, с которым мы сталкиваемся, и смыслом собственного существования...* Именно сознанием о таком соответствии проверяет-

³⁹ Ivi.

ся личностный рост, играющий основополагающую роль в феномене опыта». Таким образом, подлинный опыт обязательно предполагает «самосознание и способность к критическому мышлению»⁴⁰.

О том же самым другими словами говорит пророк Исаия: «О, если бы Ты расторг небеса и сошел!» Если бы Бог действительно ответил на наше ожидание, «горы содрогнулись бы пред Ним»⁴¹. Знак исполнения обещания – дрожь, трепет, произведенный событием. Именно это случилось с Елисаветой: «Когда услышала Елисавета приветствие Марии, вострепетал младенец во чреве ее»⁴². Тот же трепет ощутили Иоанн и Андрей, когда они, встретившись с Иисусом и проведя с Ним день, сказали всем: «Мы нашли Мессию!» Тот же трепет ощутил и Азурменди: «Я не ожидал, что встречу в жизни что-то подобное. Это был большой сюрприз. Совершенно за рамками привычных вещей. Я удивился... и потихоньку вошел в состояние восхищения»⁴³. Трепет – знак того, что событие вновь происходит.

Итак, я могу распознать божественное в присутствии определенных людей, как Елисавета распознала Иисуса во чреве Марии, благодаря соответствию моему сердцу, моей человечности, которое я испытываю во встрече с ними и которое выражается в «тре-

⁴⁰ Ср. Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 133–134.

⁴¹ Ср. *Ис.* 64:1. Стих частично приводится в синодальном переводе, частично – в современном русском (РБО, 2017).

⁴² *Лк.* 1:41. Пер. еп. Кассиана (Безобразова).

⁴³ «Объятие». Расшифровка видеинтервью Фернандо де Аро с Микелем Азурменди, подготовленного для фестиваля «Митинг в Римини» в 2020 г. См.: Х. Каррон. *Видишь только то, чем восхищаешься*. С. 15.

пете». Встреча проверяется по тому, способна ли она ввести меня в полноту реальности, позволяет ли она встречать любую ситуацию лицом к лицу, принимать вызов любых обстоятельств. «Господь пришествием Своим... принес все новое тем, что Он возвещенный принес Себя Самого»⁴⁴, – говорит святой Иринея. Он принес новое во всякую вещь. Какой опыт должны были переживать первые христиане, чтобы описывать Христа таким образом!

Это произошло и продолжает происходить, как в последние месяцы произошло с хозяином бара, расположенного в университетском квартале, куда в основном заглядывают студенты. «Мы из CLU – те немногие, кто по-прежнему посещает несколько аудиторий, открытых в университете для занятий. Каждое утро мы заказываем кофе на вынос в одном и том же баре и подружились с теми, кто его содержит. В пятницу утром мой двоюродный брат зашел туда последним и спросил у бармена, работающего там с 1982 года, как идут дела. Он ответил: „Работы мало, но, к счастью, есть вы. Я знаю: вы из CL, это понимаешь сразу, вы точно такие же, как и те, кто приходил тридцать лет назад, вы единственные вдыхаете жизнь в университетский квартал“. Как, спросил я себя, он понял, что мы из CL, что мы и люди тридцать лет назад – одно и то же? Но прежде всего, как возможно, что он говорит о нас, в том числе и обо мне, как о тех единственных, кто вдыхает жизнь в университетский квартал? Причина не в наших,

⁴⁴ «*Omni novitatem attulit, semetipsum afferens*» (Против ересей. Кн. IV. Гл. XXXIV. См. Св. Иринея Лионский. *Против ересей. Доказательство апостольской проповеди*. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2008. С. 422).

не в моих способностях. Нет, дело во встрече, которая случилась со мной и оцарапала мое сердце, навсегда оставила в нем отпечаток, вплоть до того, что я иначе стал смотреть на реальность, общую для всех людей. И поэтому мне не нужно совершать ничего ошеломительного, достаточно просто быть самим собой. Во мне возросло сознание, уверенность в том, что в конечном итоге либо есть Христос, либо *nada*, ничего нет! Я так говорю, поскольку случилось множество событий, которые, чем дальше, тем больше превращались в „пригоршни клея“, прилеплявшие, прилепляющие меня к этой компании. И я спрашиваю: „Куда я уйду от Него?“ Сейчас перед лицом фактов я не впадаю в отчаяние благодаря опыту, который переживаю: моя вера распространяется и на будущее. Оружие, с помощью которого я в повседневности отражаю вызов, исходящий от жизненных ситуаций, – доверие, вера. Обладая такой уверенностью, не делая ничего особенного, просто оставаясь самим собой, я несу нечто большее, чем я сам. Только сейчас я живу в настоящем с надеждой».

Бармен без труда признал инаковость молодых людей – по дыханию, которое они вносили в его жизнь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЦВЕТОК НАДЕЖДЫ

Теперь мы должны рассмотреть по-настоящему щекотливый вопрос, который для нас, чад так называемой западной культуры, является наиболее чувствительным.

1. Потребность в уверенности

Как мы, живущие в эти времена, принадлежащие к этой культуре (я думаю прежде всего о молодых людях, которым, с одной стороны, знакомы схемы, свойственные расчетливой рациональности науки и техники, но которым, с другой стороны, присуща врожденная нетерпимость ко всему, что не является непосредственным и измеримым, что отдает доктриной), – как мы можем достичь уверенности во Христе? Сегодня потребность в такой уверенности особенно ощутима. Те, кто работает с молодежью, хорошо это знают. Джуссани заметил эту потребность раньше остальных, а сейчас она стала еще острее. Христианская вера больше не может двигаться по инерции. Недавно журналист Лучо Брунелли написал в газете *L'Osservatore Romano*, размышляя о современной молодежи: «Христос умерший и воскресший, – спасение человека. Ты можешь кричать им эту истину в лицо... но они посмотрят на тебя, вероятно... с без-

различием», – словно оказавшись перед чем-то «непостижимым»¹. Христианская вера больше не является социальным фактом, очевидной предпосылкой, мы не получаем ее вместе с воспитанием и потому «вынуждены» – к счастью, считаю я – вновь открывать пути, ведущие к ней. В некотором смысле мы обязаны достичь разумной, обоснованной веры.

Спросим себя: на что опиралась вера первых учеников, следовавших за Иисусом? То же верно и для нас. С самого начала своей воспитательной работы Джуссани живо ощутил, насколько необходима разумная вера. Это еще одно из очевидных проявлений благодати харизмы, благодати, данной отцу Джуссани: она напрямую касается потребностей современного человека, погруженного в неуверенность и не способного ее преодолеть. Реальность, порожденная этой благодатью, как говорил он в процитированном отрывке, имеет единственной своей целью свидетельство о разумности веры, то есть о том, что факт Христа лучше всего бы то ни было отвечает на глубинные требования нашей человечности. Согласие верить является разумным как раз потому, что событие Христа соответствует структурным потребностям человеческого сознания. А «предложение, обращенное к молодежи, представляет собой очень ясный тест»² на то, сознаем мы или нет неотложную потребность в разумности.

Что требуется людям, юным и взрослым, чтобы открыть для себя разумность веры? В 1987 году на

¹ L. Brunelli. *Le chiese vuote e la fantasia di Dio // L'Osservatore Romano*. 10 aprile 2021. P. 9.

² L. Giussani. *Il ragionevole ossequio della fede*. P. 40.

Синоде, посвященном мирянам, отец Джуссани утверждал: «Современному человеку, наделенному, как никогда в истории, возможностью действовать, крайне трудно видеть в Христе ясный и уверенный ответ на смысл собственной изобретательности. Институты часто не предлагают ответ на уровне жизни. Сегодня недостает не словесного или культурного повторения вестей. Современный человек ожидает, возможно, неосознанно, опыта встречи с теми, для кого факт Христа столь реален, что меняет их жизнь. Современного человека способно встряхнуть столкновение с людьми, событие, в котором отзывается изначальное событие, момент, когда Иисус поднял глаза и сказал: „Закхей, спустись скорее с дерева, Я иду к тебе домой“»³.

Отправная точка, как и две тысячи лет назад, – опыт встречи. Сегодня не может быть иначе, потому что тогда это не христианство. «Речь о кардинальном перевороте метода, знаменующем переход от религиозного чувства к вере: это уже не поиск, полный загадок, а поразительное событие, произошедшее в человеческой истории». Прочитанные свидетельства это подтверждают. «Таково условие, без выполнения которого об Иисусе Христе и говорить нельзя. На этом пути Христос со временем становится близким, почти как отношение с собственными матерью и отцом, все больше составляет личность человека». Опыт встречи с Его человечностью, обладающей лицом, обликом конкретных людей, определенной ком-

³ L. Giussani. *L'avvenimento cristiano. Uomo Chiesa Mondo*. Milano: Bur, 2003. P. 23–24.

пани, ведет нас в силу переживаемого соответствия к «великому вопросу о Его божественности»⁴.

Острую потребность в разумной вере испытывают люди всех возрастов: подростки, молодежь, взрослые, – в любых жизненных условиях.

Показательным и символичным выражением этой проблемы является то, что пишет одна студентка: «Вопрос уверенности во Христе для меня открыт. Несмотря на долгие годы в Движении, мессы и Причастие – крайне трудный момент, поскольку я больше не верю. Я благодарна моим друзьям из Движения за их насыщенную жизнь, которая раз за разом захватывает меня, но я не в состоянии закрыть глаза на то, что Движение опирается на „невероятный“ факт Христа, невероятный для меня, потому что у меня не получается принять его. Я спрашиваю себя: как может Христос быть там, как может Он быть во мне? Мне непонятно, где и в ком Христос, ведь все мы люди, все мы ограничены. Мне это не кажется скептицизмом, думаю, я наконец-то перестала скрывать, что какие-то вещи для меня не сходятся, и я не могу больше делать вид, будто это не так. Я словно смотрю на велосипедное колесо, вижу все его спицы – человеческие лучи, все события, случившиеся со мной, людей, но мне не удастся увидеть их центр, для меня это натяжка и самовнушение. Любовь, которую я испытываю, исходит от моей мамы, от моего папы, от моих друзей, иногда больше, иногда меньше, и я не понимаю, как и в какой момент в игру вступает Христос».

⁴Ср. Л. Джуссани. *У истоков христианского притяжения*. С. 6.

Я благодарен этой подруге за смелость и прямоту ее вопроса, который указывает прежде всего на то, что она находится в компании, где чувствует себя свободной и может поднимать самые радикальные проблемы. Каждый знает, насколько не самоочевидно существование места, где человек может задавать вопросы, говорить открыто, без страха идти на риск.

Прежде чем обратиться к поставленному вопросу, я хотел бы предложить еще одно свидетельство, разворачивающееся в том же ключе.

«Времена сейчас очень тяжелые: многие заражаются коронавирусом, многие страдают от „обычных“ заболеваний и часто не получают должного лечения, поскольку система здравоохранения не работает в нормальном режиме. Не говоря уже об экономических трудностях, которые для большого числа людей становятся ощутимыми. Страх перед жизнью и смертью терзает плоть и сердце даже тех, кто, казалось бы, не испытывает серьезных проблем. Мы переживаем своего рода экзистенциальную „паузу“, вызывающую беспокойство, тревогу. В такой ситуации неизбежно спрашиваешь себя (чаще, чем раньше), что на самом деле важно. На нашей школе общины мы постоянно задаемся этим вопросом. Помимо личных отношений и работы, к которой, разумеется, каждый привязан, все признают важность нашей компании. Но тут возникают – по крайней мере, у кого-то из нас – сомнения насчет того, что это действительно означает. Мы переживаем опыт общины каждый день, не только когда проводим школу. Это наш дом, источник советов, утешения, конкретной поддержки. Это место осязаемой братской любви. Большая сложность возникает

с Богом. Некоторые из нас ничуть не сомневаются в отношении с Ним. Другие ощущают в таком отношении томительную нужду, чувствуют неиссякаемую тоску. Вера для них – не просто доверие, вверение себя Ему, а поиск. Мы становимся искателями Бога, как древний израильский народ, и нам страшно: что, если все не более чем иллюзия, которую мы создаем без какого-либо основания? Вот наш огромный страх! Бога никто никогда не видел, но после пришествия Его Сына можно видеть Его знаки, и этого нам должно бы хватать. Но как мне утешить не только самого себя, пребывающего во мраке повседневного страха, но и друга, уже переживающего конкретное физическое страдание? Как могу я рассказать ему о Боге? Как обрести тот мир в душе, который позволит со спокойствием и доверием встречать любое обстоятельство, даже самое негативное? Как я могу верить в спасение, смотря исключительно на окружающих меня людей, не видя, не осязая Его? Без Бога все лишается смысла, это неоспоримый факт. Но как может желание веры стать верой, действительно воплощенной в жизнь?»

Приведенные свидетельства выражают крик. Перед нами не скептики, а молодежь и взрослые, которые не довольствуются тем, чтобы унять эту неудовлетворенность с помощью первого попавшегося ответа. Мы видим, что для них животрепещущим является вопрос Достоевского: «Можно ли веровать, быв цивилизованным, то есть европейцем? – то есть веровать безусловно в божественность Сына Божия Иисуса Христа?»⁵ Как

⁵ Ф. М. Достоевский. *Полн. собр. соч.*: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 11: *Бесы*. С. 178.

всякий гений, Достоевский пророчески предвозвестил то, что впоследствии стало всеобщей острой нуждой.

Эти «искатели» просят о пути, который позволяет достичь разумной уверенности в том, что они встретили. Без такой уверенности желанная надежда не находит достаточного основания, и свобода не в состоянии прилепиться, вплоть до привязанности, к реальности, с которой они столкнулись. Сразу же становится ясно, что проблема надежды отсылает к уверенности веры.

В свете такой экзистенциальной нужды мы можем более сознательно воспринять метод, переданный нам отцом Джуссани, понять его значение и не загонять его в рамки уже известного, ссылаясь на «знакомство с понятиями». Следуя за ним, мы проверяем, действительно ли путь, который он нам указывает, ведет каждого из нас от «желания веры» к «вере, воплощенной в жизнь».

А. Метод нравственной уверенности

Каждый по-своему замечает необходимость достичь уверенности во Христе, чтобы смотреть в лицо собственной потребности в полноте, в истине, в справедливости, смотреть в лицо проблемам, посредством которых жизнь не перестает нас провоцировать. Сосредоточимся на вопросе, высказанном в свидетельствах: как с уверенностью узнавать, признавать Христа? Мы сказали, что это проблема веры. Вера есть способ познания, присущий разуму, а не дешевый сентиментализм; это познание чего-то для меня незримого при посредничестве другого. Я не вижу объ-

ект напрямую, а узнаю о нем через свидетеля. «Культура, история и человеческое общежитие основываются на этом виде познания, который называется верой... познания реальности через посредничество свидетеля». Нам интересно раскрыть проблему веры на определенном уровне, «на самом великом уровне жизни: на том уровне, который касается судьбы»⁶.

Джуссани продолжает размышление: «Мы узнаем Христа не напрямую, не через очевидность и не через анализ опыта», как и две тысячи лет назад Иоанн и Андрей не видели в Человеке, с Которым столкнулись, в Иисусе из Назарета, непосредственно божественное. Мы находимся в той же ситуации. Христос является всецельным объектом нашей веры, и потому возникает вопрос: «Как мы можем познать Христа настолько, чтобы вся наша жизнь опиралась на Него?»⁷ Если вера – форма познания, основанная на посредничестве свидетеля, вопрос прежде всего в том, как убедиться в достоверности последнего.

Какой путь нужно проделать, чтобы достичь уверенности в человеке? Среди различных методов, с помощью которых разум может достичь уверенности в разных сферах реальности, нас интересует метод, связанный с человеческим поведением. Один метод ведет к математической уверенности, другой – к уверенности научной, третий – к философской, но есть в распоряжении разума и четвертый метод, позволяющий достичь уверенности в человеческом поведении, нравственной уверенности. В каком-то смысле

⁶ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2007. С. 22–23.

⁷ Ср. Там же. С. 35.

он сравним «с методом гения или художника», которые доходят до предчувствия истины на основании знаков. «Когда Ньютон увидел, как падает всем известное яблоко, это было внешним знаком, благодаря которому возникла великая гипотеза. Маленький знак позволяет гениально одаренному человеку сделать универсальный вывод. Метод, благодаря которому я понимаю, что моя мать любит меня, благодаря которому я уверен, что многие люди – мои друзья, не устанавливается механически, а интуитивно понимается умом как единственно разумный смысл, как единственное основание, объясняющее схождение в едином центре определенных „знаков“. Умножайте до бесконечности эти знаки, до сотни, до тысячи: их конечный смысл в том, что моя мать любит меня. Тысячи внешних признаков сходятся в этой точке: единственный смысл поведения моей матери в том, что „моя мать любит меня“»⁸.

Я неоднократно использовал пример мамы, как раз чтобы подчеркнуть метод, позволяющий достичь уверенности в другом человеке, – метод прочтения знаков. Если бы кто-то спросил меня: «Как понять, что моя мама меня любит?» – я бы ответил: «Это можно увидеть по знакам. Не все люди делают то, что делает для тебя твоя мама»⁹. Увидев множество знаков, будучи честным по отношению к увиденно-

⁸ Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 24.

⁹ Бальтазар замечает: «В человеке, задающемся вопросами, нужно пробудить элементарную чувствительность к истине и уважение к ней. Учитывая, что большинство людей хотя бы раз в жизни любили, можно напомнить им о некоторых законах и опытах любви и отсюда повести их к любви к Богу» (H. U. von Balthasar. *Il chicco di grano. Aforismi*. Milano: Jaca Book, 1994. P. 42).

му, ты сможешь признать, что для поведения твоей матери есть только одно объяснение, только одна точка схождения (как для спиц велосипеда, о которых говорила наша подруга), – и это любовь. Можешь вместо слова «любовь» сказать «икс», но поведение твоей мамы все равно будет зна́ком безусловного утверждения твоего существования, делающего тебя уверенным в ней, позволяющего тебе ей доверять. Любовь не подтверждается с помощью некоего научного детектора, в ходе исследования или эксперимента: любовь есть смысл знаков.

Джуссани продолжает: «Для нравственной уверенности доказательство – это наличие ряда примет, единственный адекватный смысл которых, единственный адекватный смысл, единственное адекватное основание, единственное разумное прочтение которых – эта уверенность». Ее можно назвать «уверенностью не только нравственной, но и *экзистенциальной*», поскольку она «связана с тем моментом, когда ты истолковываешь какое-либо явление, то есть интуитивно постигаешь совокупность знаков. Приведем пример. Я уверен, что человек, находящийся сейчас передо мною, не хочет меня убить; он не хочет меня убить и после такого моего заявления, даже чтобы доказать мою ошибку. Эта уверенность продиктована определенным поведением человека, определенной ситуацией. Но я не мог бы иметь ту же уверенность и в будущем, если бы ситуация изменилась!»¹⁰

Тут Джуссани делает два важных замечания. Во-первых, «моя уверенность относительно тебя будет тем обоснованней, чем с бóльшим вниманием от-

¹⁰Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 24.

ношусь я к твоей жизни, то есть чем в большей степени я разделяю ее. В этой мере знаки умножаются. Например, кто в Евангелии смог понять, что нужно доверять этому Человеку? Не толпа, жаждавшая исцелений, а те, кто последовал за Ним и разделил Его жизнь. Совместная жизнь и соучастие!»¹¹ Когда человек смотрит со стороны и говорит: «Красота!» – но потом уходит, он все теряет. Не следуя за впечатлением, за трепетом, который вызывает во мне определенное присутствие, я все теряю, теряю лучшее из того, что со мной случилось. Если ты видишь человека всего лишь раз, истина, восприятие истины, которое у тебя и было, может рассеяться. Нам хочется поскорее понять, еще до того, как мы втянемся, без нашего непосредственного участия. Но как достичь уверенности, не соучаствуя? Это было бы лицемерие. Если же мы соучаствуем, следуем за испытанным впечатлением, знаки умножаются, углубляется уверенность. И поскольку опыт нас не обманывает, мы сразу же замечаем, когда заблуждаемся: «Ах, нет, не это я предчувствовал»¹².

Во-вторых и напротив, подчеркивает Джуссани, «чем сильнее человек как личность, тем в большей степени он способен по немногим приметам прийти к уверенности относительно другого человека. Вот человеческая гениальность, гениальность, способная считывать истину поведения, образа жизни людей. Чем сильнее в человеке человечность, тем больше

¹¹ Там же. С. 25

¹² «Решения достигаются не столько рассуждениями, сколько разумом, самую истинную вещей и опытом» (Guglielmo di Saint-Thierry. *Natura e valore dell'amore*, 31 // *Opere*. 3. Roma: Città Nuova, 1998. P. 97).

способность уверенного восприятия. „Доверять хорошо, а не доверять лучше“, – гласит пословица, но это довольно поверхностная мудрость, потому что способность доверять свойственна человеку сильному и уверенному. Человек неуверенный не доверяет даже собственной матери. Чем в большей степени человек является человеком, тем более он способен доверяться, поскольку видит достаточные основания, чтобы верить в другого»¹³.

Б. В высшей степени человеческий путь

Чтобы узнать человека, нужно, как мы сказали, пожить с ним. Совместная жизнь требует времени, и только тот, кто готов вкладывать необходимое время, достигнет надлежащей, разумно обоснованной уверенности в другом человеке. В такой совместной жизни, длящейся во времени, разумеется, нужно быть внимательными к знакам, которые другой человек предоставляет о самом себе. Это в высшей степени человеческий путь, и его отправную точку ни с чем не спутаешь. «При встрече с человеком, имеющим большое значение в нашей жизни, всегда есть первый момент, когда мы его предчувствуем; что-то внутри нас ничего не может поделать с очевидностью неизбежного признания: это он, это она»¹⁴.

В начале в некотором смысле уже заложено все, на что указывают слова «очевидность неизбежного признания». В силу неизбежного характера признания

¹³ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 25.

¹⁴ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. С. 64.

можно было бы подумать, что путь завершен, что мы достигли окончательного знания. Это не так, что подтверждает опыт каждого из нас. Если мы хотим достичь уверенности в другом человеке, описанная очевидность – начало пути, который нужно совершить. Джуссани продолжает: «Только повторение этого подтверждения, полного впечатления экзистенциальной важности, то есть только совместная жизнь позволяет ему все глубже укореняться в нас до тех пор, пока в определенный момент это не становится уверенностью»¹⁵.

Проблема одна и та же, встречаем ли мы важного (в широком смысле) человека или Христа, христианскую компанию. Иоанну и Андрею, Петру и другим понадобился поступательный путь познания, сотканный из повторений, из умножающихся знаков. Точно так же и для нас. «Этот путь „познания“ получит в Евангелии еще много подтверждений, то есть много раз будет нуждаться в поддержке, так что выражение „и уверовали в Него ученики Его“ будет неоднократно повторяться до самого конца». От этого никуда не денешься, да нам это и не выгодно. «Это познание будет медленно превращаться в убеждение, и никакой последующий шаг не будет опровергать предыдущие. Ученики и раньше веровали. Но совместная жизнь станет подтверждением той исключительности, той инаковости, которая поразила их с первого момента. Это подтверждение укрепляется в совместной жизни»¹⁶.

¹⁵ Там же. С. 64.

¹⁶ Там же. С. 64–65.

Путь от первого ощущения, от первого впечатления, исполненного очевидности, до уверенности пролегает по траектории «последовательной череды признаний, для которых необходимы пространство и время». Это закон, не знающий исключений. «Действительно, познание объекта требует пространства и времени, и потому тем более закон этот не может быть опровергнут объектом, претендующим на уникальность. Даже те, кто первым столкнулся с той уникальностью, должны были следовать по этому пути»¹⁷. Этот путь необходим и для нас. Каждому решать, идти по нему или же отступить. Все зависит от открытости, с которой мы, прислушиваясь к ответственности, к впечатлению, к изначальному трепету, охватившему нас во встрече, проверяем ее важность, ничего не форсируя, отводя достаточное время на то, чтобы достичь уверенности.

В. Несравненное присутствие

Именно так развивается отношение привязанности. Как долго ребенку нужно жить с мамой, чтобы убедиться, что она любит его и ей можно доверять? Обычно мы не учитываем этот процесс, поскольку он протекает неощутимо. То же самое происходит и в совместной жизни со Христом, с человеческой реальностью Его сегодняшнего присутствия. Каждый день мы наблюдаем множество жестов, знаков: не только подобных тем, на которые способна мать, но и обладающих внутренней инаковостью в срав-

¹⁷ Ср. Там же. С. 59.

нении с любыми жестами и знаками, естественными для матерей.

Обратимся к Евангелию от Марка: «Через несколько дней опять пришел Он в Капернаум; и слышно стало, что Он в доме. Тотчас собрались многие, так что уже и у дверей не было места; и Он говорил им слово. И пришли к Нему с расслабленным, которого несли четверо; и, не имея возможности приблизиться к Нему за многолюдством, раскрыли кровлю дома, где Он находился, и, прокопав ее, спустили постель, на которой лежал расслабленный. Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: чадо! прощаются тебе грехи твои. Тут сидели некоторые из книжников и помышляли в сердцах своих: что Он так богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога? Иисус, тотчас узнав духом Своим, что они так помышляют в себе, сказал им: для чего так помышляете в сердцах ваших? Что легче? сказать ли расслабленному: „прощаются тебе грехи“? или сказать: „встань, возьми свою постель и ходи“? Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – говорит расслабленному: тебе говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой. Он тотчас встал и, взяв постель, вышел перед всеми, так что все изумлялись и прославляли Бога, говоря: никогда ничего такого мы не видали»¹⁸.

Исцеление расслабленного отнимает у присутствующих дар речи: «Все изумлялись». Изумление это усиливается «притязанием» прощать грехи: «Чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – говорит расслабленному: тебе

¹⁸ Мк. 2:1–12.

говорю: встань, возьми постель твою и иди в дом твой». Иисус подводит к признанию одного факта посредством другого. И в тех, кто лицезреет чудо, образуется брешь: «Все изумлялись и прославляли Бога». Увиденное было знаком, отсылавшим к Богу, Который действовал через находившееся перед ними исключительное присутствие, заставлявшее их восклицать: «Никогда ничего такого мы не видали!» Представим себя на месте Петра, Андрея, Иоанна и других учеников, проводивших с Иисусом каждый день, видевших, как Он исцелил расслабленного, дал зрение слепорожденному, усмирил бурю, когда они были в лодке на озере. И не только. Он смотрел на них и на других людей, на всю реальность взглядом, отличным от любого другого: несравненно более человеческим взглядом. Они наблюдали знаки столь же конкретные и непоколебимые, как знаки со стороны матери. В то же время их ни с чем нельзя было сравнить: это были знаки исключительности, присутствия, соответствовавшего их сердцу, как ничто иное. Они тоже, подобно другим, чаще, чем другие, говорили: «Никогда ничего такого мы не видали».

Есть в пути учеников момент, когда уверенность, которой они достигли относительно Его личности, сознание о Его уникальности становятся явными. Вспомним, каким образом Джуссани помогал нам пережить тот момент.

В тот день за Иисусом следовала большая толпа людей, которые «желая услышать, как Он говорил, не помнили уже ни о голоде, ни об усталости». Они шли за ним на протяжении почти трех дней. «Взойдя на вершину холма, Иисус увидел это море людей, покрывающее склоны и „сжалился над ними“. <...>

Он сказал апостолам: „Усадите всех“. Они сели и Он всех накормил. Люди, следовавшие за Ним, чтобы услышать, как Он говорил, были настолько зачарованы этим Его последним поступком... что их воодушевление достигло высшей точки, и они принялись восхвалять Христа, как ожидаемого царя... который должен был прийти». На другой день была суббота, и для Него привычно было ходить в синагогу. «В тот день в чтении из Библии рассказывалось о евреях в пустыне, которых Бог насытил манной. И Иисус сказал: „Ваши отцы насытились манной, но потом умерли. Я несу вам манну, Я несу вам хлеб, и кто будет есть его, больше не умрет“. <...> „...Я дам вам плоть Мою в пищу и кровь Мою в питье. И кто будет есть этот хлеб и пить это питье, будет жить вечно“». Услышав Его слова, книжники и фарисеи разразились гневом: «„Вы слышали? Он сумасшедший, сумасшедший! Кто может дать плоть свою в пищу, кровь свою в питье? Он сумасшедший, сумасшедший!“ <...> И постепенно люди последовали за фарисеями и книжниками, вышли из синагоги». Осталась только маленькая группа: двенадцать. Они пребывали в молчании. Иисус обратил к ним взгляд: «Хотите уйти и вы? <...> Тогда Симон, порывистый, как всегда, вызывается говорить от лица всех: „Учитель, и мы не понимаем того, что Ты говоришь, но, если мы уйдем от Тебя, куда нам идти? Только у Тебя есть слова (именно таким должен быть правильный перевод), которые соответствуют сердцу, которые дают смысл жизни“. Но что значит „слова, которые соответствуют сердцу“? Разумные слова! Разум состоит в том, чтобы открывать соответствие... „Я этого не понимаю, но, если я уйду от Него, никто

не будет говорить со мной соответствующим моему сердцу образом»¹⁹.

Петр выразил их незамедлительную реакцию: «„Мы должны следовать за Тобой, потому что Ты единственный человек, единственный исключительный случай, когда кто-то говорит соответствующим сердцу образом. И если сейчас Ты говоришь иначе, значит, мы этого пока не понимаем. Ты объяснишь, и мы поймем завтра, но мы не можем оставить Тебя из-за того, что не понимаем этих слов“. <...> ... тот, кто ушел, противоречил самому себе, ушел, противореча самому себе». Какая позиция разумнее? «Правильно поступили Петр и другие Его друзья, они, несмотря ни на что, последовали за Ним: „Пусть мы и не понимаем, но никто не говорил таким соответствующим человеческому сердцу образом, как ты, поэтому, если уйдем от Тебя, к кому нам идти? Жизнь больше не имеет смысла“. В этом, подчеркивает Джуссани, «источник привязанности. Остальные ушли, отвергнув Его, несмотря на все, что они видели и слышали, а эта маленькая группа осталась, прирастая к Нему, следуя за Ним: отсюда берет начало понятие послушания, которое рождается... как разумная позиция. <...> Следовать за Ним было правильно, потому что в противном случае они должны были бы отрицать все предшествовавшие месяцы, проведенные с Ним, когда им стало очевидно, что тот Человек отличается от всех остальных»²⁰.

Мы отчетливо видим путь, проделанный учениками, на котором они все больше привязывались к Нему.

¹⁹Ср. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 116–121.

²⁰Ср. *Там же*. С. 122–123.

С каждым днем Он «охватывал» их все сильнее. Иисус стал в их жизни средоточием любви. «Жизнью каждого человека, похоже, является то, что приносит ему наибольшее удовольствие и к чему он наиболее склонен»²¹. К такому же решающему пути призваны и мы. В эти годы я неоднократно вспоминал фразу, которую сказал мне в определенных обстоятельствах Джуссани: «Слушай, Хулиан, в конечном счете разница в том, кто проделывал постоянную работу и кто не проделывал».

Г. Вера – признание Присутствия

По мере того, как умножались знаки Его исключительности, ученики чувствовали, как все острее становился парадоксальный вопрос (поскольку они знали о Нем все, что только можно знать), вопрос, на который они не могли ответить, но ответить было необходимо: «Кто Сей?»²² Он рождался от непрерывного изумления перед исключительностью Его присутствия. В опыте совместной жизни с Иисусом все больше проявлялся фактор, присущий этому Человеку, который им не удавалось объяснить, несмотря на все их усилия, но который в то же время они не могли устранить.

В один прекрасный момент, когда они вместе шли по окрестностям Кесарии Филипповой, Иисус спросил их: «За кого люди почитают Меня?» Они отвечали: «Одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию,

²¹ Ф. Аквинский. *Сумма теологии*. II, IIe, q. 179, a. 1. Пер. С. И. Еремеева.

²² Ср. Мф. 8:27.

а иные за Иеремию, или за одного из пророков». Тут же Иисус обратился с тем же вопросом и к ним: «А вы за кого почитаете Меня?» Петр решительно взял слово: «Ты Христос, Сын Бога Живого»²³. Джуссани замечает: когда Петр произносит эту фразу, он «повторяет то, что, вероятно, слышал от Самого Иисуса, пусть даже не совсем понимая смысл»²⁴. Спросим себя, почему он так поступает, почему повторяет слова, которые Тот Человек сказал о Себе? Он повторяет их, делает их своими, поскольку после трех лет, прожитых с Иисусом, ему уже было ясно, что, если он не мог доверять Тому человеку, он не мог доверять и самому себе. В силу обретенной уверенности во Христе он принимает за истину то, что Тот говорит о Себе. Вот что такое вера: «Вера есть признание истинным того, что историческое Присутствие говорит о Себе»²⁵. Верить – значит прилепиться к Его присутствию, утверждая как истину то, что Он говорит. «Вера есть акт разума, подвинутого исключительностью Присутствия, которая заставляет человека сказать: „Он говорит правду, не лжет, я принимаю Его слова“»²⁶.

Две тысячи лет спустя мы находимся в точно такой же ситуации. Подобно Петру и другим людям, имевшим дело с человеком Иисусом из Назарета (Он был не видением, а человеком), и мы сегодня имеем дело с человеческой реальностью, в рамках которой Христос являет Свое присутствие, с компанией, кото-

²³ Мф. 16:15–16.

²⁴ Ср. Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. С. 93.

²⁵ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 31.

²⁶ Там же. С. 32.

рая есть Его историческое Тело, – с Церковью, и она достигла нас определенным образом. Благодаря опыту, переживаемому в этой компании, благодаря изменению, происходящему на наших глазах в людях, которые в простоте принадлежат к ней, благодаря радости и безвозмездности, расцветающих на наших глазах, несмотря на недостатки, на слабость и бедность каждого из нас, мы тоже можем сказать: есть «в нашем опыте что-то, что приходит туда извне: что-то непредвиденное, таинственное, но находящееся внутри нашего опыта»; «есть некий фактор, фактор, обуславливающий эту компанию, обуславливающий определенные проявления этой компании, определенные отзвуки в этой компании, компании настолько удивительной, что, если я не утверждаю что-то иное, я не могу дать разумных оснований этому опыту; ведь разум есть утверждение испытываемой реальности во всех составляющих ее факторах, во всех. Среди факторов, составляющих эту компанию, может быть фактор, эхо которого мы слышим, плод которого мы ощущаем, следствие которого мы видим, но который увидеть непосредственно мы не можем; если я говорю: „В таком случае его нет“, – я ошибаюсь, потому что исключаю что-то из опыта, и это уже не разумно»²⁷.

С помощью какого инструмента мы можем распознать описанный фактор? С помощью разумения реальности, которое мы называем верой. «Вера – это форма познания, выходящая за границы разума», «улавливающая что-то такое, чего разум уловить не может». Вера, говорит отец Джуссани «есть

²⁷ Ср. Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 237–238.

акт познания, улавливающий Присутствие чего-то, чего не мог бы уловить разум, но что тем не менее необходимо утверждать, а иначе мы упустили бы из виду, устранили бы что-то, что есть в опыте, на что опыт *указывает*. Христос присутствует здесь и сейчас среди нас: «разум не может ощутить этого, как ощущает, что здесь находишься ты. Однако я не могу не допустить, что Он здесь»²⁸.

Проблема веры сегодня, как и две тысячи лет назад, выражается одним и тем же вопросом: «Кто Сей?» Он «рождается в сердце, даже если его не произносят его вслух, при виде определенного человека, или определенных людей, или определенной общины, или определенного образа жизни: „Почему они такие?“»²⁹ Это внутренний, не высказанный вопрос бармена перед студентами, посещающими его бар. Но это и вопрос каждого из нас перед лицом человеческой реальности, с которой мы столкнулись. Каждый ищет свои ответы. Но если они не объясняют новизну, которую мы видим, к которой мы причастны, то разумно, сообразно всему сделанному нами пути, довериться ответу, для нас непредставимому, предлагаемому живой традицией Церкви, компаний: «Мы такие, потому что среди нас присутствует Христос». Церковь преподносит себя как продолжение Христа во времени и пространстве, как место и знак Его присутствия³⁰, и, подобно Петру, в силу засвидетельствованной исключительности, в силу непредставимого, но пережитого соответствия,

²⁸Ср. Там же. С. 238.

²⁹L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* P. 130–131.

³⁰См. Л. Джуссани. *Зачем Церковь?* С. 226.

в силу достигнутой уверенности, в силу могущества Его благодати мы тоже можем признать Христа, присутствующего в этой человеческой реальности, можем произнести как свои слова, впервые произнесенные Петром.

Д. Что отбрасывает тень на истину?

Почему, даже когда человек, как многие из нас, прошел по описанному пути, неуверенность все равно остается?

Часто мы связываем нашу неуверенность с отсутствием знаков, или с недостаточной их ясностью, или с нашей непоследовательностью перед очевидным. Но, подчеркивает Джуссани, «тень на истину отбрасывает не отсутствие ясности и разумности, а отсутствие любви к ней – всегда, без исключений, потому что истина заключает в себе, несет в себе собственную ясность, несет ее в самом своем облике». «Истину открываешь точно так же, как человек, с удивлением замечающий, как мимо проходит красивая женщина, и говорящий: „Какая красавица!“ Это признание того же порядка и той же непосредственности; тут нет места диалектическим уловкам, это так! Истина несет в себе, в своем облике ясность, ясность о самой себе». Поэтому закрадывающаяся в нас неуверенность «не имеет причин», ее «прямой объект» не содержание вести, она всегда косвенна и состоит в «замешательстве, неохоте, усталости, усилии, которые мы должны предпринять перед твердой истиной, пересекшей наш горизонт»: неуверенность просачивается как «ложь», а «ложь есть

этический подход», это позиция, которую мы занимаем, а не «акт ума»³¹.

Уверенное познание невозможно без симпатии по отношению к реальности, без изумления и без эмоционального вовлечения, без «деятельной искренности по отношению к... рассматриваемому объекту»³², без *affectus*, взволнованности. «Познание подразумевает привязанность [*affezione*], подразумевает ответную реакцию, называемую привязанностью, *affectus*. Наша душа *touchée*, тронута: подлинное познание есть совокупность этих факторов»³³.

Ценное подтверждение сказанного мы можем найти в «моментах в людях», когда они настолько охвачены событием, что не в состоянии препятствовать привязанности к истине, осуществляющейся перед ними.

«Дорогой Хулиан, в понедельник, во время встречи со студентами, когда ты спросил у выступавшего: „А если бы Иисус пришел сейчас и задал тебе вопрос: Любишь ли ты Меня? – что бы ты ответил?“ – я ощутила, как я, прежде, чем словами, всем моим существом кричу, растроганная до слез: „Да, я отвечу да!“ Я обнаружила в себе отклик, который затмевал все остальное и наполнял меня одним только желанием: чтобы я могла уступить этому „да“. Я не всегда так реагировала. Со мной так случалось все время год на-

³¹ L. Giussani. *Uomini senza patria (1982–1983)*. P. 255–256.

³² Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 36–37.

³³ L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* P. 61. Евдокимов утверждает: «Для современного человека препятствием является разделение ума и сердца, знания и оценочных суждений» (П. Евдокимов. *Этапы духовной жизни*. М.: Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2003. С. 180).

зад, в тот месяц, когда я решала, не начать ли проверку призвания к целомудрию. Я многого не понимала, у меня была куча вопросов, я неоднократно ставила под сомнение то, что ранее признала, но постоянно, когда происходили важные события, во мне расцветало желание ответить да. Оно вырывается из меня еще до того, как я нахожу объяснения; еще до того, как мне удастся упорядочить факты, воспоминания, мысли, мое «я» уже дает ответ: «Да». На основании этого я с большим интересом пересматриваю все события моей жизни, спровоцировавшие такую реакцию, такую привязанность, и для меня проясняются моя история и мой путь, умножаются изумление и благодарность. Но уже само существование во мне такого отклика говорит об истинности происходящего со мной и притягивает меня».

Тот, кто достиг уверенной веры, может подступить к вопросу о надежде. Откуда рождается надежда?

2. Уверенность веры есть семя уверенности надежды

Пеги пишет: «Чтобы надеяться, дитя мое, надо быть очень счастливой, надо получить, принять великую благодать»³⁴. В приведенных свидетельствах проглядывало именно это: событие благодати, приводящее в трепет и пробуждающее надежду.

В чем состоит наибольшая дарованная нам благодать? Во встрече со Христом, Который «принес все

³⁴Ш. Пеги. *Избранное: Проза. Мистерии. Поэзия*. М.: Русский путь, 2006. С. 274.

новое тем, что Он, возвещенный, принес Себя Само-го», принес новое в каждое обстоятельство, в каждое отношение, в каждую ситуацию. Мы встретились с определенным присутствием, и оно привело нас в трепет, на нас посмотрели с неведомой нам нежностью, заключили в объятия и простили немислимым образом.

Человеку, увидевшему то новое, что Христос приносит в жизнь, уверенно признавшему Его присутствие, непременно покажется знакомым опыт святого Павла: «Что же сказать на это? Если Бог за нас, кто против нас? Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего? Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их. Кто осуждает? Христос Иисус умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас. Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: *за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание*. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас»³⁵.

Тот, кто пережил опыт Его компании, кто признал, что Он отдал за нас жизнь, на все смотрит сквозь призму этого Присутствия: «Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем»³⁶.

³⁵ Рим. 8:31–37.

³⁶ Рим. 8:38–39.

Так откуда же рождается надежда? Надежда рождается от признания Христа, присутствующего в человеческой инаковости. Она подобна цветку веры. Все просто. Подумаем об уверенности ребенка в отношении мамы, которую он признал как присутствие, несущее ему благо. Ребенок не может думать о будущем, о следующем дне, не опираясь на уверенность в присутствии матери, на уверенность в том, что мама всегда будет рядом, что бы ни случилось. Это верно для ребенка, как верно и для каждого из нас.

«Часто моя надежда сводится к тому, чтобы не приключилось ничего плохого. Я говорю: „Надеюсь“, – выражая тем самым обобщенное и немного суеверное упование человека, который „надеется“, что все будет хорошо. Но это слабая позиция, ведь на самом деле мы никогда ни от чего не застрахованы. Однажды я говорила с моей семилетней дочерью о желании увидеться с моими родителями, живущими далеко от нас, и произнесла: „Надеюсь!“ Она уловила весь мой скептицизм относительно того, что встреча действительно возможна, и ответила: „Мама, если ты надеешься, как говоришь, значит, ты в это не веришь“. Дочь была права: надежда связана с уверенностью. С какой? Что за уверенность мне нужна, чтобы надеяться? Уверенность в том, что, что бы ни случилось со мной и моими близкими, мрак не победит, страдание и отчаяние не победят. Именно в такой уверенности я нуждаюсь сейчас. Мои дети – живой тому пример. Для них жизнь – это всегда настоящее, уверенно глядящее в будущее. Они не боятся почти ничего, кроме разве что темноты. Но они спокойны, ведь есть мы. А как же я?»

Мы тоже можем думать в положительном ключе о будущем в любых его проявлениях, только если признаем, что Христос, Присутствие, которое вошло в нашу жизнь благодаря встрече, никогда нас не оставляет, в чем мы могли убедиться во время пандемии.

Надежда распускается почти незаметно для нас как цветок веры, она рождается от уверенности во Христе присутствующем и бросает вызов любому возникающему у нас сомнению. «Великая благодать, из которой рождается надежда, – это уверенность веры; уверенность веры – это семя уверенности надежды». Следовательно, надежде, чтобы прорасти, нужно время, как семени. «Маленькое семечко, посаженное в землю сегодня, начнет появляться на поверхности только в сентябре будущего года, и только через четыре или пять лет оно начнет приобретать форму растения с нежными и странными чертами»³⁷.

«Чтобы надеяться... надо получить великую благодать», благодать уверенности в настоящем. Мы можем с большей ясностью оценить, насколько это важно, в сегодняшней ситуации. «Ни у кого нет уверенности в настоящем, все уверены в настоящем, когда не задумываются об этом; если же они задумываются, то теряют всякую уверенность». Во многих вселяют спокойствие деньги, карьера, крепкое здоровье, но, если всерьез спросить их, они заметят, как же редко встречается «настоящая уверенность, касающаяся конечного смысла жизни». И все же лишь «уверенность в настоящем, в смысле настоящего со временем порождает уверенность в будущем»³⁸.

³⁷ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 161.

³⁸ Ср. Там же.

«С самого начала пандемии я испытывала страх из-за проблем со здоровьем, в силу которых я попадаю в так называемую „группу риска“. Летом начало казаться, будто ситуация чуть больше под контролем. Кроме того, заговорили о вакцине, и я в глубине души сказала: „Я в порядке! Я больше не должна бояться“. Я возложила надежду на вакцину. Однако в скором времени все вновь перевернулось. Я узнала, что беременна, и не вакцинировалась (врач, к которому я обратилась, следуя указаниям итальянской системы здравоохранения, посчитал, что это рискованно). К счастью, мой муж нашел новую работу, но в результате он больше не может постоянно быть дома, как в прошлом году. Кроме того, наш город во время новой волны коронавируса достиг рекорда по числу заражений. „Где же твоя надежда?“ – спросила я себя. В течение дня я часто задаюсь этим вопросом, который возвращает меня к работе проверки во всем, что меня окружает и что происходит. Он для меня как новое начало. Например, мы с мужем по характеру оба боязливые и, когда впадаем в тревогу, порой достаточно повторить: «Есть ли надежда?» – чтобы вновь перевести взгляд на что-то другое, а точнее, на Другого, Который вошел в нашу жизнь и охватил нас. И мы обращаемся к Нему, к Тому, в Ком наша надежда! Для нас это стало ежедневной работой проверки. Вопрос надежды прояснился для меня в одном эпизоде. Недавно моему первенцу, инвалиду с рождения, исполнилось восемь лет. В тот вечер, перед тем как приступить к праздничному торту, мы предложили детям помолиться необычным образом: каждый должен был назвать какую-нибудь причину для благодарности. Мой восьмилетний сын, именинник,

сказал: „Я благодарю Бога за мое существование, потому что я хотел родиться, я хотел быть!“ Услышав эти слова, мы с мужем молниеносно переглянулись: мысли вернулись к моей беременности, к моменту, когда стало известно, что у нашего ребенка редкий порок развития. Я вспомнила, как медики настаивали на прерывании беременности, да и знакомые говорили нам, что давать жизнь такому ребенку – значит обрекать его на несчастье. Спустя восемь лет этот самый ребенок произнес те слова, сильные, пронзительные для моего материнского сердца. Они настолько потрясли и тронули меня, что и я поблагодарила Бога за наше с мужем „да“, которое мы по благодати назвали его жизни. А еще я поняла, что надежда есть! Надежда есть всегда, даже в самых сложных ситуациях, ведь жизнь, реальность положительны, они во благо! Поэтому ни коронавирус, ни драматичные ситуации, полные трудностей и ограничений, не в состоянии отнять у меня надежду, с которой я говорю, что в конечном итоге реальность положительна, поскольку ее творит Другой. Другой, скрывающийся за видимостью вещей и никогда меня не покидающий, вышедший мне навстречу и каждый день нежно притягивающий меня через безвозмездную любовь моего мужа, моих детей, через происходящие факты и через нашу компанию, помогающую мне и говорящую: „Присмотрись, за тучами – солнце“».

Вот глубокая причина, по которой в начале пандемии мы предложили друг другу следующую рабочую гипотезу: «Всегда насыщенно жить реальностью». Человек, принявший ее, поймет, что проделал проверку, когда обнаружит в себе надежду в обстоятельствах, в которых находится, как говорилось

в письме. Как раз в силу того, что каждый из нас должен переживать, мы можем задать себе вопрос: эти месяцы были для нас тюрьмой или же мы в период карантина на опыте ощутили свободу «за решеткой», как кардинал Ван Тхуан?³⁹

«Надежда – уверенность в будущем, которая опирается на уверенность в настоящем»⁴⁰. Это иное восприятие надежды, в нем не перевешивают представления о будущем, оно опирается на уверенность в присутствии: отношение с будущим тут целиком и полностью определяется опытом Того, Кто присутствует в настоящем. Смотреть на будущее в положительном ключе можно только в силу настоящего, чью непоколебимую положительность мы уже испытываем. Если обещание не начинает осуществляться здесь и сейчас, ему нельзя верить. Уверенность в судьбе основывается на уверенности в настоящем. Следовательно, вопрос в том, как достичь уверенности в этом «настоящем». Все содержание надежды заключено в вере.

Тот, кто достиг такой уверенности, иначе относит-ся даже к самым большим потрясениям.

«В рождественский период нашей совсем юной дочери диагностировали опухоль. Каждое утро я просыпаюсь с тяжким грузом на сердце, но, осознав саму себя, я тут же себя вверяю Богу. Каждое утро я вновь встаю на колени. Мое новое начало – в отношении с Тайной. Не знаю, как я могла бы жить иначе. Куда мне уйти от Тебя? Я вновь начинаю с того, что я дочь, а значит, добрый Отец любит меня. В одно мгновение

³⁹ Cf. T. Gutiérrez de Cabiedes. *Van Thuan. Libero tra le sbarre*. Roma: Città Nuova, 2018.

⁴⁰ Л. Джуссани. *Можно ли жить так?* С. 162.

я замечаю: я нуждаюсь во всем и все является даром. И я ощущаю благодарность. Все усиливается: моя потребность в благе для меня и для всех. Я смотрю на людей, которых встречаю в больнице, и мне хочется, чтобы все узнали Того, Кто отвечает на их желание. Для меня это единственный путь. Ничто не дает мне отвлечься от раны, отчасти недоступной пониманию, но после двух месяцев кажется, что разумнее отдаться объятию, в котором меня сжимает Тайна. Иисус ставит передо мной мою дочь. После операции, читая сообщения, она сказала мне: „Многие говорят: вот увидишь, все пройдет, тебе станет лучше, ты поправишься, потом, потом... Но я хочу жить сейчас!“ Для меня жить в настоящем – значит жить полностью моего желания, которое не теряется в рассуждениях, а превращается в настойчивый вопрос. Я постоянно пребываю в позиции ожидания: ожидания анализов крови, предстоящей терапии, результатов компьютерной томографии или ПЭТ и т. д. Однако я никогда не пребываю в подвешенном состоянии, я живу, прилепляясь к происходящему, умоляя и ожидая Иисуса. Чем внимательней я к Его знакам, тем пригоднее для жизни настоящее, и моя привязанность к Нему растет. Многие навещают нас, иногда совсем быстро, чтобы посмотреть, как возможно переживать такие обстоятельства и не идти на дно. Все ищут Его, хотят увидеть, где Он побеждает. Меня это очень впечатляет, поскольку я понимаю: я ничто, все творит Он, и поэтому я смотрю на людей, смотрящих на Него. Таким образом подпитывается компания, которую мы составляем друг другу. Не знаю, как лучше объяснить. Когда я иду на работу, это не отвлекает меня от того, чем я живу. Реальность сложна и многогранна,

но я чувствую себя цельной, ведь я все время ищу Его: и дома, и в больнице, и в офисе, и в магазине. Глядя, как я действую, я понимаю, что становлюсь в большей мере самой собой. Меня интересует все. Какая же это благодать – наша дорога, позволяющая осознать собственную особую историю! Имеет смысл проделать этот отрезок пути, ничего не теряя, он имеет отношение ко мне, к моей судьбе, и все имеет значение, обретает вечную ценность, даже если я не все понимаю, но важно не это [это и есть «насыщенное переживание реальности»!]. Я догадываюсь (и мне немного страшно произносить это), что есть нечто большее, чем здоровье моей дочери, хотя я, естественно, не перестаю просить о ее исцелении Того, Кто все может. Разве Бог, смотрящий так на меня, не любит точно так же и мою дочь, которая принадлежит Ему? Его присутствие – моя надежда.

Такая уверенность достигается не за счет религиозного сентиментализма, широко распространенного и среди нас, а, как я уже говорил, по мере пути, который непрестанно опирается на Его живое присутствие и который мы соглашаемся совершать. И в нас возрастает бесконечная благодарность отцу Джуссани за то, то он нам о нем неустанно свидетельствовал.

«Даже если отец твой и мать твоя забудут тебя, Я не забуду тебя никогда»⁴¹. Вот единственное основание для надежды. Когда происходит что-то соразмерное драме жизни, меняется и наш взгляд на будущее. Следовательно, мы возлагаем нашу надежду не на какое угодно присутствие. мы видим это в свете фактов, бросающих вызов нашей жизни.

⁴¹ Ср. Ис. 49:15.

В чем же заключается исполнение нашего желания, ожидания, которое нас составляет? Часто мы отождествляем исполнение нашего ожидания (не имеющего границ) с определенной идеей, которая, осуществившись, разочаровывает, о чем писал Павезе в день вручения ему премии «Стрега»: «В Риме апофеоз. И что с того?»⁴² То, как исполняется наше ожидание, не имеет ничего общего с нашими представлениями. Исполнение, а значит, и надежда, – это Сам Христос. Нет ничего менее самоочевидного, как говорится в следующем письме.

«Я вижу вокруг себя множество людей, павших духом, боящихся пандемии и одиночества, которое они носят в себе. Но я также вижу людей, которые, без всякого сомнения, каждый в своих обстоятельствах, радостны и живут насыщено, что делает их сейчас, как никогда, притягательными. Несмотря на это, уверенность в будущем кажется мне недостижимой. Умиротворение не наступает, пока еще не наступает, по крайней мере в том виде, в каком я его себе часто рисую: как мгновенно готовый ответ на все и как „спокойствие“. Все всегда оборачивается борьбой, полной сомнений, драм. Вероятно, об этом говорит Августин: „Не знает покоя сердце мое, пока не упокоится в Тебе“. Но я не уверен, что в состоянии полюбить это беспокойство. Возможно, моя идея „уверенности в будущем“ еще незрела, и беспокойство, лишенное „твердой точки“, как я ее себе представляю, из мощного инструмента поиска превращается в угрозу, раздражает меня. В результате я пытаюсь заглушить его кратковременными решениями (разберусь с работой,

⁴² См. здесь. С. 83.

и все наладится; буду поддерживать мир в семье, потому что это правильно; куплю новый большой дом, чтобы в следующую пандемию мы были в лучших условиях, да и для встреч с друзьями нужно место...), ожидая от них ответ на требование моего сердца. Но спустя недолгое время все они возвращают меня в прежнее состояние, если не делают циничнее. Или же я стремлюсь совершать благочестивые действия, но этот мой волюнтаризм не дает мне уверенности в будущем: если конечный результат, исход зависит от моих способностей, он уязвим. От меня всегда требуется последний прыжок в пустоту. И уверенность не приходит. Какого шага мне недостает? Что позволяет реальности настоящего стать уверенностью в будущем и покорить сердце?»

Это хорошо понял десятый прокаженный, который, почувствовав, что проказа оставила его, не удовольствовался исцелением, а ощутил острую потребность вернуться к Иисусу⁴³. Он понял, что его ожидание не закончилось с выздоровлением и что ответить на него мог только тот Человек. Он был самарянином, и, возможно, это позволило ему не воспринять случившееся как должное. Никто ему ничего не был должен, и поэтому он еще боль-

⁴³ «Идя в Иерусалим, Он проходил между Самариею и Галилею. И когда входил Он в одно селение, встретили Его десять человек прокаженных, которые остановились вдали и громким голосом говорили: Иисус Наставник! помилуй нас. Увидев их, Он сказал им: пойдите, покажитесь священникам. И когда они шли, очистились. Один же из них, видя, что исцелен, возвратился, громким голосом прославляя Бога, и пал ниц к ногам Его, благодаря Его; и это был Самарянин. Тогда Иисус сказал: не десять ли очистились? где же девять? как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменика? И сказал ему: встань, иди; вера твоя спасла тебя» (Лк. 17:11–19).

ше оценил и исцеление и – прежде всего – неповторимое соответствие, пережитое благодаря тому Присутствию, так что ему захотелось не потерять его. Радость, свершение, полнота заключались в отношении с Ним. «Да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа»⁴⁴ – вот что такое жизнь вечная, жизнь в полном смысле слова, единственная соответствующая ожиданию.

Ответ на наше ожидание – Сам Христос, «Его сладчайшее присутствие», как мы часто поем: *Jesu dulcis memoria*⁴⁵. Святой Августин выражает это в напутствии: «Господь Бог да будет твоей надеждой; не надейся получить что-либо от Господа Бога твоего, но Сам Господь твой да будет твоею надеждой»⁴⁶. Уго ди сан Витторе говорит по-другому: Он «приходит не исполнить желание, а вызвать любовь»⁴⁷, пробудить во всем, что мы испытываем, вопрос: «Не Меня ли тебе не хватает?»

Содержание проверки, которую мы могли совершить в последний долгий период с его драмами испытаниями, прошлыми и настоящими, не в том, что мы выучили определенные слова и умеем их повторять. Проверка в том, возросла ли в нас привязанность ко Христу, притянул ли Христос, как Петра, всю нашу личность, так что и мы можем сказать: «Все мое человеческое предпочтение отдано Тебе, Христе!» Только это имеет значение.

⁴⁴ *Ин.* 17:3.

⁴⁵ *Jesu dulcis memoria*. Грегорианский гимн, XII в. См. *Песенник*. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2006. С. 20.

⁴⁶ Sant'Agostino. *Enarrationes in Psalmos*. 39,7.

⁴⁷ Cf. Ugo di san Vittore. *De arra anime. L'inizio del dono*. Milano: Glossa, 2000. P. 1.

Если наша полнота – в Его присутствии, просьба о нем есть форма христианской надежды: *Veni, Sancte Spiritus*. «Гряди, Господи Иисусе!»⁴⁸ – Библия оканчивается таким призывом, поскольку лишь Его присутствие непрестанно удовлетворяет и превозносит желание нашего сердца. Мы понимаем, укрепились ли в нас любовь ко Христу, когда во всем, чем мы живем, нам не хватает именно Его, и не потому, что мы с Ним не встретились, а наоборот: как раз в силу встречи с Ним у нас возникло непреодолимое желание вновь видеть Его каждый день, каждый день искать Его, ибо без Него мы уже не можем жить!

Поэтому будем просить, чтобы в нашей жизни осуществились слова святого Павла: «Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы... [да даст] вам Духа премудрости и откровения к познанию Его, и просветит очи сердца вашего, дабы вы познали, в чем состоит надежда призвания Его»⁴⁹.

⁴⁸ *Откр.* 22:20.

⁴⁹ Ср. *Еф.* 1:17–18.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НА ЧТО ОПИРАЕТСЯ НАДЕЖДА

«Церковь... никогда не считает веру чем-то само собой разумеющимся»¹. То же можно сказать и о надежде (поэтому два греха против надежды – это самонадеянность и отчаяние²).

Мы не обретаем веру и надежду раз и навсегда, происходящие события, обстоятельства постоянно бросают им вызов. Об этом свидетельствует опыт многих из нас.

1. Изнурительный путь

Один друг пишет мне: «Сегодня я ношу в сердце такой вопрос. Часто я на опыте видел, что надежда есть, однако в испытаниях, через которые жизнь

¹ Франциск. Энциклика *Lumen fidei*, 6.

² «Первая заповедь имеет в виду также грехи против надежды – отчаяние и самонадеянность. В отчаянии человек перестает надеяться, что получит от Бога свое личное спасение, помощь в его достижении или прощение своих грехов. Отчаяние противоречит благодати Бога, Его справедливости – ибо Господь верен Своим обещаниям – и Его милосердию. Самонадеянность бывает двух видов. Либо человек преувеличивает свои способности (надеясь, что может спастись без помощи свыше), либо он неверно воспринимает всемогущество и милосердие Божие (надеясь, что получит прощение без обращения и славу без заслуг)» (*Катехизис Католической Церкви*, 2091–2092).

вынуждает идти, у меня всегда подкашиваются ноги. Я спрашиваю себя: я знаю, что надежда есть, но действительно ли я в это верю? Во мне слишком мало веры? Как каждое утро вновь начинать путь с уверенностью, что надежда есть? Кажется, что встречи, которая со мной произошла, недостаточно, хотя она и была очень важной и сформировала меня». Слава богу, что тебе ее недостаточно! Тебе, как и всем нам, нужно, чтобы она происходила сейчас. Как раз из-за того, насколько важна была встреча для формирования твоей личности, какой она является сейчас, каждое утро ты можешь смотреть на предстоящий день как на решающий отрезок дороги, которую еще предстоит преодолеть для возрастания твоей веры, для нового открытия Его присутствия – единственного основания нашей надежды. Следовательно, увлекательный путь возобновляется каждый день – и слава богу, добавляю я! Будь я освобожден от такого труда, мне не удалось бы увидеть, как Христос раз за разом побеждает, а именно это мне нужно сегодня, чтобы жить.

Другой человек рассказывает: «С этого года я работаю в государственной школе, где познакомилась с некоторыми коллегами, очень подкованными, и они многому меня учат. С удивлением я заметила в них фоновое отчаяние. С одной стороны, оно мне понятно, поскольку рождается от глубоких вопросов касательно того, что мы переживаем, или болезни близких. С другой, это настоящее отчаяние, незнакомое мне ощущение, будто они крутятся вокруг небытия. Нельзя сказать, что я действую с каким-то особенным весельем, но я вижу, что во мне есть последний заслон, который оказывает сопротивление и

не позволяет волне небытия захлестнуть меня. Речь о чем-то, чем я „являюсь“, а не о моей способности делать определенные вещи. Могу только предположить, что это результат захватившей меня встречи – единственного моего отличия от коллег. У меня в руках надежда, которую я ничем не заслужила, но я понимаю: она не сохраняется автоматически, не дается на всю жизнь, если я вновь не открываю ее. Мне нужно прояснить для себя этот момент, поскольку в сложившейся сегодня ситуации я замечаю в себе и в моих друзьях усталость, помутнение».

Как ни парадоксально, именно тот факт, что надежда не сохраняется автоматически, вынуждает нас вновь открывать для себя ее содержание, чтобы преодолеть помутнение. Речь об экзистенциальной ситуации, зримо описанной папой Франциском в его свидетельстве вечером 27 марта 2020 года на площади Святого Петра: «„Настал вечер“ (См. *Мк.* 4:35). Так начинается Евангелие, которое мы услышали. Вот уже несколько недель кажется, будто настал вечер. Непроницаемый мрак сгустился над нашими площадями, улицами, городами; он овладел нашей жизнью, наполнив все оглушительной тишиной и горестной пустотой, парализующими все на своем пути: это чувствуется в воздухе, проявляется в поступках, читается во взглядах. Мы оказались испуганы и растеряны. Как учеников в Евангелии, нас застигла врасплох буря, неожиданная и свирепая. Мы осознали, что плывем в одной лодке, все до одного слабые и сбитые с толку, но в то же время важные и необходимые, все до одного призванные грести сообща, все до одного нуждающиеся во взаимном утешении. Мы все... в этой лодке. Подобно

ученикам, которые с тревогой единодушно говорят: „Мы погибаем“ (ст. 38)»³.

Нам тоже, как и ученикам, события, обступающие нас со всех сторон, бросают вызов. Человеческая жизнь – это путь, борьба, она «подобна путешествию по морю истории, зачастую темному и штормящему»⁴. Мы говорим о борьбе не только из-за вызова обстоятельств, но в силу самой природы человеческого опыта, в силу заключенной в ней драмы, прекрасно описанной в рассказе Мартина Бубера, который Йозеф Ратцингер цитирует в книге «Введение в христианство».

«Некий просветитель весьма ученый муж, посетил известного цадика из Бердичева чтобы, по своему обыкновению, поспорить с ним и заставить устыдиться своих отсталых доводов в пользу веры. Когда он вошел в комнату цадика, он увидел его расхаживающим по комнате с книгой в руках и погруженным в размышления. Не заметив сначала вошедшего, он, наконец, остановился, мельком взглянул на него и сказал: „А может, это и верно“. ...вдруг... [он] повернулся к нему и сказал спокойно: „Сын мой! Великие пророки Торы, с которыми ты спорил, напрасно расточали свои слова, ибо ты ушел с насмешливой улыбкой. А все потому, что они не смогли тебе представить вещественных доказательств существования Бога и Его Царства. Я тоже не могу. Но подумай, сын мой: может, это правда!“ Просветитель собрал все силы, чтобы возразить, но ужасное „может“ снова

³ Франциск. *Размышление в ходе чрезвычайной молитвы во время эпидемии*. Паперть базилики Святого Петра, 27 марта 2020 г.

⁴ Бенедикт XVI. Энциклика *Spe salvi*, 49.

и снова, как эхо, звучало в его ушах и сломило его сопротивление»⁵.

Это рассказ Бубера. Ратцингер комментирует: «От этого „может“ никуда не денешься, оно стоит как вечное противоречие, и в самом отвержении веры неверие вынуждено постичь ее непроверяемость. Иными словами, верующий, как и неверующий, каждый на свой лад, причастны и сомнению и вере, если только они не прячутся от самих себя и от истины своего бытия. Никто не может избежать полностью ни сомнения, ни веры. Для одних вера есть нечто *противоположное* сомнению, для других она выражается *через* сомнение и в *форме* сомнения. Коренное определение человеческого удела состоит в том, что человек не может найти конечный смысл своего земного существования иначе как в непрерывном споре сомнения и веры, возражения и уверенности. И может быть, именно сомнение, предохраняющее и того, и другого от замыкания в собственном мире, могло бы стать местом их общения. Оно мешает каждому из них целиком уйти в себя. Оно влечет верующего навстречу тому, кто усомнился, сомневающегося – в объятия верующего. Для одного оно есть форма участия в судьбе неверующего, для другого – форма, в которой вера продолжает пребывать в нем как вызов»⁶.

Когда речь идет о вере и надежде, ставки немислимо высоки и в конечном счете касаются альтернативы между бытием и ничто. Следовательно, вопрос

⁵ Цит. по: Й. Ратцингер. *Введение в христианство*. Брюссель, 1988. С. 15–16.

⁶ Там же. С. 16.

в том, «закончится ли существование в прахе проходящего времени, чей ход есть не что иное, как возведение гробницы или тюрьмы, где мы задохнемся и умрем напрасно, или же время чревато будущим: каждое мгновение обременено грузом вечности, – говорила Ада Негри». С одной стороны, «абсолютное ничто, ничто в полном смысле слова», с другой, «ответственность за вечность, ответственность перед вечностью». И «я», наше «я», твое и мое «я» есть «перекресток между бытием и ничто», и каждое утро оно вынуждено «выбирать между всем, оканчивающимся в ничто... и жизнью, имеющей цель»⁷.

Вызовы недавнего времени помогли нам это понять, возможно, как никогда раньше. Мы, люди верующие и неверующие, ощутили единение в трудностях. Реагируя на обстоятельства, верующий человек проверяет свою веру на виду у всех, в том числе и неверующих, он смотрит, позволяет ли вера устоять в испытаниях, перед лицом жизненных вопросов. Таким образом и неверующие становятся для верующего спутниками, равно как и верующий, с его свидетельством, участвует в судьбе неверующего.

Слова журналистки Лусии Мендес точно описывают распространенную ситуацию: мы брошены «во мрак настоящего, по горло погружены в неуверенность... в траур по нескончаемым умершим, желая увидеть на пути какой-то знак нормальности»⁸. Вне зависимости от открыто занимаемых позиций, от различных дорог и целей назначения, в сердце и в голосе многих людей вновь звучит, как эхо напрямую

⁷ L. Giussani. *Attraverso la compagnia dei credenti*. Milano: Bur, 2021. P. 19, 31.

⁸ L. Méndez. *Sin tregua y sin pudor // El Mundo*. 9 gennaio 2021.

или косвенно полученного воспитания, обращение, о котором говорит писательница Жоана Боне: «Отче наш, сущий на небесах... Каким утешением сегодня было бы знать, что Ты смотришь на нас со звезд, с Марса или из самой бесконечности, что Тебя трогает наше завывание, наше животное одиночество... Никогда мы так не смотрели ввысь из окна или с балкона... Избавь нас от зла. Это лучшая фраза молитвы „Отче наш“ во все времена, мольба, подобная универсальному клею, которую продолжают возносить и те, кто не верит или верит по-своему»⁹.

Писательница Сильвия Аваллоне рассказывает, что вторая волна пандемии застигла ее врасплох, вторглась неожиданно, не позволив забаррикадироваться в самой себе. Глядя, как дочь играет в парке, она по-своему открылась тому «может», о котором говорил Ратцингер: «Когда кривая заражений и смертей вновь пошла вверх, а активность – на убыль, у меня кровь застыла в жилах. Я почувствовала себя глупой, словно надо мной подшутила моя собственная наивность. <...> Из нас, людей, никто не приспособлен к пустоте. Стоит нам ее испытать, мы тут же ощущаем потребность заполнить ее как можно скорее. <...> Мы уже не дети и не можем ими стать. То, что для них естественно, нам дается с великим трудом: принимать реальность такой, какая она есть, прилепиться к ней, копать в самую глубь, пока не обнаружишь в ней камень, чахлый цветок, любую причину, чтобы сопротивляться и идти дальше: надежду. Однако в настоящий момент идти против

⁹J. Bonet. *Padrenuestro* // *La Vanguardia*. 8 aprile 2020.

нашего инстинкта взрослых людей – единственное поведение, на мой взгляд, имеющее смысл»¹⁰.

Вторя наблюдениям, которые мы привели в начале нашего пути, лауреат Нобелевской премии 2010 года по литературе Марио Варгас Льюса недавно сказал: «Пандемия для всех стала неожиданностью, ведь у нас сложилось впечатление, будто наука и технология подчинили себе природу. Шоком было узнать, что это не так. Мы увидели, как непредвиденное может подвести нас к пропасти. Сейчас мы спрашиваем себя, как, когда все закончится и с какими последствиями. Мир будет сильно отличаться от того, каким он был в начале этой истории. Есть еще и экономический кризис, который сильно по нам ударит. Серьезные потрясения коснулись того, что казалось прогрессом, устремленным к процветанию и свободе. Все это привело нас в замешательство. И возможно, не так уж и плохо смотреть на реальность с менее оптимистичной позиции»¹¹.

Мы могли бы продолжать в том же духе. Но суть ясна: никто не избавлен от реальности, со всем, что она несет в себе. Опыт повседневной жизни и газетные хроники непрерывно нам об этом напоминают.

2. Жилище Всевышнего

То же самое случилось с израильским народом: вера в Бога не избавила его ни от каких превратностей

¹⁰ S. Avallone. *Resistere affidandosi ai tesori di ogni giorno // Corriere della Sera*. 28 dicembre 2020. P. 5.

¹¹ M. Vargas Llosa. *La “ley Celaá” es un disparate absoluto / Entrevista di P. G. Cuartango // ABC*. 17 gennaio 2021.

истории. Верить – не значит получить вакцину, от которой раз и навсегда вырабатывается иммунитет, как, наверное, нам хотелось бы. Это редуцированный образ веры. Нет вакцины, защищающей от жизненных трудностей. Вся история Израиля – тому свидетельство.

Израильский народ берет свое начало в завете, заключенном Богом с Авраамом: «Я Бог Всемогущий; ходи предо Мною и будь непорочен; и поставлю завет Мой между Мною и тобою, и весьма, весьма размножу тебя»¹². Завет этот, однако, подвергался испытаниям в ходе истории, перед лицом непредвиденных событий, в неблагоприятных условиях. Мы могли бы спросить: так что же, нет никакой разницы между тем, чтобы жить с верой и надеждой или без них? Разница есть, и еще какая, но она не в количестве и не в качестве вызовов, а в ином подходе к ним, основанном на новизне, которую принес Бог, вошедший в историю и сделавший потомков Авраама Своим народом. У этого народа в чрезвычайных и враждебных обстоятельствах есть к Кому обратиться за поддержкой и надеждой.

Моисей догадывался, что, хотя он и видел Бога лицом к лицу, хотя он и обрел благоволение в Его очах, это не освобождало его от вызовов, которые вставляли на пути в землю обетованную. Ян Добрачинский в романе «Пустыня» живо напоминает нам об отнюдь не простом и не линейном пути Моисея и израильского народа. Моисей сказал Господу: «[Если не пойдешь Ты Сам [с нами], то и не выводи нас отсюда... <...> И сказал Господь Моисею: и то, о чем ты гово-

¹²Быт. 17:1–2.

рил, Я сделаю, потому что ты приобрел благоволение в очах Моих, и Я знаю тебя по имени»¹³. Но кажется, что и обещания Бога сопровождать их, и чудес, которые они видят с самого начала пути, с поражения войска фараона, недостаточно. Довольно скоро обнаруживается, насколько непрочно их доверие присутствию Бога: в отсутствие еды они плачут о египетском луке. Бог без промедления отвечает на их голод, посылая манну. Но и этого мало. «Народ начал плевать на манну и требовать мяса. Их крик был весьма упорным, и Моисею вдруг показалось, что он больше не вынесет его бремя»¹⁴. Бог снова вмешивается. «И сказал Господь Моисею: разве рука Господня коротка? ныне ты увидишь, сбудется ли слово Мое тебе, или нет»¹⁵. Тогда «поднялся ветер от Господа, и принес от моря перепелов, и набросал их около стана, на путь дня по одну сторону и на путь дня по другую сторону около стана, на два почти локтя от земли. И встал народ, и весь тот день, и всю ночь, и весь следующий день собирали перепелов»¹⁶.

Однако, наперекор знамениям, в ходе истории раз за разом обнаруживается, насколько слаба верность народа. Вместо того чтобы уповать на Господа, Который вывел их из Египта, направлял их в пустыне и даровал им землю, обещанную Аврааму, израильтяне постоянно впадают в искушение и ищут основания для надежды где-то еще, в собственноручно созданных идолах или в союзе с более могуществен-

¹³ Исх. 33:15,17.

¹⁴ J. Dobraczyński. *Deserto. Il romanzo di Mosè*. Brescia: Morcelliana, 1993. P. 225–226.

¹⁵ Числ. 11:23.

¹⁶ Числ. 11:31–32.

ными народами. Впрочем, неизменно выявляется иллюзорный характер их усилий. Исаия пишет:

«Ждем света, и вот тьма,
озарения, и ходим во мраке.
Осязаем, как слепые стену,
и, как без глаз, ходим ощупью;
спотыкаемся в полдень, как в сумерки,
между живыми – как мертвые.
Все мы ревом, как медведи,
и стонем, как голуби;
ожидаем суда, и нет [его],
спасения, но оно далеко от нас»¹⁷.

Перед лицом трудностей становится ясно, насколько слаба надежда народа. Если бы не постоянная поддержка пророков, она бы рухнула. Чтобы поддерживать надежду в настоящем, недостаточно было уже явленных знаков, недостаточно было минувшей истории. Опора надежды должна была непрерывно обновляться. Как же понятна нам ситуация израильского народа в свете нашего собственного опыта, нашей собственной слабости!

Вероятно, наиболее серьезным вызовом, брошенным надежде израильского народа, являлось Вавилонское пленение. Евреи лишились трех великих даров Господа: земли, царства и храма. Где был их Бог? Плен крайне важен для веры Израиля, поскольку он подчеркивает разницу между Богом Авраама и прочими богами. Потерпев поражение, другие народы отрекались от своих богов, оказавшихся недостаточ-

¹⁷ Ис. 59:9–11.

но сильными и не избавивших их от разгрома. Бог Израиля, напротив, не повержен поражением народа. Спросим себя: какой опыт Бога должен был пережить Израиль, чтобы и дальше держаться Его, даже в пленении? Инаковость его Бога видна по надежде, которую Он порождает.

Как мы уже сказали, основание надежды кладет присутствие, превосходящее любую слабость, присутствие, никогда не убывающее: «Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах». Эта фраза может быть пустой, но для евреев она исполнена пережитого вновь и вновь опыта. Псалом продолжается: «Посему не убоимся, хотя бы поколебалась земля, и горы двинулись в сердце морей. Пусть шумят, вздымаются воды их, трясутся горы от волнения их». Откуда такая уверенность, такое бесстрашие? Оттого, что есть «святое жилище Всевышнего. Бог посреди его; он не поколеблется: Бог поможет ему с раннего утра. Восшумели народы; двинулись царства: [Всевышний] дал глас Свой, и растаяла земля. <...> Придите и видите дела Господа»¹⁸.

3. Место надежды

Именно это «жилище», «святое жилище Всевышнего, непоколебимое, ибо посреди него Бог», и есть место надежды. В христианской вести жилище это – Человек, Иисус из Назарета, Бог, ставший плотью, Человеком, Который ходил по дорогам, с Которым можно было встретиться, проводить время. В Его компа-

¹⁸ Пс. 45:2–9.

нии даже самые печальные и тяжелые жизненные ситуации можно было переживать с немислимой уверенностью в благе, с неожиданным умиротворением. «Это Я; не бойтесь»¹⁹. Для людей, следовавших за Ним, Он со временем стал скалой, на которую опиралась вся их личность, основанием их надежды. Прекрасно зная всю их слабость, Иисус обещает ученикам, что не оставит их сиротами, в одиночестве посреди ожидавших их бурь: «И се, Я с вами во все дни до скончания века»²⁰.

Но как? В чем Его метод? «[Христос] в качестве метода Своего продолжающегося пребывания в истории избрал компанию – Церковь, с ее главой – святым Петром, компанию, в которой Его присутствие было бы зримым, осязаемым, доступным опыту»²¹. Но из чего состоит Церковь? Из тебя, из меня. «Достигнув нас в Крещении, – утверждает Джуссани, – Христос собрал нас воедино как члены одного тела (ср. гл. 1–4 Послания к ефесянам). Он присутствует здесь и сейчас во мне, через меня, и изменение, свидетельствующее о Его присутствии, выражается прежде всего в том, что я признаю единство с тобой, признаю, что *мы одно*»²². Спасение – Он Сам, воплощенная Тайна – проявляется «в месте, чьи истоки глубже любого исторического исследования или описания. Оно проистекает из Тайны, но сталкиваемся с этим спасением мы именно в человеческом месте»²³.

¹⁹ *Ин.* 6:20.

²⁰ *Мф.* 28:20.

²¹ L. Giussani. *L'avvenimento cristiano*. P. 60.

²² *Ibidem*. P. 39–40.

²³ *Ibidem*. P. 53.

Благодаря принадлежности к этому месту, на пути длиной в целую жизнь, возрастает, укрепляется наша человечность.

«Я осознала, – пишет мне одна из вас, – что без надежды нельзя жить с некоторыми открытыми ранами, можно лишь пытаться отвлечься, отвести взгляд в сторону. Однажды моя восьмидесятидвухлетняя подруга сказала мне по телефону: „Не знаю каким образом, потому что я чувствую все недуги возраста и живу одна, но в последнее время я, как никогда, ощущаю поддержку Движения. Не иссякает богатство предложений, мне невероятно помогает работа, которую мы проделываем в нашей группе школы общины“. Меня тронули ее слова: где возможно нечто подобное? Только там, где Христос непрестанно действует и вселяет в нас уверенность. Так надежда берет нас за руку и сопровождает нас. Не знаю, как еще выразить это: меня постоянно порождает Его взгляд, достигающий меня через твой взгляд, Хулиан, и постепенно – через взгляд всех друзей, которые сегодня верны харизме. Сама я не дала бы себе ни уверенность, ни надежду».

Другой человек пишет: «В последний период во мне родилось огромное чувство бессилия. Я медсестра и с самого начала работала в ковидных отделениях. Было много трудностей, и в определенный момент я ощутила потребность поделиться ими в единственном месте, где меня по-настоящему понимают, – в этой компании. Мы организовали встречу для всех медсестер и медбратьев, чтобы поделиться нашими вопросами. Я вышла после нее в изумлении, с ощущением, что меня утешили и поддержали в драме, которую я переживаю. На следующий день, войдя

в отделение, я столкнулась с коллегой, всегда и во всем безупречной. Она посмотрела на меня и сказала: „Часто по вечерам, когда я возвращаюсь домой, меня начинает тошнить от бессмысленности того, что мы видим, и требующейся от нас огромной работы“. Я на мгновение умолкла, поскольку такой же крик есть и у меня, но я не отчаялась. Я устала, это правда, но не отчаялась, и тогда я спросила себя почему. Я ничем от нее не отличаюсь. В мыслях сразу возникла встреча накануне, словно напомнившая: „Ты не одна с твоими трудностями и твоей болью“. Имея перед глазами такое объятие, я предложила ей работать вместе в тот день и сказала, что нуждаюсь в ней. Обычно каждый занимается только своими пациентами, мы же работали сообща, как никогда раньше».

Именно в этом мы и нуждаемся: в *месте*, куда мы можем возвращаться, ничем не возмущаясь, в месте, которое не сводится к нашей мере, к нашим интерпретациям, которое поддерживает нашу надежду. Мы попадаем туда благодаря определенной встрече, способной притянуть нас, сделать для нас очевидным Христа, присутствующего и живого. «Христос берет человека при Крещении, дает ему расти, взростеть, и во время встречи почувствовать близость иной человеческой реальности, отвечающей, убеждающей, воспитующей, творящей, которая каким-то образом его поражает»²⁴. Эта встреча вводит нас в компанию: не в какую угодно, а в человеческую компанию, порожденную Его Духом, в Церковь.

²⁴ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 118.

Событие Христа остается в истории через компанию верующих – явный знак спасения Христова для людей. «Так Христос Воскресший пребывает вокруг нас: эта компания и есть... Тело Христово среди нас, которое можно потрогать, увидеть, ощутить. Значение этого сообщества глубже видимого, ибо видимое – это явление открывающейся нам Тайны Христа». И далее: «Компания, посредством которой Христос пребывает среди нас, позволяет узнавать все больше, кто такой Христос, открывает, что Он значит для нас. Иисус Христос присутствует здесь и сейчас; Он длится в истории через непрерывную череду людей, которые действием Духа Его Ему принадлежат, как члены Его Тела – продолжения во времени и пространстве Его Присутствия»²⁵.

Его непрерывное пребывание в истории – важнейший аргумент для нашего человеческого сердца, для уверенности в нашей судьбе, в нашей самореализации, которую невозможно не желать, как бы мы ее себе ни представляли и как бы ни называли. Уверенность в нашей самореализации связана с «объективностью истории, в рамках которой Бог стал *Присутствием*, то есть она связана с той отличительной формой, в которой эта история нас захватила и повела». Наша основополагающая надежда не в том, что мы делаем, не в наших усилиях, результативных лишь до определенной степени, не в наших утопиях, а в «чем-то присутствующем настолько неумолимо, что это бросало и бросает вызов всему, что можем создать мы и что нам могут гарантировать другие». Наша великая надежда в «Могуществе, ставшем Присутствием в истории,

²⁵ Ср. Там же. С. 54–55.

во времени, в пространстве» и скрывающемся сегодня в хрупкости нашей плоти, и «достаточно быть высокомерными или нетерпимыми, чтобы жить в нем и не замечать, достаточно одного нашего вздоха, чтобы все разрушить. Напротив, наше богатство – как раз в тайне, присутствующей в такой хрупкости»²⁶.

Наша надежда живет в месте, где человек видит, что его сердце вновь вспыхивает, оживает, где конкретный опыт подтверждает: наша ограниченность не последнее слово. Джуссани прекрасно об этом говорит: «Существует место... где Христа побеждающего можно признать, постичь, ощутить как компанию, придающую содержательность жизни, как присутствие, которое есть непрерывный корень, неиссякаемый источник (так Он сказал самарянке) надежды: это наше общение, наша компания по призванию, люди, призванные вместе, не иначе как Его Духом. И хотя в начале эта причина была слабой и почти неосознанной, это единственная причина, по которой мы знаем друг друга, – единственная! – и нет иной. Вот инструмент, позволяющий познать Христа воскресшего, событие, несущее в себе смысл всего и присутствующее, как мои братья и моя мать»²⁷.

Имея Его перед глазами, мы можем противостоять любой ситуации, как мы себе и не представляли. Многие из нас замечают, что надеются *in spem contra spem*²⁸, поскольку причастны к «тайне этого

²⁶ Ср. Л. Джуссани. В *поисках человеческого лица*. С. 88.

²⁷ L. Giussani. *Una strana compagnia*. Milano: BUR, 2017. P. 81–82.

²⁸ «С надеждой – хотя не было никакой надежды». См. Рим. 4:18. Современный русский перевод «Радостная весть», 2004.

мистического Тела Христова»²⁹: прирастая к Нему, они испытывают новую притягательность надежды, а вместе с ней – уверенность и активность даже в самых трудных и драматичных обстоятельствах. В последнее время мы неоднократно видели тому пример, в том числе и там, где подобное казалось невозможным. Комментируя в прямом эфире поездку папы Франциска в Ирак, журналист Доменико Квирико сказал: «Надежда, единственная надежда для тех краев – в том, чтобы увидеть действие иной логики, отличной от логики ненависти, мести, сектантской жестокости... и мы видели, как в иракских христианах, в гонимых христианах утверждается иная логика жизни. Христиане претерпели зло и даже приняли мученичество, не отреагировав в ответ, не взявшись за оружие, никто не взялся за оружие... Одним словом, иной мир... вот конкретная надежда для всех, не только для христиан»³⁰.

На другом конце земли, в испытаниях другого рода происходит то же самое. «Я повар из Венесуэлы и принадлежу к общине Движения. Меня поразило вопрос о том, есть ли надежда, и, глядя на мой опыт, я говорю: да, надежда есть, несмотря на все, что творится в моей стране. Вероятно, вы не представляете, с какой нехваткой мы сталкиваемся. Наше качество жизни хуже некуда: нет электричества, воды, возможности купить лекарства или пойти к врачу, поскольку это слишком дорого. Мы просыпаемся утром, не зная, что будем есть. Представьте, как

²⁹ L. Giussani. *Porta la speranza. Primi scritti*. Genova: Marietti 1820, 1997. P. 160.

³⁰ D. Quirico. Inviato de *La Stampa*, ai microfoni di *TV2000*, 7 marzo 2021.

трудно существовать на минимальную зарплату три доллара в месяц. Мы живем в постоянном стрессе, в тревоге, когда в разгаре эпидемия коронавируса. Но хочу вам сказать: невзирая на все перечисленное, надежда есть, ведь есть Присутствие, сотканное из конкретных лиц, компания, сотканная из времени, пространства, привязанности и помощи и непрестанно приводящая жизнь в движение. При всем, что мы тут переживаем, я никогда не ощущала себя одинокой. Благодаря встрече, которую Бог позволил мне пережить, стало ясно, как Христос может войти в нашу жизнь и изменить человечество. Я начала по-другому смотреть на то, чем мы живем, лучше сознавать присутствие Иисуса, внимательней относиться любому знаку, во мне больше готовности сказать да».

4. Как распознать это место?

Как же распознать место, поддерживающее нашу надежду? Прежде всего, как свидетельствует наш опыт, не мы его определяем. «Это дар Духа Святого устанавливает и определяет для каждого из нас в Церкви конкретность жилища, человеческой компании, чтобы сделать более наглядным путь к Судьбе». Событие Христа происходит и притягивает нас «в соответствии с определенной формой времени и пространства, которая позволяет каким-то образом с ним встречаться и делать его более понятным, более убедительным и более назидательным». «Это свойство вмешательства Духа Христова, которое экзистенциально вводит Событие во время и в пространство, называется харизмой». Именно этот дар

милосердной любви Бога делает возможной веру, сознание о присутствии Христа. Поэтому «для того чтобы Церковь, состоящая из всех людей, которых Христос захватил и вобрал в Себя при Крещении, была действенной реальностью в мире, нужно, чтобы люди осознали случившееся, встречу Христа с ними, и стали действовать на основе такого осознания»³¹.

«Я выросла в Движении, но в определенный момент по ряду причин решила уйти из него. Этим летом две девушки из „Студенческой молодежи“ [объединяющей старшеклассников из «Общения и освобождения»], которые даже не были моими близкими подругами, позвали меня вместе готовиться к тесту по медицине, а потом поехать на недельные каникулы в горы. В их компании я тут же ощутила, что они, как и их друзья, присоединившиеся к нам, не оценивали меня по моим недостаткам, а смотрели на меня и любили меня такой, какая я есть». Наша юная подруга сразу заметила разницу во взгляде, она ее поразила: вероятно, потому, что нигде она встречала ничего подобного. Письмо продолжается: «С началом учебы в университете я заметила тот же взгляд и в других ребятах из CLU и решила довериться и следовать за ними, участвуя в школе общины и в инициативах Движения. Проводя время с ними, я обнаружила, что любима и меня обнимают во всех моих проявлениях, даже наименее приятных для меня. Рядом с ними я могла задавать вопросы и принимать их всерьез. Одним словом, я открыла для себя надежду на возможность жить и быть вместе определенным

³¹ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 129–130.

образом, о котором раньше не подозревала. Воодушевление прошло быстро, и ежедневные сложности дали о себе знать. Но очевидное наличие у всех этих людей надежды никуда не делось. Однако, хотя я уверена в существовании и осязаемом присутствии надежды, я спрашиваю себя, как она может стать моей и как я могу полностью ей довериться».

Несмотря на все недостатки и слабости людей, с которыми она познакомилась, наша подруга дошла до уверенного признания осязаемого присутствия в них, «во всех этих людях», великой надежды. Но ей мало видеть ее в других, она хочет, чтобы надежда стала ее, и спрашивает, как полностью довериться ей. В ее рассказе уже описан путь, который стоит подчеркнуть: «Я решила довериться и следовать за ними». Поэтому спросим себя о причинах доверия и следования.

Когда мы можем доверять месту или человеку так, чтобы, следуя за ним, мы были рациональными, последовательными в отношении самих себя, особенно когда речь о вопросе, с которым мы имеем дело, когда речь о жизни и смерти, когда речь о нашем существовании, об альтернативе между бытием и ничто?

Джуссани предлагает нам три критерия. Во-первых, у тебя есть достаточные причины, чтобы довериться человеку и последовать за ним в послушании, если «по пониманию жизни, которое он тебе излагает и сообщает, ты ясно видишь, что все его действия, что все для него опирается на потребности сердца, твоего и всех людей». Во-вторых, ты можешь обоснованно доверять, если «он оказывает необходимую тебе помощь». И в-третьих, «если он делает это безвозмездно, желая тебе блага, и именно

безвозмездность – первый странный аспект, который поражает тебя во встрече с ним». Такого человека надлежит слушаться, «так же как наш долг – поступать рационально, наш долг – поступать разумно»³². Рассмотрим подробнее предложенный тройственный критерий.

Прежде всего, как мы сказали, следование за другим, послушание другому рационально, «когда он передает и открывает мне видение жизни и судьбы, которое целиком опирается на исходные потребности сердца, общие для всех людей»³³. Значит, для обнаружения того, за кем разумно следовать, требуется бдительное «я», сознающее собственные исходные потребности. Именно осознание этих потребностей позволяет нам заметить то, что им соответствует, место, которое несет надежду, соразмерную жизни. Чтобы не впасть в замешательство и не пойти за первым встречным, нужно «внимательное, а также нежное и исполненное пламенной любви осознание самого себя»³⁴.

Кроме того, ты можешь доверять человеку, если он оказывает тебе необходимую помощь, если он помогает тебе «преодолеть то, что противоречит этим потребностям; помогает тебе с жертвой, то есть с тем аспектом сознания, в силу которого, когда ты придерживаешься потребностей сердца, кажется, что ты должен что-то отложить, кажется, что ты должен что-то потерять»³⁵. Пробиться сквозь видимость по-

³² L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* P. 221–222.

³³ *Ibidem*. P. 220.

³⁴ Ср. Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. С. 7.

³⁵ L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* P. 221.

тери, согласиться на жертву, часто требующуюся от нас, трудно без сообразной помощи, выражающейся в присутствии определенных людей. У Джуссани на этот счет есть незабываемые слова: «Тебя застигла буря, волны захлестывают, но рядом звучит голос, напоминающий тебе о причинах, призывающий не дать волнам увлечь тебя, не прогибаться. Компания говорит тебе: „Смотри, дальше светит солнце; ты в шторму, но потом прорвешься, а там солнце“. Прежде всего она говорит тебе: „Смотри“. Потому что в любой компании по призванию всегда есть *люди* или *моменты в людях*, и на них нужно смотреть. В компании самое важное – *смотреть* на людей. Поэтому компания – великий источник дружбы. Дружба определяется ее целью – помощь на пути к судьбе»³⁶.

Подлинная помощь компании, друга заключается не в том, чтобы избавить нас от отношения с реальностью, а чтобы поддержать нас в переживании этого отношения. Тут тоже задействовано все наше «я». Как часто мы просим о помощи, которая ею вовсе не является! Нужно ясно понимать: одно дело просить, чтобы место защитило нас от реальности, укрыло от нее, избавив от трудностей, возникающих при столкновении с ней; другое – просить, чтобы нас вводили в реальность, какой бы она ни была. «Если бы Церковь, – замечает Джуссани, – ставила своей целью сломить человеческое стремление к успеху, самовыражению, поиску... она поступала бы, как те родители, которые обманываются, думая разрешить проблемы детей за них». В таком случае она не выполняла бы свою воспитательную задачу, состоящую

³⁶L. Giussani. *Un avvenimento di vita, cioè una storia*. P. 459.

не в «решении проблем, встречающихся на пути человека»³⁷, а в том, чтобы способствовать выработке у него правильной позиции перед лицом реальности, позиции, позволяющей подступаться к проблемам и, когда это возможно, искать их решение.

Наконец, разумно доверять человеку, если единственная причина, по которой он говорит мне определенные вещи, – привязанность к моей судьбе, к радости моей жизни, к моему счастью. «Мы не командуем вашей верой, мы лишь трудимся вместе с вами ради вашей же радости»³⁸, – пишет святой Павел. Таким образом, разумно доверять человеку, если он обращается ко мне не на из расчета, не ради собственной выгоды, не преследуя политические цели, а безвозмездно. «Безвозмездность есть любовь к судьбе другого, и ничего больше». Человек, передающий мне то, что соответствует сердцу, «делает это, ничего не просчитывая, ничего не получая для себя», только ради «благого исхода моей жизни, чтобы моя жизнь достигла своей судьбы». Опять же, тут требуется бодрствующее, внимательное «я». Джуссани добавляет: «Этот... фактор, крайне важный, оставим пока в стороне, потому что его понимаешь не сразу: нужно долго любить безвозмездно, жизнь должна приучить нас любить людей безвозмездно, чтобы мы понимали, когда кто-то безвозмездно любит нас»³⁹.

Встречаясь с людьми, которые обладают описанными характеристиками и за которыми поэтому разумно идти, мы должны идти, чтобы быть после-

³⁷ Ср. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 174.

³⁸ Ср. 2 Кор. 1:24. Современный русский перевод «Радостная весть», 2004.

³⁹ L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* P. 221.

довательными с самими собой. «Прирастать к самим себе – значит следовать за другим. Это парадокс, парадокс, из-за которого пала Ева. С тех пор, как существует человек, этот парадокс есть доказательство свободы: чтобы быть самим собой, я должен следовать за другим (как будет среди нас)». Каждый может представить, где бы оказался, если бы не подчинялся этому закону. «Вот первое соответствие сердцу: меня не было, если я хочу быть, я должен следовать за другим. И тот, кто говорит мне о человеке таким образом, прав. Тот же, кто, напротив, говорит мне о человеке как о хозяине собственной судьбы, способном быть („Я хотел, всегда хотел, неотступно хотел“, – выражаясь фразой Витторио Альфьери [знаменитые слова итальянского поэта символизируют страстное желание и готовность усилием воли во что бы то ни стало осуществить его. – *Примеч. перев.*]), обманывает меня: это обман»⁴⁰.

Обобщим сказанное. Не всякий человек и не всякая среда заслуживают того, чтобы за ними следовали, и не всякое доверие разумно. Доверять разумно, только если «тот, кто ожидает от тебя послушания, приводит причины, отвечающие потребностям твоего сердца, глубинным потребностям, заложенным в тебе, как и во мне». Иными словами, то, что он тебе говорит «может быть верным для всех людей: это не предложение сектантских идей, не попытки завлечь! Он предлагает тебе ценности, подходящие для всех, способные принести всем большее удовлетворение. Он предлагает тебе то, что соответствует глубинам сердца, а не результат сомнительного или надуманного

⁴⁰ *Ibidem*. P. 222.

анализа ситуации. Нет, нет, речь о первостепенных вещах, подпитывающих и возвращающих основополагающее благо любого человека, отвечающих потребностям человеческого сердца»⁴¹. Поэтому, чтобы довериться, как я говорил, нужно быть самими собой, быть бдительными и не позволять себя обмануть.

5. Как может стать твоим то, что ты видишь в другом?

Теперь у нас есть необходимые элементы, чтобы рассмотреть вопросы, заданные нашей подругой. Как может стать ее надежда, которую она признает в людях, встретившихся ей, в месте, где вновь загорелось ее сердце? Что позволяет разумно довериться этой надежде?

Надежда станет ее, если она продолжит все более сознательно, все с большим желанием идти по начатому пути, следуя за теми, в ком надежда была очевидна и перед кем возникли достаточные причины для доверия. Путь заключается в следовании.

Наравне со словом «следование» мы можем использовать также и слово «ответственность», понимая под ним прежде всего мгновенный ответ Петра, когда Иисус спросил его: «Симон, любишь ли ты Меня?» – «Да»⁴². Этому «да» не помешало даже предательство, случившееся на несколько дней раньше, потому что оно родилось как результат изумления, возникшего с момента первой встречи с тем Чело-

⁴¹ *Ibidem*. P. 224.

⁴² Ср. *Ин.* 21:15–17.

веком, как результат привязанности, усилившейся за годы совместной жизни с Ним и представлявшей собой не сентиментальное проявление, а проявление разума, суждение, и в силу этого суждения он прилеплялся к Присутствию, которое смотрело на него, обнимало его, любило его, как никто в его жизни. «Если я есмь потому, что я любим, то я должен отвечать (*respondeo*): отсюда рождается „ответственность“. <...> Слово „ответственность“ – залог умения откликаться на истину, на очарование красоты, на призыв добра, на несказанное счастье». Такая ответственность выражается «в свободном решении перед лицом Присутствия, признанного полностью соответствующим нашей судьбе»⁴³.

Часто мы понимаем решение свободы неоднозначно, словно речь идет о волюнтаристском акте, о синониме «силы воли». На самом же деле это, как для Симона Петра, проявление уважения, любви, высшая точка привязанности. Чтобы стала нашей надежда, которую мы увидели в других людях, которая очаровала и привлекла нас, нужно только в простоте держаться этого места, жить в нашей компании: со временем мы обнаружим в себе нерушимую положительность, а также отвагу, позволяющую бесстрашно смотреть в будущее.

Тут, однако, становится еще очевиднее потребность свободной проверки. Эта компания, это место есть пространство свободы, где каждого побуждают проверять данное ему обещание. Наша компания не была бы христианской, если бы она не призывала

⁴³ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 115.

к личной проверке и не любила бы человеческую свободу. Одна девушка, встретившая студенческую общину, сказала мне: «Я поняла, что это мое место, по уважению к свободе: меня ни к чему не принуждают и ждут, когда во мне произойдет что-то и я уступлю». Вот знак неукоснительного уважения, которое Тайна, сотворившая нас свободными, проявляет к нашей свободе. Каждый может отдалиться от компании в любой момент, но компания остается, и в этом – самый великий жест дружбы по отношению к тому, кто по той или иной причине уходит: существует место, куда мы всегда можем вернуться.

«Дорогой отец Хулиан, в эти дни я записалась на упражнения Братства после двенадцатилетнего перерыва! Последний раз я участвовала в упражнениях в 2009 году, и мое сердце колебалось из-за неуверенного суждения о важности моего пути в Движении. Спустя годы искреннего присутствия в Движении я заметила, что попала в ловушку формализма и активизма: я многое делала для Движения, но ничто больше не было моим. Не было больше моей свободы, а может, и веры. Так я решила все бросить. В декабре того года я пришла к тебе, чтобы сказать тебе мое „нет“. Меня удивил твой ответ: объятие, которое я унесла с собой и которое поддерживало меня, пока наконец, спустя двенадцать лет, я не вернулась и не сказала: „Вот я, я хочу быть здесь!“ Ты сказал мне: „Иди, не бойся оставить форму, заботься только об одном: никогда не переставай спрашивать себя каждое утро: на что сегодня опирается моя надежда?“ С тех пор я годами целиком и полностью посвящала себя работе медика. Она привела меня в чужой город к одному заведделению, которого я знала исключи-

тельно по его научным публикациям. С первого же телефонного разговора он поразил и очаровал меня, но, только начав работать с ним, я поняла, что стояло за этим очарованием. Он был человеком веры и к тому же из Движения! Что тут сказать? Иисус сыграл со мной „отменную шутку“, а точнее, преподнес огромный подарок, и он для меня был и остается знаком Его любви ко мне и Его прощения. Христос даровал мне возможность вернуться на путь, с которого я сбилась, позволил мне найти его в повседневной жизни, сложной и местами очерстневшей, в моей работе. Так со временем я вновь стала участвовать в школе общины, а несколько дней назад записалась на упражнения, уверенная в том, что мне необходимо пережить их. По опыту могу сказать, что надежда есть и она безусловна, она не ставит преград (как не была преградой моя слабость), она живет в Присутствии и нуждается лишь в одном: чтобы ее желали каждый день».

Путь проверки требуется всем, касается всех каждый день, на каждом этапе жизни, в любых сменяющихся друг друга обстоятельствах, до самого конца.

«Я всего год записана в Братство. Тридцать лет назад, в конце учебы в университете, я ушла из Движения. Время было заполнено делами и отношениями, но смысл всего словно стерся, воспринимался как нечто самоочевидное, и жизнь очерствела [если наша компания не является дорогой к судьбе, жизнь черствеет, а компания утрачивает для нас интерес]. Это были насыщенные тридцать лет, со множеством простых и прекрасных событий: семья, дети, работа. Три года назад я узнала, что больна, и жизнь изменилась, все в ней ускорилося, а вместе с тем остро встал

вопрос о смысле. Случайно я встретила с одним врачом из Движения и попросила у него помощи. Он пригласил меня на День начала года, и я прекрасно помню, с каким великим изумлением я ощутила в твоих словах неожиданное соответствие. Я чувствовала, что они с пониманием описывали мое сердце и суть моих желаний. Поразительно после стольких лет, проведенных на расстоянии, найти соответствие именно в этом месте. Никогда бы не подумала, что такое возможно! С некоторыми людьми завязалась дружба, очень простая, но важная и радикальная, и в месяцы пандемии, когда встречи стали редкими, именно отношения с ними стали для меня самым важным ориентиром. В нашей дружбе на первом плане – драгоценная возможность совершать путь, и это положительный посыл для моей жизни, какого я нигде больше не видела. В декабре прошлого года я пошла в больницу на очередное обследование и, пока ждала результаты анализов, с удивлением осознала, что мне не страшно. Это не был результат убеждения, рассуждений, усилий воли. Мне ясно, что опыт, пережитый за последние два года, встречи, в которых я участвовала, редкие моменты дружбы, которые я смогла разделить, постепенно укрепили во мне уверенность в том, что реальность положительна, ведь в ней присутствует Другой. Красота многих событий, изумление и благодарность за встречу с местом, где я могу поднимать самые настоящие вопросы, почти незаметно для меня пробили во мне брешь, сформировали меня. Надежда – не цель, которую нужно достичь, она осуществляется не на основании событий, происходящих определенным образом (когда полностью исцеляешься от болезни, когда за-

канчивается пандемия и т. д.). Надежда есть уже сейчас, она действует в моей жизни и сказывается в том числе на опыте болезни. Возможность получить во сто крат здесь и сейчас стала для меня конкретным и неоспоримым опытом».

Чтобы достичь уверенности в присутствии Христа, чтобы переживать как нашу собственную надежду, которую нам передают в этом месте, необходима личная проверка, позволяющая изначальной очевидности углубиться и превратиться в убежденность. То, с чем мы встретились, становится нашим не по волшебству и не в силу сентиментальности, а благодаря пути опыта, подтверждающему первую догадку. Именно такую динамику, как мы говорили, переживали апостолы: «И уверовали в Него ученики Его»⁴⁴. Евангельская фраза описывает этапы их пути. То же верно и для нас, и все, что случается с нами в течение дня, может быть моментом такой проверки, такого подтверждения. Ничего не нужно отбрасывать по мере пути. Это единственный способ достичь уверенности в данном нам обещании: согласиться соотносить самих себя со всеми происходящими с нами событиями.

«Недели избирательной кампании в университете были очень насыщенными, прекрасными. Я сидела дома взаперти, одна перед компьютером, но, несмотря на это, испытывала реальную радость; я лучше поняла, кто я такая, увидела ценность отношений. Однако по окончании этого замечательного периода, когда выборы состоялись, меня охватило уныние, я стала смотреть на себя с точки зрения меры. Я ощу-

⁴⁴ *Ин.* 2:11. См. здесь, с. 103.

тила, насколько итог событий определяет меня, и я ничего не могу с этим поделать. Красота предыдущих недель не выдерживала под напором моей грусти, обуславливавшей все во мне. В то же время я боялась потерять пережитую красоту, устранить ее, остаться только с чувством проигрыша. Дни после голосования спровоцировали во мне множество неудобных вопросов, не дававших мне покоя. Почему мне недостаточно радости, испытанной в последние недели? Что устоит перед огорчением от результата? Откуда во мне склонность вычеркивать пережитую красоту? Меня не выбрали, что же мне остается? Неудовлетворенность и печаль поначалу заставили меня отгородиться от других людей, от близких, от тех, с кем я живу. Но через пару дней во мне победила потребность вынести суждение о тех неделях, чтобы не потерять их. Тогда я попросила помощи у друзей, рассказав им и о самом сложном для меня: о моем внутреннем раздоре. Во мне завязалась борьба между мерой в отношении самой себя и того, что я делаю, в отношении печали, которую я чувствую, и испытанной радостью, которую я хочу всегда поддерживать живой. Один друг указал на то, как эти обстоятельства превознесли мою человечность. Меня это потрясло, ведь мне не удавалось увидеть ничего положительного в моем внутреннем раздоре, тогда как в действительности я замечаю, с одной стороны, мою человеческую малость, на которую уже не могу не смотреть, а с другой – радость от того, что я просто отдавала себя, сообщала другим то, чем я живу».

Чтобы не останавливаться на пути личной проверки, необходимо пребывать в месте, где постоянно разбивают нашу меру, где наш взгляд вновь откры-

вается, позволяя нам видеть то, что иначе мы не увидели бы.

Показателен способ, с помощью которого Иисус день за днем бросает вызов мере Петра. Яркий пример – сцена омовения ног. «Иисус, зная, что Отец все отдал в руки Его, и что Он от Бога исшел и к Богу отходит, встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался. Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан. Подходит к Симону Петру, и тот говорит Ему: Господи! Тебе ли умывать мои ноги? Иисус сказал ему в ответ: что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после». На категорические слова Петра: «Не умоешь ног моих вовек!» – Иисус отвечает, поднимая планку, делая вызов радикальным: «Если не умою тебя, не имеешь части со Мною». Услышав это, Петр сдается: «Господи! [Если вопрос стоит так, то умой] не только ноги мои, но и руки и голову»⁴⁵. Что побеждает в нем, позволяя неожиданно отступить, не дать его мере возобладать? Привязанность ко Христу.

Чтобы не оставаться заложниками собственных схем, которые неизбежно выстраиваются в нас или которые мы перенимаем из окружающей нас среды, необходимо непрестанно рождаться заново. «Суждение, неизменно открытое и избавленное от предубеждений, – вещь столь же невозможная для одних сил человеческих, сколь и единственная, которая поддерживает и развивает работу разума (то есть открытость реальности во всей совокупности ее

⁴⁵ *Ин.* 13:3–9.

факторов)⁴⁶. Чтобы вынести его, необходимо место, где наш разум все время распахивается. Такое место есть «частность, которая готовит к целостности»⁴⁷. Именно так Джуссани определяет опыт харизмы. Чтобы не руководствоваться мерой, неизбежно ожесточающей наше суждение и так часто затягивающей нас, не нужны ни титанические усилия, ни хитрые стратегии. Достаточно просто не закрывать глаза перед живой реальностью, способствующей расширению нашего разума; необходима привязанность к месту, позволяющему нам видеть целое, не допускающему, чтобы наш разум утратил свою изначальную открытость.

Чем больше мы видим способность этого места возрождать наш взгляд на самих себя и на мир, тем сильнее привязываемся к нему. Проверка углубляет, подпитывает, утверждает сознание принадлежности к тому, что Христос избрал как орудие, чтобы привлечь нашу жизнь и поддерживать ее.

То же самое происходило в начале, когда ученики жили в компании Иисуса. Каждый день, проведенный рядом с Ним, добавлял, согласно замечательному выражению Джуссани, «пригоршни клея»⁴⁸, укреплял глубокую привязанность, которая была оценочным суждением, исполненным веских причин, без тени иррациональности или натяжки. Точно так же и наша принадлежность к встреченной компании позволяет нам (если мы соглашаемся проверять

⁴⁶ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 92.

⁴⁷ Там же. С. 132.

⁴⁸ Там же. С. 116.

ее предложение) все более разумно прирастать к ней и прежде всего подводит нас ко все более личному открытию Присутствия, знаком, живым ликом которого она является, – Христа, нашей надежды. Именно ради этой цели она и существует. То, что случилось с учениками, происходит сегодня и с нами: из привязанности к Его присутствию рождается цветок надежды.

В последнем опубликованном сборнике упражнений Братства отец Джуссани говорит: «Петр наломал немало дров, но, несмотря на это, жил превосходившей все симпатией ко Христу. Он понимал, что все в нем было устремлено ко Христу, что все сходилось в тех глазах, в том лице, в том сердце. Грехи прошлого не могли воспрепятствовать ему, как и любая будущая непоследовательность, какую только можно вообразить: Христос был источником, местом его надежды. Ему даже могли вменить в вину то, что он сделал или еще сделал бы, Христос продолжал сквозь завесу возражений излучать свет его надежды. И он ценил Его превыше всего остального, с первого момента, как ощутил на себе Его пристальный взгляд, почувствовал, что Он смотрит на него: за это он Его и любил. „Да, Господи, Ты знаешь, что для меня Ты – объект высшей симпатии, наибольшего почитания»⁴⁹.

Христос есть источник света нашей надежды. А наша компания, порожденная благодатной харизмой, данной отцу Джуссани, помогает нам переживать обращение ко Христу, «поскольку суть опыта Движения в том, что вера – это все, признание Христа – это все в жизни, что Христос есть центр ми-

⁴⁹L. Giussani. *Attraverso la compagnia dei credenti*. P. 132.

роздания и истории»⁵⁰. Братство между нами, сплетение отношений, составляющих Движение, «есть наш способ переживать тайну присутствующего Христа»⁵¹. Это не кратчайший путь, позволяющий увильнуть от личной драмы отношения со Христом; напротив, это помощь и вызов, побуждающий переживать ее более интенсивно и сознательно. Я хочу постоянно переживать драму моей свободы, которая подталкивает меня говорить «Ты» Христу, как только я открываю глаза по утрам. Ту же драму переживал и Иисус: «Рано утром, еще до света, Он вышел из дому, отправился в уединенное место и там молился»⁵². Наша жизнь разыгрывается именно на этом уровне. «Настал момент, – говорил Джуссани ровно тридцать лет назад, – когда Движение идет вперед исключительно в силу привязанности ко Христу, которую испытывает каждый из нас, о которой каждый из нас молит Духа»⁵³. Движение, таким образом, продолжается в силу привязанности каждого из нас ко Христу. Все остальное (наши усилия, наши устремления) слишком слабо.

Итак, описанное сплетение отношений не только не избавляет нас от отношения с Тайной, но и непрерывно к нему побуждает и делает его возможным. Действительно, если бы Тайна не становилась присутствием сейчас в человеческой компании, в определенном месте, в определенных отношениях, она

⁵⁰ L. Giussani. *Una strana compagnia*. P. 191–192.

⁵¹ L. Giussani. *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. Cinisello Balsamo (Mi): San Paolo, 2002. P. 71.

⁵² Мк. 1:35.

⁵³ Corresponsabilità. Stralci dalla discussione al Consiglio internazionale di CL. Agosto 1991 // *Tracce – Litterae communionis*. N. 11. 1991. P. 32.

была бы чуждой нам и в нас победил бы всеобщий менталитет, который подпитывается надеждами, не выдерживающими натиска событий, и всеми способами пытается изъять Тайну из жизни.

Всем нам, чтобы жить, нужно присутствие Тайны. «Людам, молодым и уже не молодым, в конечном счете нужно одно: уверенность в положительности их времени, их жизни, уверенность в их судьбе»⁵⁴. Однако эту уверенность, называемую надеждой, мы не можем дать себе сами, даже путем коалиции, солидарности, объединением всех наших усилий. Только Бог, ставший человеком, Своей смертью и воскресением в состоянии ответить на образующую нас жажду судьбы, положительности существования. Как мы сказали, встреча с Его присутствием, воплощенным в конкретной форме, которая привлекла нас, есть благодать, дарованная нашей жизни, есть бесконечная милость Господа к нашему ничтожеству. Но мы не должны присваивать ее себе, словно это некая привилегия.

«Я занималась в университете, и моя однокурсница, которую я не видела несколько месяцев, зашла проведать меня. Она начала говорить о себе, о парализующем ее страхе перед пандемией, о надежде на то, что наука сделает свое дело и вакцина вернет нас к нормальной жизни. До тех пор, по ее словам, она обречена на жизнь в подвешенном состоянии. Я ответила, что для меня обстоятельства – фактор моего взросления, и с изумлением рассказала, что величайшая благодать – иметь место, лица, к которым я могу

⁵⁴ L. Giussani. *Cristo, la speranza* // *CL Litterae Communionis*. N. 11. 1990. P. 18.

вернуться, чтобы просить о более истинном взгляде на саму себя. Спустя несколько дней однокурсница написала мне и поблагодарила; по ее признанию, много лет ей не доводилось вести диалог „с таким глубоким смыслом“. Ее сердце желает того же, чего желаю я: уверенности в настоящем, позволяющей без страха идти навстречу чему угодно. В эти месяцы, с начала карантина, я поняла: меня любят такой, какая я есть, меня наполняет благодарность за то, что передо мной есть люди, которые, в силу их образа жизни, их честного взгляда на самих себя, порождают во мне надежду касательно и моей жизни. Я стала с бóльшим постоянством признавать Христа в повседневной жизни, и это приводит меня в волнение и возвращает мое сердце в более истинную позицию по отношению ко всему. Я вижу, насколько верны слова рождественского плаката: „Присутствие Христа заставляет наше сердце биться все сильнее в обычной жизни: взволнованность перед Его присутствием становится взволнованностью повседневным существованием. Нет ничего бесполезного, нет ничего чуждого, рождается привязанность ко всему, ко всему“».

Христос – реальное событие настоящего, а не только реальное событие двухтысячелетней давности – входит в обычную жизнь и преображает ее, делая ее более истинной, более человеческой. Если Христос для меня – реальное событие, если я принимаю Его и позволяю Ему войти в привычное течение моих дней, это видно по изменению, происходящему в жизни. «Христианство, – говорил Джуссани в 1964 году, – есть новый способ жить этим миром. Это вид новой жизни, и он не представляет собой в первую очередь

некий особый опыт, некоторые способы жизни, некоторые поступки, некоторые выражения или слова, добавляемые к обычному словарю». Он продолжает: «Как встреча, так и христианское предложение совпадает для нас сегодня с призывом, который исходит от окружающей нас человеческой реальности; и чудесно, что это предложение, единственное в своем роде, имеет такой конкретный, такой экзистенциальный облик, является общиной в мире, миром в мире, иной реальностью в этой реальности, но иной не из-за иных интересов, а скорее, из-за иного способа осуществления общих интересов»⁵⁵.

Инаковость, которую событие Христа приносит в жизнь людей, сталкивающихся с Ним и принимающих Его, есть фактор распространения надежды.

Однако мы не можем останавливаться ни на секунду. Притягательность, которую мы ощущаем благодаря повторению встречи, благодаря погруженности в христианскую компанию, должна превратиться для нас в работу, в бдительность («как когда человек приобрел нечто прекрасное и должен защитить свою находку, и потому он стоит на страже и не дремлет, не отвлекается, пребывает не в легкомыслии, а в напряжении»), должна превратиться в память. А память – это «не наши воспоминания, а непрерывное согласование самих себя с присутствием, которое, однажды явившись, явилось как непреходящее присутствие; однажды явившись *нам*, оно явилось как непреходящее присутствие (ибо оно нас составляет), которое делается осязательным, зримым в других; это

⁵⁵ Л. Джуссани. *Путь к истине является опытом*. М.: Христианская Россия, 2006. С. 106, 110–111.

присутствие, соединяющее нас ради того, чтобы мы им жили. Именно поэтому оно называется причастием, в точности как Евхаристия»⁵⁶.

⁵⁶L. Giussani. «*Tu*» (*o dell'amicizia*). Milano: Bur, 1997. P. 318, 319. В итальянском языке использовано слово *comunione*, означающее как причастие Таинств, так и общение между верующими, общину. – Примеч. перев.

НАДЕЖДА ПОД УДАРОМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

«Кто последует за Мною, получит во сто крат в этой жизни»¹. Сам Иисус дал нам критерий проверки нашего следования за Ним. Точно так же надежда, обещанная тому, кто живет этим следованием, требует – я настаиваю – проверки в обстоятельствах, во всех без исключения.

1. Непостыжающая надежда

Непостыжающая надежда, обещанная Христом, должна выдерживать под напором вызовов, с которыми вынуждено сталкиваться человеческое существование и которые в последнее время безжалостно открылись нашему взору. Каждый, хочет он того или нет, призван проверять свою надежду на прочность в любой затруднительной ситуации, перед любой провокацией, тем более, когда они особо значимы. Мы повторили за Джуссани, что «людям, молодым и уже не молодым, в конечном счете нужно одно: уверенность в положительности их времени, их жизни, уверенность в их судьбе». В некоторых обстоятельствах становится очевидно, есть ли у нас такая

¹ Ср. Мк. 10:29–30.

уверенность или же нами владеют неуверенность и страх, препятствующие созиданию, погружающие нас в тревогу и сосредотачивающие наше внимание на самих себе.

Основополагающий вклад в проверку нашей надежды вносит реальность. Обстоятельства играют решающую роль в том, чтобы, с одной стороны, проявилось содержание нашей надежды, а с другой, чтобы подлинная надежда глубоко укоренилась в нас. Таким образом, если мы хотим проверить, действительно ли христианская надежда не постыжает, нужно взглянуть в лицо тому, от чего реальность нас не избавляет, во встрече и в столкновении с обстоятельствами, прежде всего с неизбежными. Надежда, которую мы получили, которая была нам засвидетельствована, обитает в нас, становится нашей «только» в отношении с обстоятельствами, по мере пути, благодаря проверке.

А. Смерть

Рассмотрим первое серьезное препятствие, которое в определенном смысле является последним, поскольку стоит в конце жизни, но сопровождает нас в каждое мгновение, словно приносящий затруднения и беспокойство сосед человеческого сознания: смерть. Как можно быть уверенными в будущем, не встретившись с самым ожесточенным неприятелем? Выдающийся историк Йохан Хейзинга писал, что смерть есть часть определения жизни: «В истории, так же как и в природе, умирание и зарожде-

ние идут вровень друг с другом»². Смерть – явление жизни, потому что она происходит с живущим, а значит, от этой проблемы нельзя уклониться. Тем более не может от нее уклоняться существо, сознающее само себя, как человек. Знание о смерти существенно характеризует наше самосознание, хотя мы и пытаемся любыми способами вычеркнуть его. Пандемия для всех вновь вывела на первый план простейшую очевидность смерти. Если она была нам не слишком близка, если часто в повседневной жизни мы забывали ее или закрывали на нее глаза, тут нам пришлось признать ее: не как тем, кто наблюдает за ней из зрительного зала или по телевизору, но как тем, кого она коснулась и загнала в угол. Каждый мог пережить опыт смерти, ведь она приблизилась к нам в ушедших родных или друзьях и каждый день мы должны были, должны до сих пор считаться с количеством умерших. Все мы стоим перед вызовом, никто не в силах притворяться, что реальность не такая «мрачная».

Посмотрим вместе, как Джуссани воспринимал вызов смерти. Читая breviарий, он останавливается на фразе из Книги Премудрости: «Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих, ибо Он создал все для бытия, и все в мире спасительно, и нет пагубного яда, нет и царства ада на земле. Праведность бессмертна» (*Прем.* 1:13–15)». На одной встрече в 1990 году он говорил: «Меня словно охватил глубокий бунт: я воскликнул, что эти слова – неправда. Неправда, что праведность бессмертна в мире, где

² Й. Хейзинга. *Осень Средневековья*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. С. 17.

двое наших молодых друзей Марко и Андреа идут на прогулку в горы, срываются и умирают. И все же, – добавляет он тут же, – не соглашаясь так или иначе с этой фразой, мы не могли бы жить; без положительной надежды нельзя было бы жить». Чтобы согласиться с этой фразой у человека есть альтернатива: «С одной стороны – оптимизм, столь же инстинктивный, сколь и необоснованный. Такой оптимизм господствовал во всей культуре нового времени: мы унаследовали его от греко-римского мира, но корни его пронизывают все эпохи. Оптимизм касается того, как мы думаем о жизни, и жить без него было бы нельзя. Но это оптимизм поверхностный, лживый; тот, кто хочет сохранять его, должен всерьез отвлечься от происходящего вокруг, а потому это циничный оптимизм. С другой стороны, можно действовать, уповая на собственную силу волю, на собственные созидательные способности; это тоже характерная черта нашего мира. Мы связываем разрешение жизни с утопиями, с нашими проектами, осуществленными лично или сообща. Мы связываем спасение с разнообразными формами утопий, зацикливаемся на мечтах, то есть на ограниченных надеждах, основанных на частностях. Любая форма утопии (женщина, деньги, политика) как ответ на жажду положительности, возникающую в человеческом сердце, подразумевает насилие»³.

Таковы, следовательно, возможности нашего выбора, полные лжи и двусмысленности, одинаково недостаточные.

³ L. Giussani. *Cristo, la speranza*. P. 14.

Это правда, мы сотворены для жизни: в отрывке из Книги Премудрости утверждается природа человеческого сердца. Но кто ответит на природу сердца, на неукротимое, образующее нас желание жизни? Христос, только Христос, умерший и воскресший, дает ответ. «Единственный возможный ответ на отрывок из Премудрости есть Слово, ставшее плотью». Вне Христа нет ответа. Действительно, без Христа мы «неизбежно бы впали либо в фальшивый, самонадеянный и циничный оптимизм, пусть даже за ним стоят великие философы, либо в банальный и грандиозный утопизм, исполненный насилия»⁴.

Цитата из Книги Премудрости затрагивает самую суть человеческого вопроса, жизненно важную точку, если говорить о сердце человека. Бог «создал все для бытия, и все в мире спасительно, и нет пагубного яда, нет и царства ада на земле. Праведность бессмертна». Без Христа – настаивает Джуссани чуть раньше упомянутой выше встречи – «это не было бы верно, поскольку противоречие в конечном итоге разрушает все, что человек вообразил и выстроил, погружая его в пучину смерти. Без Христа невозможно обосновать эти библейские слова»⁵.

Христос умерший и воскресший – единственный ответ на вопрос из Книги Премудрости, на человеческую проблему. Иисус говорит Никодиму: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб,

⁴ *Ibidem*. P. 15.

⁵ L. Giussani. *Un evento reale nella vita dell'uomo (1990–1991)*. Milano: Bur, 2013. P. 149.

но имел жизнь вечную»⁶. Конечная причина, то есть истинная надежда нашего существования – Иисус Христос, присутствующий здесь и сейчас, реальное событие в человеческой жизни. Но повторю: все это должно стать личным опытом.

Одна студентка пишет мне: «В ответе на вопрос о том, есть ли надежда, я неизбежно мысленно возвращалась к конкретному событию моей жизни – похоронам моей подруги, которая три года назад лишила себя жизни. На похоронах две вещи заставили меня задуматься. Во-первых, моя позиция в церкви во время мессы. Я провела все время на коленях, молясь, чтобы даже этот момент, такой болезненный и драматичный, был спасен, отдан в руки Того, Кто превосходит всю мою ничтожность. Во-вторых, когда я вышла после мессы и выкурила сигарету с подругами, одна из них вдруг повернулась ко мне и сказала: „Почему ты не плачешь? Почему не предаешься отчаянию вместе с нами? Что у тебя за лицо? Такое ощущение, что ты спокойна“. Я была немного в замешательстве, но и в изумлении от того, что со мной творилось. Я даже не знала, как описать или обосновать мое состояние. Но мне пришлось признать, что, несмотря на всю мою печаль, я не отчаялась. Самоубийство подруги не было последним словом о моей жизни и в моем сердце, ведь во мне и в тот момент преобладало нечто „иное“, отчего я казалась радостной. Мое сердце не отчаивалось, оно просило, чтобы все во мне и в моей подруге было спасено. Посреди боли, распространявшейся между нами, я ощущала себя целиком и полностью в объятии! Благодарь,

⁶ *Ин.* 3:16.

и другие видели ее во мне! Это событие изменило меня в следующие недели. Я вернулась к повседневной жизни, к маленьким крестам и трудностям, но тот факт сопровождал меня. Какое счастье, что я даже перед лицом самых драматичных и тяжелых жизненных ситуаций могу сказать: надежда есть! Не я сама ее себе придумала, она не появилась в результате психологической перемены. Надежда проникла в меня благодаря живому и плотскому присутствию, притянувшему все во мне, изменившему мою жизнь. Какая благодать – вновь замечать это! Это покой, окутывающий меня и не покидающий даже перед друзьями, решившими сказать нет жизни. Все началось с моей первой встречи с Движением и христианством в университете, с лиц, с первого момента безусловно полюбивших меня, не смотревших только на зло во мне. И именно в силу произошедшего со мной (не меньше), *никогда и ни в какой ситуации я не подумаю, будто моя жизнь ничего не стоит или не имеет смысла*».

В силу произошедшего с ней наша подруга может повторять, подобно святому Павлу, что ее охватила «непостыжающая надежда»⁷. Опыт такой уверенности она пережила на похоронах: «Никогда и ни в какой ситуации!» Способность быть в любой ситуации, предстоять перед любой ситуацией подтверждает, что у человека есть непостыжающая надежда. Святой Павел пишет: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? <...> Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен,

⁷ Ср. Рим. 5:5.

что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем»⁸.

Какой опыт нужно пережить, чтобы с уверенностью произносить такие слова? Опыт, начавшийся две тысячи лет назад. Подумаем об Иоанне и Андрее, о Петре: с тех пор, как тот Человек вошел в их жизнь, все, что они делали, все их чувства, все их каждодневные занятия были связаны с Ним; когда они следовали за Ним по местам, в которые Он шел, в их сердце не оставалось пространства для чего-то еще⁹. Они видели Его на кресте, а потом воскресшим. Представим, как они сталкивались со смертью матери или близкого человека: человеческая боль во всей ее конкретности оставалась, оставались – в соответствии с темпераментом – все слезы, но было в них нечто несокрушимое, радость, ведь перед их глазами стоял тот Человек, умерший и воскресший, они уже не могли устранить Его из взгляда, которым смотрели на все. Как говорит папа Франциск: «Это компания Присутствия, не зависящего в конечном счете от внешних обстоятельств, а дарованного; близость с Иисусом, растущая день ото дня»¹⁰.

Джуссани свидетельствовал нам об этом до конца жизни. В его последнем приветствии по окончании упражнений Братства 2004 года, в очевидной ситуации ограничения и страдания, он сказал: «Победа Христа – это победа над смертью. А победа над смер-

⁸ Рим. 8:35–39.

⁹ Cf. L. Giussani. *Si può (veramente?) vivere così?* P. 363–364.

¹⁰ Francesco. *Il Cielo sulla Terra*. Città del Vaticano: LEV, 2020. P. 272.

тью – это победа над жизнью. Во всем есть положительное, все благо... так что любое противоречие или любая боль находят в „проводнике“ этой жизни положительный ответ. <...> Ибо жизнь прекрасна: жизнь прекрасна, это обещание, данное Богом в победе Христа. И потому каждый день, когда мы встаем с постели (какой бы ни была, на первый взгляд, по первому ощущению, наша ситуация, даже если это ситуация невыносимого страдания), – благо, зарождающееся на кромке нашего человеческого горизонта»¹¹.

Такая несокрушимая положительность, в том числе и перед лицом смерти, подтверждает наличие непостыжающей надежды, надежды, которая есть опыт чего-то реально существующего: «Будущее опирается на то, чем мы обладаем сейчас, что обладает нами сейчас»¹².

Б. Страдание

Как и смерть, страдание составляет часть человеческой жизни. Речь не только о страдании, связанном с нашей ограниченностью, но и о том, что вызвано человеческой ответственностью. «Мы должны сделать все для преодоления страдания, но полностью удалить его из мира не в наших силах – просто потому, что мы не можем избавиться от нашей огра-

¹¹ L. Giussani. *Intervento conclusivo* // J. Carrón. *Il destino dell'uomo*. Milano: Cooperativa Editoriale Nuovo Mondo, 2004. P. 48.

¹² L. Giussani. *Tutta la terra desidera il Tuo volto*. Cinisello Balsamo (Mi): San Paolo, 2015. P. 56.

ниченности, и потому, что никто из нас не способен устранить силу зла, греха»¹³. Отношение к страданию и к страдающим – индикатор истинности человеческого опыта каждого из нас и общества в целом. Все чаще мы замечаем в среде нашей жизни цензуру страдания, бегство от того, что требует от нас пострадать или поучаствовать в тяготах других людей. И все же мы видим: нет подлинных отношений с ближним, если мы не разделяем с ним его страдание; невозможно отношение любви, если мы чего-то себя не лишаем; благо, истина, справедливость не утверждаются, если мы не соглашаемся на страдание, которое такое утверждение подразумевает (если забота о собственном благополучии становится важнее истины и справедливости, господствует власть более сильного, угрозы, ложь). С личным страданием все так же: сколько бы мы ни пытались от него уклониться, оно в конечном итоге оказывается неизбежным, ведь избегать его – это как избегать саму жизнь. Когда по-настоящему тяжелые испытания припирают нас к стенке, мы замечаем, что, чтобы подступиться к ним, мало наших маленьких или больших надежд, наших оптимистичных мыслей или проектов. Необходима «уверенность истинной, великой надежды»¹⁴, уверенность в Присутствии, способном обнять нашу драму.

В энциклике *Lumen fidei* папа Франциск пишет: «Страдающему человеку Бог не дает все объясняющих аргументов, но предлагает Свой ответ в форме сопутствующего присутствия, истории добра, со-

¹³ Бенедикт XVI. Энциклика *Spe salvi*, 36.

¹⁴ Там же, 39.

единяющейся с любой историей страдания, чтобы его осветил поток света. Во Христе Сам Бог пожелал разделить с нами этот путь и предложить нам Свой взгляд, чтобы мы видели на нем свет. Христос – Тот, Кто, преодолев скорбь, стал „начальник и совершитель веры“ (Евр. 12:2). Страдание напоминает нам, что служение веры общему благу – это обязательно служение надежды»¹⁵.

Наша основная потребность состоит в том, чтобы видеть свидетелей этой истинной великой надежды, рождающейся от веры, то есть видеть людей, которые своей жизнью показывают, что в компании Христа, в Его присутствии можно переживать страдание и не тонуть во мраке одиночества, отсутствия смысла, оставленности. Как писал Бенедикт XVI, со Христом, с Его смертью и воскресением «в каждое человеческое страдание вошел Тот, Кто приобщается к нашему страданию и терпению; отсюда на каждое страдание распространяется *con-solatio* – утешение сострадательной любви Бога, и восходит звезда надежды»¹⁶. Это и подтверждают свидетели: «Именно потому, что теперь страдание стало разделенным и содержит присутствие другого человека, оно пронизано светом любви»¹⁷. Страдание неразделенное, не обнятое Присутствием, которое никогда не перестает, любовью Бога, явленной в любви людей, становится темным, невыносимым.

«В ноябре 2019 года у меня диагностировали агрессивную форму рака в тяжелой стадии. Первоначаль-

¹⁵ Франциск. Энциклика *Lumen fidei*, 57.

¹⁶ Бенедикт XVI. Энциклика *Spe salvi*, 39.

¹⁷ Там же, 38.

ный шок перевернул мою жизнь и жизнь моей семьи. У меня было ощущение, что я нахожусь во власти негативных и совершенно неконтролируемых событий. Все стало меняться, когда один друг навестил меня, чтобы сказать, что я не должна чувствовать себя потерянной, но именно в этих условиях переживать объятие Христа. С этого момента я буквально предала себя в Его руки, стала вверять себя замыслу Другого. Все, что я слушала, читала и повторяла много лет, неожиданно облеклось в плоть. Речь шла о моей вере, и от меня требовалось перейти от теории к практике. Я приняла вызов – согласилась проверить гипотезу, предложенную мне другом, то есть что Христос не бросил меня и пребывает рядом со мной в этих обстоятельствах. Плоды благодати не заставили себя ждать. Изменились мои отношения с мужем и детьми, я стала смотреть на них как на самую близкую компанию Христа в моей жизни. Даже боль, физическая и та, что еще острее, наводящая страх и показывающая всю нашу слабость, – и она не была препятствием. Я начала любить обстоятельства, просыпаться по утрам, принимая день с воодушевлением ребенка, который ожидает от родителей желанный подарок. Отношение с друзьями – старыми и новыми – стало драгоценным или обновилось. Угасшая, казалось бы, дружба поддерживала мою жизнь и проникала с одинаковой силой как в „важные“ вещи, так и в самые мелкие потребности. Завязались отношения с людьми в больнице, где я провела много времени: с врачами, медсестрами и соседями по палате. Сложно рассказать обо всех встречах. Одна из них наложила на меня глубокий отпечаток. Перед второй операцией я, несмотря на оптимистичную на-

туру, все же боялась: хирургическое вмешательство было выше моих сил. Вечером накануне операции друг, с которым я познакомилась в ходе болезни, поддержал меня. В конце разговора он спросил, что значило для меня в тот момент „насыщенно жить реальностью“, и я, помня обо всем прожитом до тех пор опыте, ответила: наслаждаться всем, даже такими моментами, но для этого нужно дойти до истока всех вещей, продолжая признавать присутствие Христа в реальности и в моей жизни. Он посоветовал мне вспомнить это желание как последнюю мысль перед наркозом и первую, когда я очнусь. Операция прошла тяжело, и врачи сказали, что придется остаться в лежачем положении десять дней. Я подумала: как же теперь „насыщенно жить реальностью“, ведь у меня спутанное ощущение реальности из-за анестезии и боли и к тому же нельзя двигаться. Как встречать Христа, если я только и могу, что крутить головой в кровати, и ничего больше? Поворачивая голову, я заметила, что реальность, несмотря на спутанное сознание, есть, и я начала смотреть: я различала стены палаты передо мной, а еще вместе со мной лежала другая женщина, хотя из-за тумбочки видны были только ноги. Она была моей тезкой и страдала от той же формы рака, что и я. Мы начали рассказывать друг другу о жизни, и в тот месяц, проведенный вместе, я всем делилась с ней, а она – со мной. Я попросила о ежедневном Причастии, и моя подруга сначала наблюдала за мной с удивлением, задавая мне уйму вопросов. Однажды утром она тоже попросила о Причастии, и с того момента мы начали молиться вместе с ней и капелланом, которого называли „братик“. Постепенно наша палата стала местом, где

мы задавались вопросом о том, что в жизни важнее всего. Отношения на таком уровне вовлекали всех, кто входил в палату: врачей, санитаров, социальных работников, уборщиц, родственников и друзей. Мой муж и мой друг приходили уже не только ко мне, но и к ней. Наша палата стала местом, где происходит все и даже больше! Ее границы расширились, привлекая всех. Во время госпитализации я попросила мужа приносить мне журнал „Трачче“: один экземпляр для меня и один для подруги, которая читала с интересом, особенно письма, и не переставая говорила мне о кардинале Ван Тхуане. Узнав, что он похоронен в Риме, она сказала, что желает пойти на его могилу. Однажды, после очередной томографии, она поняла, насколько тяжела ее ситуация. У меня тогда родился вопрос, касавшийся не только ее, но прежде всего меня: на что я возлагаю надежду? На выздоровление? Или же на уверенность, что все и правда случается на благо, даже боль или смерть, что есть Тот, Кто возлюбил меня и любит в каждое мгновение, Кто создал меня для вечности, а не для забвения? Тогда надежда, которую я могу нести моей подруге, – вовсе не оптимизм человека, который хочет закрыть глаза. Через несколько дней меня выписали, но наши отношения продолжились, хотя мы были в разных городах. Сначала ситуация, казалось, менялась к лучшему, однако спустя несколько недель я поняла: ей все хуже и хуже. Она написала, что болезнь стремительно прогрессирует и сил остается все меньше, что она чувствует себя уставшей и врачи уже ничего не могут для нее сделать. Охваченная болью, я пыталась повторять ей, что продолжаю молиться, молиться о чуде. Мне хотелось что-то сделать, но я ощущала собственное

бессилие. Я погрузилась в свои мысли и упустила из виду, как она написала единственно разумную в такой ситуации вещь: что она хочет предать себя в руки Господа. Мой муж указал мне на это и добавил: „Посмотри, она-то спокойна!“ Я решила навестить ее дома. Со мной поехали мой муж и мой друг. Ей действительно было очень плохо, и она призналась, что больше всего ей хочется причаститься. Выйдя от нее, мы нашли ближайшую церковь и договорились со священником, чтобы он пошел к ней назавтра, чтобы принять исповедь, причастить и совершить елеопомазание. Через два дня она умерла. Спустя несколько дней я написала ее молодому человеку и сказала, что благодарна за встречу с ней и уверена: она умерла „в благодати Божией“ и в мире. Он ответил, что в последние моменты она была без сознания, но перед самой смертью открыла глаза, улыбнулась и ушла в мире. Все это удивительно. Невероятно, но, чтобы такое случилось, хватило малости – готовности жить реальностью! Христос явил Свое присутствие даже в такой враждебной, на первый взгляд, ситуации, когда я лежала на больничной койке и могла только смотреть по сторонам».

В. Зло

Как часто мы являемся или чувствуем себя заложниками собственных ошибок, метущимися между подавленностью от совершенных промахов, жалобами на то, что мы оказались не на высоте, и непрерывным самооправданием, перекладыванием ответственности на других, на ситуацию. Мы колеблемся между

отчаянием и самонадеянностью, которые попеременно прерывают и сменяют друг друга. И с каждой серьезной ошибкой все начинается заново. Как легко оставаться в тисках угрызений собственной совести, подобно Мигелю Маньяре Милоша, живущего под гнетом стыда за совершенное зло: «Я не работал... <...> Я лгал. <...> Я крал. <...> Я убивал. <...> Мне стыдно». Много раз, видя, как день за днем повторяются одни и те же ошибки, одни и те же падения, мы думали: как тут не отчаяться? Нужно, чтобы кто-то пришел и вырвал нас из этого состояния, освободил от хватки зла, от меры, с которой мы подходим к самим себе. «Ты до сих пор думаешь о вещах, которые более не существуют (и которых никогда не существовало, дитя мое), – говорит Мигелю Маньяре аббат и добавляет: – Ты слишком много думаешь о твоей боли. Почему ты ищешь боль? Почему ты боишься потерять ту, что смогла найти тебя? Покаяние не есть боль. Оно любовь». Это открытие позволит Мигелю Маньяре сказать его «да» Тому, Кто нашел его: «Я Маньяра. И Тот, кого я люблю, говорит мне: этого не было. Если ты украл, если ты убил, этого не было. Есть один Он»¹⁸.

Зло сведено к нулю бесконечным могуществом Христова прощения. «Да», которое Милош вкладывает в уста главного героя своей драмы, – эхо «да», сказанного Симоном Иисусу, «произнесенного с сознанием, что лицо Того, Кто спрашивает его: „Симон, любишь ли ты Меня?“ – исполнено прощения. <...>».

¹⁸ О. Милош. *Мигель Маньяра*. Сериате.: Христианская Россия, 2000. С. 83, 86, 90, 107.

«„Да“ святого Петра построено на этом прощении»¹⁹. Следовательно, при всем, что мы знаем о себе, при всей нашей способности творить зло и ошибаться, мы можем надеяться, можем начинать заново, ведь в отношении, которое установлено с нами воплощенной Тайной, Христом, присутствующим здесь и сейчас, господствует прощение, оно есть прощение. Опираясь на него, мы можем начинать заново тысячу раз на дню. Лишь в прощении наша жизнь возрождается, лишь в прощении есть созидание.

«Всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя так, как Он чист»²⁰, – говорит святой Иоанн в своем первом послании. Джуссани комментирует его слова головокружительным образом: «Наша надежда – во Христе, в том Присутствии, которое мы, несмотря ни на какие рассеянность и беспмятство, уже не в силах вырвать – по крайней мере с корнем – из почвы нашего сердца, благодаря всей той традиции, в рамках которой Он достиг нас. На Него я возлагаю надежду еще до того, как берусь пересчитывать мои грехи и добродетели. Они не имеют никакого значения, подсчеты тут не важны. В отношении с Ним не важны цифры, не важна тяжесть – измеренная и поддающаяся измерению, не важно даже все зло, способное осуществиться во мне в будущем, – оно не способно присвоить первое место, отданное в глазах Христа тому „да“, которое сказал Петр и которое я повторил. И потому из самой нашей глубины рождается порыв, подобный дыханию, поднимающемуся из груди, опьяняющему человека

¹⁹L. Giussani. *Attraverso la compagnia dei credenti*. P. 155–156.

²⁰1 Ин. 3:3.

и подталкивающему его к действию, пробуждающему в нем желание действовать более праведно: из глубины сердца пробивается, прорастает цветок желания справедливости, истинной, настоящей любви, способности к бескорыстию»²¹.

Г. Неуверенность в будущем

Человек, проделавший путь, на котором он увидел, как меняется его жизнь, обнаруживает в себе поразительную уверенность в будущем. Завтрашний день уже не представляется смутным и устрашающим.

Одна студентка пишет: «В этот период, такой неожиданный и сбивающий с ног, часто бывает, что я довольствуюсь „полунормальностью“, скатываясь в жалобы и капризы. Однако я не могу не замечать глубоко в себе странную положительность, которая остается, которую не выкорчевали даже самые тяжелые моменты. Несколько дней назад я занималась в библиотеке, погруженная в свои мысли, и одна девушка из моей студенческой квартиры (она моложе меня) подошла и спросила: „Как думаешь, я когда-нибудь буду счастлива?“ Я без промедления и с улыбкой уверила ее, что будет. А потом спросила саму себя: как я могу стопроцентно гарантировать другому человеку его счастье? Почему я уверена в существовании надежды? Я заметила, что вся моя история говорит об этом. Следование за Христом изменило мою жизнь. Я не стала более самодостаточной,

²¹ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 103–104.

мои драмы не разрешились, даже напротив: я более рассеянна и часто позволяю моим давним провалившимся проектам затмить мой взгляд. Следование за Христом изменило мою жизнь, поскольку после долгих лет усилий, падений, периодов, отданных на откуп усталости, и возвращения к некоторой ответственности во мне стало прорасти сознание, что все для меня. Я оставляю мои мысли, мои проекты только в одном случае: если вижу, как Христос снова наполняет меня. Я замечаю это сразу же, потому что начинаю отдыхать, как будто вернувшись домой после долгих блужданий».

Следование за Христом меняет жизнь. Это описание опыта, а не случайная фраза. Мы освобождаемся от наших мыслей и проектов, когда видим, что Христос вновь наполняет нас. Наша подруга сразу же замечает это по происходящему в ней: она начинает отдыхать. Изменение, которое она переживает в настоящем, выявляет в ней уверенность в будущем, то есть надежду, позволяющую ей без промедления ответить да более юной подруге, спрашивающей, будет ли она счастлива. Без уверенности в настоящем, на которой основан уверенный взгляд в будущее, она не набралась бы смелости, чтобы в тот же момент ответить утвердительно на такой вопрос. Ей не хватило бы сил, чтобы поддержать ее «да». Но все это становится возможным в месте, порождающем в тех, кто к нему причастен, «странную положительность», и мы начинаем ставить на будущее в силу реальности, существующей в настоящем.

Реальность Христа в настоящем является также единственным источником покоя. Только присутствие, способное ответить на нашу многогранную

неуверенность, касающуюся смерти, страдания, зла, будущего, вносит покой в нашу жизнь, переводя наше внимание с нас на Него, а значит, и на других. Без присутствия в нас не прививается непостыжающая надежда. Кто Ты, о Христе, для нас? Уверенность нашей надежды.

2. Поддерживать в людях надежду

Мы уже сказали, что инаковость, которую порождает встреча со Христом, есть фактор передачи надежды. Поэтому, подчеркивает Джуссани, «каждый день мы должны желать изменения, посредством которого надежда распространяется в мире». Изменение затрагивает в первую очередь нас, нашу повседневную жизнь, а его «бесконечный горизонт – нужда других людей, помощь другим людям в их нужде»²². Цель Бога – достичь всех. Но для ее выполнения Он использует особенный способ: достигает всех посредством немногих. Именно такой метод Тайна выбрала, чтобы сообщать о себе людям во все времена. В упомянутой ранее беседе с Джованни Тестори Джуссани подчеркивает: «Мне кажется, настал момент, когда Господь, если Он хочет спасти Свое дело, должен обновить людей, должен дать существование людям, компаниям, сотворить движения, о которых мы говорили. Настал момент. Это своего рода знак времени. И потому, как ни парадоксально, момент,

²²L. Giussani. *Cristo, la speranza*. P. 17–18.

когда кризис доходит до самого дна, – величайший момент надежды»²³.

Христос сообщает миру о Себе посредством изменения, которое производит в жизни тех, кто с Ним встречается и присоединяется к Нему. В людях, позволяющих Его событию породить их, цветет немислимая чуткость к нуждам других людей, пламенная любовь к их судьбе, в какой бы ситуации они ни находились, желание способствовать их конкретному человеческому пути. Бенедикт XVI утверждает: «Пребывание в общении с Иисусом Христом вовлекает нас в Его бытие «для всех», делает его нашим образом существования. Он призывает нас посвящать себя другим, но лишь в общении с Ним становится возможно, чтобы мы действительно существовали для других, для всех. <...> „Христос для того умер за всех, чтобы живущие не для себя жили, но для Того, Кто умер за всех“ (ср. 2 Кор. 5:15)». Христос умер за всех. Жить для Него – значит позволить вовлечь себя в Его „бытие для других“»²⁴.

«Бытие для других», рождающееся от живого общения со Христом, от принадлежности Ему в месте, где Его можно познать в опыте, выражается разными способами, в соответствии с многообразием конкретных нужд (например, связанных с работой) и личных ситуаций (оставленности, одиночества, страдания), и меняет общество изнутри.

Тут вновь проявляется метод Бога. «Христианство, – пишет Бенедикт XVI, – не содержало в себе социально-революционной идеи, подобно той, во

²³L. Giussani, G. Testori. *Il senso della nascita*. P. 154.

²⁴Бенедикт XVI. Энциклика *Spe salvi*, 28.

имя которой Спартак вел кровавую борьбу, закончившуюся поражением. Иисус не был Спартаком, Он не был борцом за политическое освобождение, как Варавва или Бар-Кохба. Иисус, Сам умерший на кресте, принес нечто абсолютно иное: встречу с Господом всех господ, встречу с живым Богом и, следовательно, встречу с надеждой, которая превозмогала страдания рабства и поэтому преобразовывала изнутри жизнь и мир»²⁵.

Показательно в этом смысле Послание святого Павла к Филимону. Мы знаем, в каких обстоятельствах оно возникло. Павел из тюрьмы шлет записку в Колосс Филимону, им же обращенному в христианство, и умоляет его принять обратно раба Онисима, который бежал в Рим и там в свою очередь встретил Павла, обратился и стал служить ему. Однако в соблюдение римских законов о рабстве Павел отправляет Онисима его законному господину Филимону, вручая ему письмо: «Прошу тебя о сыне моем Онисиме, которого родил я в узах моих... я возвращаю его; ты же прими его, как мое сердце. <...> Ибо, может быть, он для того на время отлучился, чтобы тебе принять его навсегда, не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного»²⁶. Павел отсылает к новизне, которую принесло событие Христа: если по закону эти двое были господином и рабом, то во Христе, достигшем их, они одно. Так Павел писал ефесянам: «Разве вы не знаете, что вы члены друг другу?»²⁷

²⁵ Там же, 4.

²⁶ Флм. 1:10–17.

²⁷ Ср. Рим. 12:5; Еф. 4:25.

Поступок Павла кажется ничтожным на фоне огромной проблемы рабства, и тем не менее, с него начались глубокие преобразования, повлиявшие на историю: «Это изменяло общество изнутри, хотя его внешние структуры оставались прежними»²⁸. Такой метод может представляться нам слишком медленным, порой нам хотелось бы перескочить через человеческую свободу, чтобы вещи менялись мгновенно и свыше. Но только метод Бога способен привести к коренным переменам, учитывающим и вовлекающим человеческую свободу. «Человека, – говорит все тот же Бенедикт XVI, – невозможно оздоровить лишь извне»²⁹. Как подчеркивает Адриен Кандийяр в своей книге, посвященной Посланию к Филимону, изменение, которому способствовало поведение Павла, целиком и полностью сосредоточено на свободе³⁰.

Сегодняшняя ситуация в ее неоспоримой суровости, заложниками которой мы в той или иной мере до сих пор являемся, парадоксальным образом облегчила нам открытие того, в чем мы нуждаемся, чтобы жить, что способно поддержать нашу надежду. «Жизнь подобна путешествию по морю истории, зачастую темному и штормящему, – путешествию,

²⁸ Бенедикт XVI. Энциклика *Spe salvi*, 4.

²⁹ Там же, 21.

³⁰ Кандийяр вспоминает монолог Великого инквизитора перед Иисусом: «Иисус, как думал инквизитор, ошибся во всем. У Него были средства, чтобы прекратить невыносимую пытку человека, пребывающего в борьбе с собственной свободой. Он, будучи Богом, мог приказать ему поступать так-то и так-то, принудить, запрограммировать, спасти его от самого себя. <...> Иисус ничего такого не сделал. „ Вместо того чтоб овладеть людскою свободой, ты умножил ее... Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за тобою, прельщенный и плененный тобою“» (A. Candiard. *Sulla soglia della coscienza. La libertà del cristiano secondo Paolo*. Verona: EMI, 2020. P. 118–119).

в котором мы сверяемся со звездами, указывающими нам путь. Истинные звезды нашей жизни – люди, жившие праведно. Они – свет надежды. Конечно, Иисус Христос Сам есть Свет, солнце, взошедшее над тьмой истории. Но чтобы найти Его, мы нуждаемся также в ближнем свете – в людях, которые даруют свет, черпая из Его света, указывая, таким образом, направление нашему странствию»³¹. Джуссани, как я уже подчеркивал выше, говорил о людях, являющихся присутствием. Будьте внимательны: речь не о тех, кто необычайно одарен, а о людях, покоренных Христом, ставших «присутствием» благодаря принадлежности к христианской компании. Об этом ясно свидетельствует письмо одной молодой мамы.

«Хочу рассказать тебе об одной маме из нашей школы, с которой я познакомилась в этом году. В первые дни занятий мой пятилетний сын начал говорить мне о новом мальчике: он только появился, все время бил его и был очень нервным. Мне стало любопытно, кто этот новый ребенок. Как выяснилось, его мама осталась вдовой незадолго до карантина. От мысли о только что переехавшей одинокой маме у меня тут же возникло желание разыскать ее. Так однажды на парковке я стала вглядываться в новые лица и спросила у одной женщины, не она ли мама новичка в классе. Она ответила утвердительно, и я пригласила ее пообедать вместе на следующий день. Потом я решила позвать на обед другие две семьи из школы, чтобы эта мама начала с кем-то знакомиться. За обедом она поделилась с нами своей историей, рассказала о любимом муже, умершем от рака в тридцать

³¹ Бенедикт XVI. Энциклика *Spe salvi*, 49.

пять лет, и о том, как она живет одна с четырехлетним сыном. Мне сразу же захотелось составить ей компанию: я увидела в этом возможность и для себя, ведь я переживаю, пусть и на расстоянии, болезнь моего папы. Мы быстро сблизились. Из благодарности за мое приглашение она в свою очередь пригласила меня через несколько дней к себе домой и стала искать отношений со мной. Я, как могла, вовлеклась в отношение с ней: каждый наш совместный кофе я вверяла Богу, читая «Ангел Господень», ощущая всю свою неадекватность перед ней, атеисткой, но не замалчивая ничего из моей жизни и прося рассказывать о том, как она переживает свою тяжелую ситуацию. Однажды утром она мне позвонила, сразу после выхода из медицинского центра, куда обратилась из-за сильнейших панических атак по ночам. За завтраком она призналась, как удивилась, когда, почувствовав себя плохо, решила позвонить первой именно мне. Она растрогалась и сказала, что не понимает, почему со мной всегда плачет и становится в конце концов самой собой. Во время этого разговора она рассказала, какие трудности переживает: она не хотела детей и оказалась одна с маленьким ребенком, сердитая на мужа, который заболел и оставил ее в одиночестве. Я ясно ответила, что уверена: ее муж по-прежнему рядом и сопровождает ее, пусть и по-другому, и я желаю, чтобы она была благодарна, что жива, и начала чего-то ждать от жизни. Я спросила: «Ты, просыпаясь по утрам, испытываешь благодарность за то, что живешь еще один день, что дышишь? Ты думаешь, что тебя ждет еще нечто прекрасное?» Она сказала, что никогда об этом не думала и что никто никогда не говорил ей таких вещей (мне они казались очень

простыми). Через неделю мы снова встретились пообщаться, и она, к моему удивлению, призналась, что рассказала обо мне всей своей семье, что она благодарна за знакомство со мной, что ее поразило, как я открыла для нее двери нашего дома, и что она говорила обо мне даже своему терапевту. „Помнишь, ты спросила, благодарна ли я за то, что живу? Несколько дней назад я пошла к терапевту и попросила поработать над этим. Я сказала, что не хочу больше работать над фигурой моего мужа и над болью и что самое интересное в последние месяцы я услышала от новой подруги, говорившей мне о благодарности и о жизни. Я повторила о своем желании работать над этим, поскольку хочу и дальше ждать чего-то от жизни, как предложила мне ты“. Я осталась без слов, ощутила милость по отношению к себе, почувствовала, как в очередной раз меня перевернули и привлекли история и Присутствие, живущие во мне».

Вот пример человека, который является присутствием в самой обычной жизни, в самых обычных обстоятельствах: одна мать встречает другую, страдающую, замкнутую в своей боли и злости, и заражает ее надеждой, утвердившейся в ее жизни. «Какие великие вещи мы призваны вместе (человек не может отделиться от других) переживать и осуществлять!» – говорил Джуссани. Идя по начатому пути, мы все больше понимаем: «Когда просишь ежедневно об одном и том же, просишь все чаще в течение дня, это формирует менталитет, формирует личность и непрерывно готовит нас, так что ничто уже не кажется внезапным или странным, даже смерть кого-то из нас. Боль, но не страх. Будем же помогать друг другу распространять по миру надежду, кото-

рая не устраняет боль (даже Бог, ставший Сыном женщины, пережил ее), но вырывает с корнем всякий страх»³².

Со всем нашим грузом ограниченности и слабости, мы стали присутствием в обычной жизни, поскольку нас достигло событие Христа и мы позволили ему обнять нас.

«Уже несколько лет по разным причинам мы испытываем серьезные финансовые проблемы, так что на протяжении определенного периода нам даже оказывало поддержку Братство. Несмотря на сложности, мне пришлось пройти длительный и очень дорогой курс лечения. Я несколько месяцев откладывала встречу с врачом, чтобы отсрочить оплату, но на прошлой неделе пошла на последний прием и попросила подготовить счет: дальше ждать я не могла. В ходе лечения я поняла, что мой врач далек от Церкви, и, признаюсь, никогда не пыталась говорить или делать что-то, чтобы свидетельствовать о том, чем я живу. По окончании приема, подсчитав мои долги, он садится рядом со мной и говорит: „Надеюсь, вы примете то, что я сейчас скажу. Мы в расчете, я не хочу от вас денег“. Я смотрю на него, ничего не понимая, а он продолжает: „То, что вы мне дали в эти два года, стоит больше любых денег“. Я все еще не понимаю. „Вы не представляете, как трудно работать целый день, выслушивая постоянные жалобы на все. Я постоянно вижу недовольных людей. Вы вашей позитивностью, вашей улыбкой, вашим взглядом, с которым вы рассказываете о больной дочери, помогли мне жить лучше и смотреть на мою семью и на мою жизнь

³²L. Giussani. *Cristo, la speranza*. P. 18.

иначе, с благодарностью. Вы свидетельствовали мне, что жизнь прекрасна. Это я перед вами в долгу, а не вы передо мной“. Я вышла в слезах, потому что я не такая, как описал меня врач, наоборот! Он увидел не меня, а Иисуса, смотревшего на него через меня, я уверена. Я поспешила домой к мужу, чтобы рассказать о случившемся чуде, и мое сердце переполняло счастье, которое я не в состоянии выразить. Но чудо не в том, что мне простили долг в тысячи евро, а в чем-то гораздо более великом, на что я даже не смотрела, чем Господь захотел удивить меня: в моем изменении, в моем обращении. Он есть и во мне, даже во мне, и моей жизнью, полной передраг, я могу, пусть даже минимально, помогать другим узнать Его по-настоящему. Увидев, что во всех моих проблемах, моей неверности, моей ничтожности и совершенной неспособности Он есть и действует, что для этого мне нужно лишь искать Его во всем и призывать всякий раз, как только можно, я поняла, что существует благо, более драгоценное, чем любые блага, и Он дарует его мне в Движении: уверенность в том, что Господь действительно меняет меня. Это наполнило меня надеждой и спокойствием, какие я никогда не испытывала. Теперь я могу весь день громко говорить: „Милость Твоя лучше, нежели жизнь“, – поскольку ничто не приносило мне большей радости. Спасибо тебе, отец Хулиан, спасибо Братству и всей истории, которую я встретила. Без вас, неизменно указывающих мне, куда смотреть, чтобы видеть Его, я бы никогда не заметила чудо, происходящее во мне».

«Мы, – говорит Джуссани – являемся инструментом, с помощью которого Христос сообщает о Себе миру. Иными словами, самый грандиозный челове-

ческий порыв – когда человек передает самого себя другому, когда человек жертвует, становится священным ради другого [лат. *sacrificare* (жертвовать) происходит от *sacrum* (священный обряд) и *facere* (делать). – *Примеч. перев.*], когда человек приносит в жизнь другого зов и присутствие его судьбы, – расцветает, подпитывается в обычности повседневной жизни, имеет ее своим источником». Мы стали инструментом, с помощью которого Христос сообщает о Себе «в обычности повседневной жизни, в той обычности, в которой действуют сознание о Его присутствии и жизнь компании, через эмоцию и взволнованность: эмоцию, потому что речь о красоте, о красоте истины, об уверенности в судьбе, которые становятся взволнованностью, потому что движут, движут всем». Жизнь превращается в пламенную любовь: «пламенную любовь к бытию», «к истине, красоте, справедливости, любви, счастью». Расцветает немислимая любовь к бытию. «Именно такая положительность является главной отличительной чертой взгляда и привязанности, которые человек, следующий за Христом, несет в мир... бесконечная положительность, положительность, подобно волне, покрывающая все»³³.

Стоит перечитать один текст фон Бальтазара 1961 года, где говорится как раз об этом. Со временем его слова не устарели, а может, стали еще более актуальными: «Тело Христово одновременно есть и становится, и потому Павел сравнивает его с человеческим телом, вырастающим в полную меру роста, испытывающим свою силу на вещах, которые при-

³³ L. Giussani. *Un evento reale nella vita dell'uomo (1990–1991)*. P. 105, 107.

ходят к нему извне, и являющим ее в них. Основание Церкви и ее структура не могут расти, но может расти сфера жизни, по большей части состоящая из мирян. Люди, облеченные служением (и, будучи членами Тела, обязанные расти, как и все), суть хранители и садовники роста. Именно миряне ответственны за рост и цветение, единственно способные убедить мир в истинности Христова учения»³⁴.

³⁴Н. U. von Balthasar. *Sponsa Verbi*. Milano: Jaca Book, 2015. P. 303.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Вопросы и ответы*

Иногда мне кажется, что реальность запятнана: есть страдания, боль, мрак и печаль. Как переживать эти аспекты существования, не вычеркивая их? Что значит переживать их насыщенно и как насыщенное переживание всего может всегда вести к уверенности в настоящем?

У меня вопрос: вам действительно удается вычеркивать все эти аспекты жизни (страдание, боль, мрак, печаль), вычеркивать драматизм жизни? Мне не удастся. Хочу я того или нет, они в конечном итоге встанут передо мной. И потому вопрос в том, как подступаться к этим аспектам существования, неизбежным ни для кого. Часто верх в нас берет поведение, описанное в вопросе: мы воспринимаем их как препятствия на собственном пути. Наиболее разумно, как кажется, пытаться не учитывать их, вычеркнуть. Но есть и другой путь. Решающим для моей жизни стал момент, когда некоторые вещи, которые я не в силах

** В заключительный день упражнений Братства «Общениа и освобождения» (16–18 апреля 2021 г.), содержание которых опубликовано в настоящем издании, мы в формате видеоконференции провели собрание. На нем я ответил на ряд вопросов, заданных мне Давиде Просперо и обобщивших две с лишним тысячи вопросов, направленных нам накануне со всего мира.*

был полностью устранить и в которых я видел препятствие, обман, меру в отношении меня (потому что у меня не получалось от них избавиться), стали «попутчиками», возможностью идти вглубь самого себя, вглубь реальности и того, с чем я встретился, – Христа. Это было основополагающее открытие. С тех пор в свете моего опыта я начал понимать, почему так важно «всегда насыщенно жить реальностью»: только так мы проникаем до глубины вещей, понимаем, что лежит в сердцевине жизни.

Часто мы испытываем безумный страх и потому останавливаемся на видимости. Боясь риска, потребностей разума, того, чем надо «дано» быть, мы пытаемся все «заглушить». Но поступая так, мы слабеем, впадаем во все большее оцепенение, становимся все менее способными смотреть в лицо обстоятельствам. Я этого не хочу! Я хочу жить насыщенно, чтобы достичь уверенности в том, что бытие одерживает победу над небытием. Я не могу всю жизнь жить с дамокловым мечом над головой, с нависающей надо мной тенью ничто, как бы прося прощения за собственное существование. Если кто-то желает жить так – пожалуйста, но я так не могу, уже не могу! Поэтому я сказал, что решающим в моей жизни был момент, когда вещи, которые казались мне препятствиями, превратились в возможность отношения, в возможность войти в игру, добраться до сути того, с чем я встретился. Первым следствием стало совершенно новое открытие реальности. И теперь я хочу смотреть ей в лицо. Именно по этой причине в начале пандемии я призвал не прятаться за той или иной ширмой, чтобы уклониться от реальности. Те, кто прислушался к моему совету, осознали, что приобрели. Но и те, кто

им не воспользовался, могли увидеть, что приобрели, стали ли они в большей мере самими собой или же пали духом. Жизнь никому не делает скидок.

Я вечно буду благодарен Джуссани за то, что он являл и передавал мне истинный, незашоренный взгляд на реальность, вошедший в мою кровь и плоть. После встречи с ним, обращая внимание на его взгляд, я смог смотреть на вещи, которые раньше останавливали меня. Помню первые разы, когда я участвовал во встречах Движения: я плохо понимал итальянский язык, но меня неизменно поражало то, как Джуссани подходил к каждому дню, как говорил, как общался с людьми. Я не все понимал, но благодаря тому впечатлению возвращался домой с новым взглядом, взглядом, который я не мог дать себе сам. Я встретил человека, без страха смотревшего на все, абсолютно на все, и у меня возникло желание не жить больше в запуганном состоянии, выставляя руки в попытке защититься от обстоятельств. Я воспринимал их как препятствие, смотрел на них помутненным, полным страха взглядом, а человек, с которым я столкнулся, видел в них возможность пути, дороги, ведущей к жизненной уверенности.

Это вызов для каждого из нас. В последнее время каждый проверил, как смотрел на реальность. Тут нельзя схитрить: кто-то, как было видно по приведенным свидетельствам, в силу проделанного пути обнаружил в себе уверенную надежду; кто-то же, напротив, поддался страху, небытию. Это не зависит от способностей или ума. Одних от других отличает только одно: серьезное отношение к гипотезе о том, что разумно следовать за встречей и подвергать ее проверке. Проблема не в коэффициенте интеллекта

и не в нравственной последовательности, а в свободе и любви к собственной человечности, препятствующим небытию раздавить ее. В результате на нашем лице запечатлен либо страх, либо уверенность (уверенность, прожитая по благодати, о которой мы свидетельствуем перед всеми, начиная с наших детей) в том, что можно переживать все, буквально все, без исключений, в положительной перспективе. Я не хочу прятаться ни в какие укрытия, я хочу знать, истинно или нет то, чем я живу.

Симона Вейль говорит, что настоящее богатство не ищут, его ждут. Как это соотносится с риском? В отношении с Иисусом, отводя пространство Ему, я призван задействовать мой талант? Ты сказал, что ожидание составляет ткань нашего существования: мы являемся ожиданием. Но ожидание, переживаемое в таком сильном напряжении, не мешает ли нам полноценно жить настоящим? Когда риск правилен и целесообразен, а когда безрассуден? В риске нас останавливает страх потерять все: когда меняешь дом, работу, места, дружбу, чтобы пойти за соответствием, которое мы разглядели. Как решить, броситься ли в него с головой или нет?

Я совершенно согласен с утверждением Симоны Вейль: настоящее богатство мы можем только ждать. Мы ищем его, но его обретение не зависит от нас. В чем же тогда природа проблемы? Джуссани говорит об этом в четвертой главе «Религиозного чувства»: «Подлинная проблема, когда речь идет о поиске истинного конечного смысла жизни, не в исключи-

тельной интеллектуальной одаренности и не особых усилиях или необыкновенных средствах, необходимых для его постижения. Конечная истина подобна чему-то прекрасному, что мы встречаем на своем пути: мы видим его и узнаем, если внимательны. Следовательно, проблема заключается во внимании»¹. Предмет человеческого желания настолько несопоставим со всем, о чем можно помыслить или чего можно добиться собственными силами, что единственное адекватное поведение – ждать, ждать с распахнутыми глазами. Настоящего богатства ждут, как ждут любимого человека: можно предпринять какие угодно усилия (сделать прическу, купить новое платье, быть милым), но ни одно из них не в состоянии произвести желанное присутствие. Оно приходит как дар, совершенно непредвиденным образом: тако-го можно только ждать!

Как это ожидание – основополагающая позиция жизни – соотносится с риском? Ожидание касается чего-то, что соответствует нашему желанию. Человек, ожидающий возлюбленную, только и делает что смотрит вокруг себя распахнутым взором, чтобы заметить, когда она появится. Риск начинается, когда он ее находит: ему не хочется ее потерять, и он должен рискнуть в отношении с ней, должен использовать свой талант – собственную человечность, драгоценнее которой у него ничего нет. В противном случае он потеряет возлюбленную. То же самое происходит и в отношении со Христом. В тот день, когда Иоанн и Андрей пошли к Иоанну Крестителю на берег Иордана, они и представить не могли, что то, чего

¹ Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 39.

их сердце желало больше всего, воплотится в лице Иисуса из Назарета. Однажды с Ним столкнувшись, они могли бы махнуть рукой, как сделали другие, встретившие Его до них. Но нет, Иоанн и Андрей рискнули самими собой! Разумно ли они поступили, рискнув и последовав за Ним? Разумно ли следовать за кем-то? Зависит от того, с кем мы встречаемся. Если человек, появляющийся на нашем горизонте, нас не интересует, нам и в голову не придет рисковать. Если же он привлекает наше внимание, мы не хотим его потерять из виду, и тогда нас сложно удержать! Перед притягательным присутствием самое очевидное, неостановимое действие – рисковать, вовлекаться.

Не будучи внимательными к тому, как происходят вещи, мы все переворачиваем с ног на голову, и все превращается в игры разума: мы спрашиваем, как соотносятся ожидание и риск, и не понимаем. В первую очередь нужно смотреть на реальность. Джуссани подчеркивает это, начиная с первой предпосылки «Религиозного чувства»: необходимо «целостное, увлеченное, упорное наблюдение за фактом, за событием реальности»². Если мы растрачиваем благодать, дарованную нам во встрече с таким человеком, как Джуссани, наш путь усложняется. У меня нет ничего другого, чтобы идти вперед, никаких припрятанных учебников – только те же инструменты, что есть и у вас. Понаблюдаем за нашим опытом: когда мы встречаем что-то, что наконец отвечает ожиданию сердца, риск в высшей степени целесообразен, ведь было бы безумием потерять встреченное. Безумие –

²Ср. Там же. С. 6.

не рисковать, махнуть рукой на то, что нас интересует. Рисковать ради чего-то, не обладающего никакой ценностью, – безумие, для такого риска нет причин.

Евангелие в своей предельной простоте говорит об этом так: «Подобно Царство Небесное сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает всё, что имеет, и покупает поле то»³. Безрассудно ли рискнуть всем и купить поле или же это дело всей жизни?

У святого Павла были очень ясные представления на этот счет: «Все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего». Что он встретил? «Для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа и найтись в Нем»⁴. Христос, Которого встретил святой Павел, не отличается от Христа, Которого встретили мы. Есть лишь один Христос: не Христос моих мыслей, моего воображения, моих интерпретаций, а реальный, родившийся, умерший, воскресший и присутствующий сегодня в жизни Церкви – Его мистическом Теле. Ради Него человек может от всего отказаться, ведь без Него ни в чем нет ценности. Все прочее – ничто в сравнении с этим «приобретением». Святой Павел был одержим? На Иоанна и Андрея нашло помутнение, когда они пошли за Иисусом? Или они оказались разумнее всех? Вера – это проблема разума!

Каждый призван решить, стоит ли рисковать ради того, с чем мы встретились. Опыт предоставит случай проверить это решение. Если же человек почи-

³ Мф. 13:44.

⁴ Флп. 3:8–9.

тает, что Христос не заслуживает его риска, а завтра поймет, что приобрел лишь крохи, он всегда сможет вернуться, искать тех, кто, последовав за Христом, живет по благодати жизнью более желанной, более драматичной и радостной. И его всегда примут. Суть проблемы – оценочное суждение о том, с чем мы встретились. Это не дешевая сентиментальность! Сентиментальность ничем не движет. Нашим «я» движет оценочное суждение, уважение к тому, что наконец соответствует нам и что мы не хотим потерять ради чего бы то ни было еще. Если мы нашли нечто такое, нам решать, следовать или нет. Если же не нашли, нам остается одно – ждать с распахнутыми глазами, чтобы различить какой-нибудь знак «на кромке этой большой тишины»⁵, как говорит поэт Антонио Мачадо.

Вчера ты напомнил одну фразу, которую тебе сказал Джуссани: «В конечном счете разница в том, кто проделывал постоянную работу и кто не проделывал». Объясни, что он понимал под «постоянной работой»? Что способствует такому постоянству?

Цель, ради которой Джуссани оставил семинарию в Венегоно и пошел преподавать религию в школу, заключалась в том, чтобы помочь молодым людям увидеть «неотъемлемый от потребностей жизни характер веры». С такой целью он поднялся по трем ступеням лица Берше. Он заявлял об этом с самого начала: «Благодаря воспитанию, полученному в се-

⁵ А. Мачадо. *Сердце мое, ты уснуло?* Пер. П. Грушко.

мье и семинарии, и последующим моим размышлениям, я глубоко убедился в том, что вера, которая не может быть обнаружена и обретаена в опыте настоящего и подтверждена им, которая не приносит пользы в ответе на насущные потребности, – такая вера не в силах устоять в мире, где все – все – противоречило и противоречит ей»⁶.

Джуссани был убежден: достижение этой цели возможно лишь в рамках пути, метода. По сути, он предложил метод. Он осознал, что определенные способы передачи веры (те, с которыми столкнулись ребята из лица и с которыми он сам столкнулся, когда исповедовал) утратили свою эффективность. Спустя недолгое время после первого приобщения к вере, молодые люди теряли всякий интерес к христианству. Джуссани понял, что проблема была связана с тем, каким образом их подвели к вере, а значит, она касалась взрослых. Наш друг Лучо Брунелли написал недавно: «У кризиса „пустых церквей“ глубокие корни, он начался, когда церкви были полны»⁷. Джуссани пошел преподавать, когда церкви были переполнены. Ему стало ясно: люди больше не ощущали, что вера имеет непосредственное отношение к потребностям жиз-

⁶ Ср. Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. С. 24–25.

⁷ Статья продолжается: «В пятидесятые годы, когда площадь Святого Петра не вмещала безграничную толпу зеленых беретов, молодой ломбардский священник решил отказаться от академической (и церковной) карьеры и пойти преподавать религию в государственный лицей, самый светский в Милане. Однажды, путешествуя поездом, тот священник – его звали Луиджи Джуссани – разговорился с молодыми людьми и понял, насколько далеко отстояла от их жизни вера в Христа. Что-то тормозило почти естественный механизм, с помощью которого христианская традиция передавалась веками от родителей к детям» (L. Brunelli. *Le chiese vuote e la fantasia di Dio // L'Osservatore Romano*. P. 9).

ни, и потому переставали интересоваться ей. Нужно было предложить христианство в его изначальном виде – как событие жизни, поскольку, сведенное к словам или этике, оно уже не могло и не может ответить на человеческое ожидание, пробудить в человеке интерес. Вот почему я цитировал фразу Джуссани: «Современного человека способно встряхнуть столкновение с людьми, событие, в котором отзывается изначальное событие, момент, когда Иисус поднял глаза и сказал: „Закхей, спустишь скорее с дерева, Я иду к тебе домой“».

Именно встреча с этим событием делает возможным и необходимым путь проверки. Церковь не может лукавить, потому что она «есть жизнь и должна предлагать жизнь». Но и человек – говорит Джуссани – не может лукавить. «Ему открывается истинный путь, к которому его сердце должно быть готово»⁸. Вот что я называю работой. Мы не выстоим, если не согласимся идти по пути, предложенному нам Джуссани. В чем он заключается?

Жизнь ставит перед нами проблемы, каждый подступает к ним тем способом и с той гипотезой, какие подсказывает ему контекст его жизни, и проверяет адекватность или неадекватность этих подсказок в «полевых условиях». Так случилось со мной. В семидесятые годы я пытался решать жизненные проблемы, связанные с призванием и моей священнической задачей, на основании того, что получил. Довольно скоро я понял, что методы, которым меня научили, были неадекватными: всегда оставалось не-

⁸ Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 229.

кое неразрешенное затруднение. Тогда-то я и встретил Движение, это был конец семидесятых.

Важнейшую роль для меня сыграло то, что я оказался перед человеком (Джуссани), в котором увидел воплощение того, чего сам не мог достичь за счет моей исходной гипотезы. Речь шла не о сентиментальной реакции (в те времена в силу обстоятельств мне недоступны были близкие отношения с ним и частные встречи), а о ясном признании инаковости. С тех пор я не могу уже говорить о том, чем живу, не ссылаясь на нашу встречу. Помню, как я уже говорил, мои первые поездки на международные собрания Движения, где я, подобно многим из вас, видел Джуссани лишь издали, помню, какое впечатление на меня производила позиция Джуссани перед реальностью. Я говорил сам себе: «Это что-то совершенно иное!» И уже не желал ничего другого, кроме как учиться той позиции, вживаться в тот взгляд.

Ключевым моментом, на котором настаивал Джуссани, был опыт. Он постоянно предлагал мне сравнивать то, что происходило в моей жизни, с глубинными потребностями моего сердца. Такое сравнение – характерная черта предложенного им метода: «С первого часа работы в школе я постоянно говорил: „Я здесь не ради того, чтобы вы усвоили идеи, которые я вам предлагаю, но чтобы научить правильному методу суждения о том, что я скажу. А то, что я скажу, есть опыт, плод долгого прошлого длиной в две тысячи лет“»⁹. Таким образом (я неоднократно это повторял) Джуссани вложил в мои руки инструмент, позволяющий проделать человеческий путь. Он го-

⁹ Ср. Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. С. 24–25.

ворил: Христос, событие Христа вверяет себя суждению нашего опыта¹⁰.

Отсылка к опыту стала для меня решающей. Даже ошибаясь, я всегда мог чему-то научиться, как рассказала мне и одна подруга. В коридоре лаборатории она столкнулась с коллегой-исследовательницей. Та явно была расстроена. Она спросила, в чем дело, и коллега ответила: «Эксперимент не удался». Тогда наша подруга воскликнула: «Но ведь эксперимент – всегда эксперимент!» Иными словами, он всегда чему-то нас учит. Даже в случае неудачи эксперимент обязательно дает что-то приближающее нас к истине. Так, переживая опыт, я каждый день смотрел, является ли мой подход к вещам адекватным, отвечают ли предпринимаемые усилия на мою нужду. Потом, оказываясь перед Джуссани, я сравнивал то, как он подступает к всему и как это делаю я, видел, что происходило в нем, а что во мне. Я не мог не признавать очевидную инаковость, желанную новизну.

Если обратиться к Евангелию, то именно так вел себя с учениками Иисус. Их позиция в отношении жизни основывалась на «рабочей гипотезе», полученной в принадлежности израильскому народу. Но однажды они встретили Того, Кого уже больше не оставляли из-за новизны, которую ощущали в Нем. И с тех пор они подступались ко всему в Его компании. На студенческом Пасхальном триденствии я вдруг заметил, как никогда не случалось раньше, что думаю о Петре, который с самого начала прилепился к Иисусу. «Он заполнил всю его ду-

¹⁰См. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 226.

шу»¹¹, – говорит Джуссани, вспоминая его первую встречу со Христом. Какой риск существовал для Петра, как существует он и для нас? Думать, будто мы уже знаем, Кто стоит перед нами. «За кого люди почитают Меня?» – спрашивает Иисус у учеников. «Одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков». – «А вы?» Первым отвечает Петр: «Ты Христос, Сын Бога живого». «Молодец, Петр! Эти слова ты не сам придумал, их открыл тебе Отец». Сразу после Иисус «начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть». Петр, думая, что все уже понял, что знает, кто такой Иисус, говорит: «И речи быть не может!» – «Отойди от Меня, ты думаешь не как Бог, а как человек!»¹²

Вся жизнь Петра отмечена непрерывным сравнением его подхода к реальности и подхода Христа, его меры и меры Христовой. В такой постоянной сравнительной работе для него решается все, как раз в силу соответствия, которое Петр ощутил во встрече с Иисусом и из-за которого следовал за Ним. Не каждый раз и не в каждый момент он понимал, что предлагает Иисус. Например, тот факт, что Иисус должен пойти в Иерусалим на смерть, у него в голове не укладывался: «Нет, нет, быть не может!» Подумаем об омовении ног. Представим себе Петра, его бесконечную горячую любовь к Иисусу: на его глазах Он

¹¹ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. С. 101.

¹²Ср. *Мф.* 16:13–23.

встает из-за стола и принимается омыwać ученикам ноги. Снова Петр сталкивается с Его безмерной инаковостью. Для Петра это уже слишком, «Нет! Чтобы Ты мыл мне ноги?!» Иисус отвечает: «Петр, что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после». И тогда все свелось к тому, разумно ли послушаться Его, даже если не понимаешь, или же нет. Не задумываясь, Петр восклицает: «И речи быть не может!» Но, как и в других случаях, в решающие моменты, Иисус ни с кем не идет на уговор, тем более с Петром. Он настаивает: «Если не умою тебя, не имеешь части со Мною». Петр сдается, прекращает сопротивляться: «Если вопрос стоит так, то умой не только ноги, но и руки и голову!»¹³ Почему он соглашается? Потому что, прожив с Иисусом три года, сравнивая без остановки слова и дела того Человека с потребностями собственного сердца, он не мог не признать, даже не понимая или не будучи еще в состоянии понять, что лишь у Него глаголы вечной жизни. «Если уйдем от Тебя, куда нам идти?» Исполненная веских причин привязанность к тому Человеку оказывалась сильнее всего его непонимания и всей его малости.

Постоянная работа, которую предлагал Джуссани, не требует учебы на специальных курсах в Гарварде. Она доступна всем, людям вроде Петра, вроде меня и тебя. Речь не об особых умственных способностях, не о начитанности, не об усложнении жизни, а о непрерывном сравнении присутствия и собственного сердца, присутствия и собственных попыток смотреть в лицо ежедневным вызовам, Его и нашей меры. Что было у Петра более интересного, чем такое

¹³Ср. *Ин.* 13:6–9.

непрерывное сравнение своих попыток и того, что творил на его глазах Иисус? Если бы Иисуса можно было свести к истолкованиям, если бы Петр уходил всякий раз, когда вещи не совпадали с его мыслями, он потерял бы лучшее. Именно с этим связана основополагающая проблема метода. В определенном контексте Джуссани подчеркивал: «Серьезная проблема Движения, крайне серьезная проблема ответственных в том, что они произносят речи... но не имеют метода». И добавлял: «Перевод идей в метод требует того... чего, боюсь, нет даже в тех, кто прочитал первый том школы общины¹⁴, [того, что] проникает в представления, в структуру разума...: привязанности. <...> Тут мы подходим к самому важному аспекту метода: без привязанности нет познания. <...> Познание есть открытый взгляд; реальность пуста, если не поражает. Отпечаток реальности во взгляде называется привязанностью, *affectus*. <...> Таким образом, метод неотрывен от слова „привязанность“. Привязанность венчает признание реальности, то есть признание Движения, поскольку проясняет то, как именно Движение соответствует основополагающим потребностям, определяющим сердце, и осуществляет их. Сердце не источник чувства, оно источник полноценного разума». Сказав это, Джуссани спрашивает себя: «Откуда такое сопротивление методу?» Почему человек, уловив все соответствие Христа сердцу, противится? Почему противится Петр? Потому что «свобода подобна кинжалу, вонзающемуся между познанием и *affectus* и пытающемуся отрезать *affectus*, превознося чистое

¹⁴ Речь о книге Л. Джуссани «Религиозное чувство».

познание (рационализм) или чистую привязанность (инстинктивность, эмпиризм)»¹⁵.

Чтобы следовать методу, нужно придерживаться закона, без соблюдения которого свобода ошибается: «Для утверждения самих себя нужно утверждать Другого»¹⁶. Мы встретили того, в ком на наших глазах более глубоко осуществляется наше «я» (как говорилось в нескольких процитированных свидетельствах), и понимаем: утверждать другого – значит не отказываться от разума, а утверждать его в полной мере, потому что утверждать другого – значит утверждать себя. Однако, если человек не проделывает «постоянную работу», если непрерывно не проводит сравнение между собой и встреченным присутствием, он не поймет. Что стало бы с Петром, если бы он не утверждал Христа? И что стало бы с нами, если бы мы не следовали за Джуссани?

«Вы должны научиться у меня лишь одному: тому, как учатся»¹⁷, – говорил Джуссани в 1978 году. Готовы ли мы учиться, соглашаться на постоянную работу? Чего мне удастся добиться, когда я прибегаю к собственной мере, а не следую за присутствием, которое признал соответствующим ожиданию сердца? Проверить это я могу в опыте: не выходя за рамки моей меры, я не расту, не достигаю человеческой стати, позволившей Петру стать главным героем. Без Петра не осталось бы ничего, буквально ничего! Ге-

¹⁵ Consiglio di Presidenza. 11 ottobre 1994. Dattiloscritto conservato presso la Segreteria generale di CL, Milano. Cf. L. Giussani. *L'autocoscienza del cosmo*. Milano: Bur, 2000. P. 278–279.

¹⁶ Consiglio di Presidenza. 11 ottobre 1994. Dattiloscritto conservato presso la Segreteria generale di CL, Milano.

¹⁷ Цит. по: A. Savorana. *Vita di don Giussani*. Milano: Bur, 2014. P. 565.

ниальность Джуссани заключалась в том, что он связал «да» Петра и рождение народа. Стать главными героями, подобно Петру, можно: достаточно только разрешить Ему породить нас.

Объясни лучше ответ на вопрос девушки, которая говорила: «Я вижу, что любовь исходит от мамы, от папы, от друзей, но толком не понимаю, как в определенный момент в игру вступает Христос». Привязанность родных, любовь детей и внуков – проявления Христа или нет? Нехристиане тоже любят друг друга. Христос для меня часто остается ярлыком, который я наклеиваю, но который не держится.

С Христом сближаются только через свидетелей? Не рискуем ли мы в этом случае загнать событие в некие рамки? Какова роль Таинств, литургии, Откровения, данного в Священном Писании, личной молитвы в достижении уверенной веры?

Когда какой-нибудь молодой человек задает мне первый вопрос, я отвечаю так: «Вечером, ложась спать, можешь ли ты с уверенностью сказать, что твоя мама тебя любит? Тут не требуются глубокие рассуждения. Можешь ли ты объяснить все ее поступки в отношении тебя иначе, как знаки ее любви? Или же ты считаешь, что ее действия продиктованы собственными интересами (например, что ты позаботишься о ней в старости)? Убеждает ли тебя любое другое истолкование знаков, которое не подразумевает ее любовь к тебе? Видимые знаки отсылают тебя к невидимому смыслу – любви твоей матери. Но ты

имеешь дело со знаками». Я также добавляю: «То же самое происходит и с христианским событием. Тут речь о других знаках, несравнимых со знаками, подаваемыми твоей матерью, но динамика та же самая. Скажи, можешь ли ты свести человечность, которую видишь в отдельных людях, к тому факту, что они достойны, симпатичны, хорошо воспитаны, щедры (закончи список вероятных интерпретаций)? Или же она отсылает тебя к чему-то, что ты не видишь, не в силах определить, но что неотрывно от того, что ты видишь?»

Суть в этом: нужно признавать внутри этой компании, с которой мы встретились, наличие иного фактора (я не нахожу ему определения, но он есть); нужно признавать, что отдельные результаты человеческих действий, которые я вижу, отдельное человеческое звучание, которое проявляется в ней, отсылают к чему-то, чего я не вижу, но существование чего не могу не допускать. Исключи я его, мне не удалось бы обосновать мой собственный опыт. В этой компании, в людях, с которыми я встретился, есть нечто нередуцируемое (внутри, а не снаружи!). То, как определенные люди живут, как смотрят на жизнь и на смерть, имеет лишь одно объяснение: они отсылают к чему-то таинственному, для меня невидимому. Подавляя этот фактор, я устраняю исток такой инаковости. Если вернуться к примеру, приведенному выше, я уничтожаю любовь, чьи знаки вижу, и тем самым лишаю смысла и знаки. Нет устройства, позволяющего обнаружить любовь, нет алгоритма, чтобы ее высчитать, но это не значит, что она не существует. Представим себе молодую женщину с маленькими детьми. Как она может продемонстри-

ровать им свою любовь, если не через знаки? И как мы можем достичь уверенной веры, если не через знаки Его присутствия здесь и сейчас, в настоящем, а не только в воспоминаниях о прошлом?

Без чего-то в настоящем (и так мы быстро перейдем ко второму вопросу), литургия ни о чем нам не говорит. Мы видим это в Евангелии: в присутствии Иисуса ученики понимают слова Библии и пророков. Христос распахивает их взгляд к постижению Писания и пророчеств. Да, литургия – это исток, но в то же время наше сердце должно быть постоянно распахнуто перед ней, чтобы, услышав, что Христос воскрес, мы не остались, как писал в процитированной ранее статье Брунелли, безразличными (сегодня такое случается часто). Конечный таинственный исток нашей веры – в событии, которое мы празднуем на литургии и которое непрестанно бросает вызов нашему разуму и нашей свободе. И все, что происходит, должно найти пространство в нашем сердце.

Ты говорил, что драматические обстоятельства (смерть, страдание, зло, неуверенность) противостоят надежде. А как поддерживать надежду живой в обыденных вещах, случающихся ежедневно? Как быть, если нас не терзает опыт крайностей?

Как легко оставаться в тисках собственных угрызений совести и совершенных ошибок, так что в конечном итоге уже не видишь Его глаза, не признаешь Его присутствие! Для моей надежды это, несомненно, самый большой вызов.

Ответ на первый вопрос очень простой: либо инфаркт, либо воспитание, как я часто говорю, прибегая к парадоксальному образу. Единственная альтернатива тому, чтобы ждать, когда драматические обстоятельства разбудят нас, – причастность к месту, не сводимому к нам, приучающему нас поддерживать живой надежду. Так поступал Иисус с учениками: Он знакомил их с надеждой прежде всего не с помощью драматических обстоятельств, а посредством Своего притягательного присутствия. Подобно Ему, и Джуссани подводил нас к реальности, к надежде не через драматические обстоятельства, а с помощью непоколебимой притягательности, которая заставила двигаться самые наши глубины (драматическим обстоятельствам не всегда это удается). В конечном счете не существует никакой альтернативы постоянному воспитанию, потому что, даже преодолев драматические ситуации, мы с легкостью возвращаемся к старым привычкам. Именно такой риск подстерегает нас в пандемии: закрыть драматичный вопрос, словно ничего и не случилось. Если наша жизнь не погружена в место, которое непрерывно возрождает нас, бросая нам вызов, то становится практически невозможно не поддаться пустоте жизни без смысла, не задохнуться в рутине.

То же касается и угрызений совести. Перед Тем, Кто говорит тебе и мне, как Петру после отречения: «Любишь ли ты Меня?»¹⁸ – проблема уж точно не в сожалении о нашей глупости. Петр отрекся от Него, совершил величайшую ошибку, на какую только способен человек, явную, на глазах у всех (это вам

¹⁸Ср. *Ин.* 21:15.

не угрызения совести за наши маленькие и большие промахи!). Тут проясняется суть вопроса. Петр свидетельствует о ней еще до своего «да» Христу. Ученики отправились ловить рыбу, но ничего не поймали. С берега кто-то кричит: «Почему бы вам не закинуть сети по другую сторону лодки?» Сеть прорывалась от рыбы! Проницательный Иоанн восклицает: «Это Господь!» – и Петр мгновенно бросается в воду¹⁹. Любовь Петра ко Христу была сильнее угрызений совести. Иисус еще не спросил его: «Любишь ли ты Меня?» – но любовь к Нему была настолько укоренена в самом нутре Петра, что даже троекратное отречение не вырвало ее из него. Только это побеждает угрызения совести: господство Присутствия и любви, которая больше угрызений. Как говорит Джуссани, размышляя о «да» Петра, необходимо Присутствие, которому мы можем сказать да.

Ко Христу привязываешься настолько, что никакая ошибка, совершенная или возможная, не в силах отделить от Него.

¹⁹Ср. *Ин.* 21:1–7.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ **3**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«ХУЖЕ ЭТОГО КРИЗИСА

ТОЛЬКО ДРАМА ПРОЖИТЬ ЕГО ВПУСТУЮ» **7**

1. Столкновение с реальностью 7
2. Разные подходы к случившемуся 12
3. Критерий суждения 21
4. Бегство от самих себя 28

ГЛАВА ВТОРАЯ

МЫ ЯВЛЯЕМСЯ ОЖИДАНИЕМ **39**

1. Неустраняемая данность 40
2. Любовь к себе 45
3. «О, если бы Ты расторг небеса и сошел!» 51

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НЕОЖИДАННЫЙ ТРЕПЕТ **57**

1. «Непредвиденное – единственная надежда. Но мне твердят, что говорить так – безрассудство» 58
2. Есть те, кто утверждает, что непредвиденное произошло 67
3. Нередуцируемость христианского факта 72
4. Опыт и критерии сердца 82

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЦВЕТОК НАДЕЖДЫ **91**

1. Потребность в уверенности 91
2. Уверенность веры есть семя уверенности надежды 115

ГЛАВА ПЯТАЯ

НА ЧТО ОПИРАЕТСЯ НАДЕЖДА **129**

1. Изнурительный путь 129
2. Жилище Всевышнего 136
3. Место надежды 140
4. Как распознать это место? 147
5. Как может стать твоим то,
что ты видишь в другом? 154

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НАДЕЖДА ПЕРЕД ИСПЫТАНИЕМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ **169**

1. Непостыжающая надежда 169
2. Поддерживать в людях надежду 188

ПРИЛОЖЕНИЕ 199

Вопросы и ответы **199**

В этой книге президент Братства «Общения и освобождения» рассматривает вопрос, часто звучащий в последнее время, отмеченное неуверенностью: «Есть ли надежда?» Столкновение с суровой реальностью выявило человеческую нужду во всей ее полноте. В этот драматичный период, возможно, даже больше, чем обычно, сердце каждого человека не довольствуется частичными ответами и кричит о желании найти то, что соразмерно вызову.

«Непредвиденное – единственная надежда», – говорил Монтале. Весть о непредвиденном событии прозвучала в истории и заставила трепетать от радости тех, кто первым познакомился с Иисусом. С того момента семя надежды вошло в мир и продолжает пускать корни в людях. Во встрече с ними сердце вновь воспламеняется и оживает, и мы обнаруживаем в себе «странную положительность» и смелость, которая позволяет на основании опыта, переживаемого в настоящем, бросать вызов злу, боли и даже смерти.

ХУЛИАН КАРРОН родился в 1950 году в Наваконсехо в Испании. Рукоположен в 1975-м, преподавал Священное Писание в Университете св. Дамаса в Мадриде. В 2004-м переехал в Милан по просьбе отца Джуссани, чтобы разделить с ним руководство движением «Общение и освобождение». С 19 марта 2005 года является президентом Братства «Общения и освобождения». С 2004-го преподает богословие в Католическом университете Святого Сердца в Милане. В 2015 году вышла в свет его книга «Безоружная красота» (*La bellezza disarmata*), в 2017-м – «Где Бог?» (*Dov'è Dio?*), в 2020-м – «Пробуждение человечности» (*Il risveglio dell'umano*), «Сияние в глазах» (*Il brillio degli occhi*) и том о воспитании *Educazione. Comunicazione di sé*.

На обложке: Винсент Ван Гог. *Сирень*. 1889.

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия.

© Foto Scala, Firenze